

АЗИАТСКО- ТИХООКЕАНСКИЙ РЕГИОН:

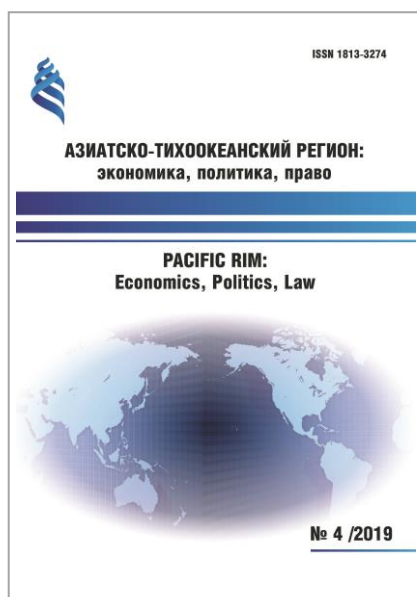
экономика, политика, право

**Научный
журнал**

Основан в 1999 году

2019
№ 4

Учредитель:

- Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-65746 от 20.05.2016.
- ISSN 1813-3274 (печатная версия)
- ISSN 2499-9474(онлайн)
- Индекс 83612
- DOI dx.doi.org/10.24866/1813-3274.
- Журнал рекомендован Высшей аттестационной комиссией Министерства науки и высшего образования РФ для публикации основных результатов диссертаций на соискание учёной степени доктора и кандидата наук.
- Материалы журнала включены в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Адрес редакции:

690922, г. Владивосток, о. Русский, п. Аякс, 10, кампус ДВФУ
корп. А(24), к. А920–923

Дальневосточный федеральный университет

Тел.: +7 (423) 265-24-24 (* 2716)

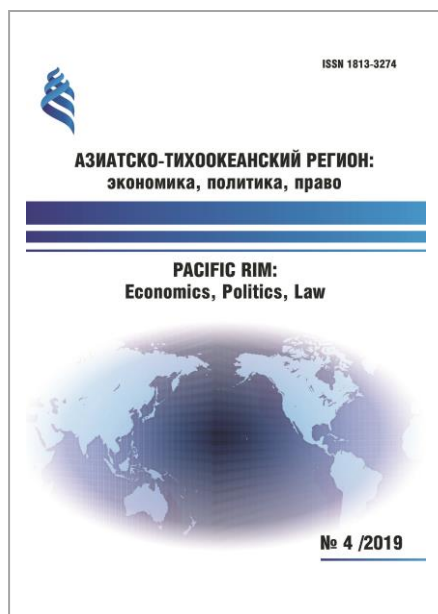
PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law

Research Journal

The Journal was established in 1999

2019
No 4

Founder:

- Registration certificate ПИ № ФС 77-65746 of May 20, 2016.
- ISSN 1813-3274 (Print)
- ISSN 2499-9474 (Online)
- Index 83612
- DOI dx.doi.org/10.24866/1813-3274.
- The Journal has been recommended by the Higher Certification Committee of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, for publication of major results of Candidate and Doctoral Dissertations.
- Materials of the Journal are included into the Russian Science Citation Index.

Address:

690922, Vladivostok, Russky Island, 10 Ajax Bay, FEFU Campus
Building A (24), office A920–923
Far Eastern Federal University
Phone: +7 (423) 265-24-24 (* 2716)

Председатель редакционного совета журнала

**КНЯЗЕВ
Сергей
Дмитриевич** судья Конституционного Суда Российской Федерации, заведующий кафедрой конституционного и административного права Юридической школы Дальневосточного федерального университета, профессор кафедры административного права Юридического факультета СПбГУ, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, заслуженный юрист Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия

Главный редактор журнала

**КОРОБЕЕВ
Александр
Иванович** заведующий кафедрой уголовного права и криминологии Юридической школы Дальневосточного федерального университета, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, Владивосток, Россия

Заместители главного редактора

**ГАВРИЛОВ
Вячеслав
Вячеславович** доктор юридических наук, доцент, директор Юридической школы, заведующий кафедрой международного публичного и частного права Дальневосточного федерального университета, Владивосток, Россия

**КУЗНЕЦОВА
Наталья
Викторовна** профессор кафедры мировой экономики Школы экономики и менеджмента Дальневосточного федерального университета, доктор экономических наук, профессор, Владивосток, Россия

**МАМЫЧЕВ
Алексей
Юрьевич** профессор кафедры теории и истории государства и права Юридической школы Дальневосточного федерального университета, доктор политических наук, доцент, Владивосток, Россия

Ответственный секретарь

**КОРОЧЕНЦЕВ
Владимир
Владимирович** заведующий кафедрой общей и экспериментальной химии Школы естественных наук Дальневосточного федерального университета, кандидат химических наук, доцент, Владивосток, Россия

Редакционный совет журнала

- БАКЛАНОВ
Пётр
Яковлевич** академик Российской академии наук, директор Тихоокеанского института географии Дальневосточного отделения Российской академии наук, доктор географических наук, Владивосток, Россия
- БЕЛКИН
Виктор
Григорьевич** советник директора Школы экономики и менеджмента Дальневосточного федерального университета, доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, Владивосток, Россия
- ВАНДЕРХЗВААГ
Дэвид** директор Института морского и экологического права, Юридическая школа им. Шулиха, Университет Дэлхаузи, PhD, профессор, Галифакс, Новая Шотландия, Канада
- КАПУСТИН
Анатолий
Яковлевич** научный руководитель Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, президент Российской ассоциации международного права, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, Москва, Россия
- КОШЕЛЬ
Алексей
Сергеевич** проректор по общим вопросам Дальневосточного федерального университета, кандидат политических наук, доцент, Владивосток, Россия
- КУРИЛОВ
Владимир
Иванович** член международного экспертного совета при Верховном Суде Китайской Народной Республики, доктор юридических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, Владивосток, Россия
- ЛИ
Сеун** председатель Совета Образовательного фонда ShinIL, Seoul Cyber University, Сеул, Республика Корея, почётный доктор Дальневосточного федерального университета
- ПАК
Ноенг** профессор права Юридической школы Университета Корё, директор Центра киберправа Университета Корё, президент Центра международных исследований киберправа в Корее, Сеул, Республика Корея, почётный доктор Юридической школы Дальневосточного федерального университета
- РОГОВ
Игорь
Иванович** заместитель исполнительного директора Фонда первого президента Республики Казахстан, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель Республики Казахстан, Нур-Султан, Республика Казахстан

СНАЙДЕР Даниель	заместитель директора по науке Центра Азиатско-Тихоокеанских исследований имени Шоренстайна Стэнфордского университета, Соединённые Штаты Америки
ФУ Куенчен	профессор Юридического института «Кайюань» Шанхайского транспортного университета, Шанхай, Китайская Народная Республика
ХУАН Даосю	председатель Научно-исследовательского центра по изучению российского права, профессор, Пекин, Китайская Народная Республика
ПАНОВА Инна Викторовна	профессор департамента публичных дисциплин факультета права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», судья Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации в отставке, доктор юридических наук, профессор, Москва, Россия
<i>Редакционная коллегия журнала</i>	
АРАНОВСКИЙ Константин Викторович	судья Конституционного Суда Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия
ВОТИНЦЕВА Людмила Ивановна	член-корреспондент Российской академии естественных наук, профессор кафедры современного банковского дела Школы экономики и менеджмента Дальневосточного федерального университета, доктор экономических наук, профессор, почётный работник высшего профессионального образования, Владивосток, Россия
ЖАРИКОВ Евгений Прокофьевич	профессор кафедры мировой экономики Школы экономики и менеджмента Дальневосточного федерального университета, доктор экономических наук, профессор, Владивосток, Россия
КОРОТКИХ Наталья Николаевна	профессор кафедры уголовного права и криминологии Юридической школы Дальневосточного федерального университета, доктор юридических наук, Владивосток, Россия
НОМОКОНОВ Виталий Анатольевич	профессор кафедры уголовного права и криминологии Юридической школы Дальневосточного федерального университета, доктор юридических наук, профессор, Владивосток, Россия
ПЕСЦОВ Сергей Дмитриевич	профессор кафедры международных отношений Восточного института – Школы региональных и международных исследований Дальневосточного федерального университета, доктор политических наук, профессор, Владивосток, Россия

Chairman of Editorial Council

Sergey D. Knyazev Judge of the Constitutional Court of the Russian Federation, Chair of Department of Constitutional and Administrative Law, Far Eastern Federal University, Professor of Department of Administrative Law, Faculty of Law, Saint Petersburg State University, Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Honored Lawyer of the Russian Federation, Saint Petersburg, Russia

Editor-in-Chief

Alexander I. Korobeev Chair of Department of Criminal Law and Criminology, Law School, Far Eastern Federal University, Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Vladivostok, Russia

Deputy of Editor-in-Chief

Vyacheslav V. Gavrilov Doctor of Law, Associate Professor, Director of the Law School, Chair of Department of International Public and Private Law of the Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia

Natalia V. Kuznetsova Professor of Department of World Economy, School of Economics and Management, Far Eastern Federal University, Doctor of Economics, Professor, Vladivostok, Russia

Alexey Yu. Mamychev Professor of Department of Theory and History of State and Law, School Law, Far Eastern Federal University, Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Vladivostok, Russia

Assistant editor

Vladimir V. Korochentsev Chair of Department of General and Experimental Chemistry, School of Natural Sciences, Far Eastern Federal University, Candidate of Sciences (Chemistry), Associate Professor, Vladivostok, Russia

Members of Editorial Council

Petr Ya. Baklanov Academician of Russian Academy of Sciences, Director of Pacific Institute of Geography, Far Eastern Branch of RAS, Doctor of Geographical Sciences, Vladivostok, Russia

Victor G. Belkin Advisor to the Director of School of Economics and Management, Far Eastern Federal University, Honored Scientist of the Russian Federation, Doctor of Economics, Professor, Vladivostok, Russia

David VanderZwaag Director of Institute of Marine and Environmental Law, Schulich School of Law, Dalhousie University, PhD, Professor, Halifax, Nova Scotia, Canada

- Anatoly Ya. Kapustin** Scientific Director of the Institute of Legislation and Comparative Law Research under the Government of the Russian Federation, President of Russian Association of International Law, Honored Scientist of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Russia
- Alexey S. Koshel** Vice-President for General Affairs, Far Eastern Federal University, Candidate in Political Science, Associate Professor, Vladivostok, Russia
- Vladimir I. Kurilov** Member of International Expert Committee within the Supreme Court of People's Republic of China, Honored Educationalist of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Vladivostok, Russia
- Lee Se Ung** Chair of the Board, ShinIL Educational Foundation, Seoul Cyber University, Seoul, Republic of Korea, Honorary Doctor of Far Eastern Federal University
- Park Nohyoung** Professor of Law of Korea University, Director of Cyber Law Center, Korea University, President of Center fo International Cyber Law Studies in Korea, Seoul, Republic of Korea, Honorary Doctor of the Law School, Far Eastern Federal University
- Igor I. Rogov** Deputy of Executive Director, Foundation of the First President of Kazakhstan, Doctor of Law, Professor, Honored Researcher of the Republic of Kazakhstan, Nur-Sultan, the Republic of Kazakhstan
- Daniel C. Sneider** Associate Director for Research, Walter H. Shorenstein Asia-Pacific Center at Stanford University, United States of America
- Fu Kuen-chen** Professor, Ko Guan Law Institute of Shanghai Jiao Tong University, Shanghai, People's Republic of China
- Huang Daoxiu** Chairman of the Research Centre for the Study of Russian Law, Beijing, Professor, People's Republic of China
- Inna V. Panova** Professor of Department of Public Disciplines, Faculty of Law, National Research University, Higher School of Economics, Retired Judge of Supreme Arbitration Court of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Moscow, Russia

Members of Editorial board

- Konstantin V. Aranovsky** Judge of the Constitutional Court of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Saint Petersburg, Russia
- Lyudmila I. Votintseva** Professor of Department of Modern Banking, School of Economics and Management, Far Eastern Federal University, Honored Educationalist, Doctor of Economics, Professor, Vladivostok, Russia
- Evgeny P. Zharikov** Professor of Department of World Economy, School of Economics and Management, Far Eastern Federal University, Professor, Vladivostok, Russia
- Natalia N. Korotkikh** Professor of Department of Criminal Law and Criminology, Law School, Far Eastern Federal University, Doctor of Law, Vladivostok, Russia
- Vitaly A. Nomokonov** Professor of Department of Criminal Law and Criminology, Law School, Far Eastern Federal University, Doctor of Law, Professor, Vladivostok, Russia
- Sergey D. Pestsov** Professor of Department of International Relations, Oriental Institute – School of Regional and International Studies, Far Eastern Federal University, Doctor of Political Sciences, Professor, Vladivostok, Russia

Содержание

К читателям журнала	11
--------------------------------------	----

ЭКОНОМИКА РЕГИОНА

<i>Олейник Е. Б., Юрченко Е. Г., Захарова А. П.</i> Ипотечный жилищный кредит как фактор повышения миграционной привлекательности Дальневосточного региона.	15
<i>Кузнецова Н. В., Кочева Е. В., Матев Н. А.</i> Методика оценки социально-экономических рисков для ответа России на большие вызовы.	30

ПОЛИТИКА

<i>Карабущенко П. Л., Воронцов С. А., Понеделков А. В., Лебедева И. В.</i> Миграция и новые угрозы европейской безопасности: Удо Ульфкотте о кризисе германских политических элит	53
<i>Воронцов С. А., Мамычев А. Ю., Понеделков А. В.</i> Противодействие идеологии терроризма в современной России: по материалам социологических (полевых) исследований	66

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ

<i>Арановский К. В., Князев С. Д.</i> Конституционные стандарты выборов в демократическом правовом государстве (из практики Конституционного Суда Российской Федерации)	91
<i>Присекина Н. Г., Замулина Е. Е.</i> Принцип взаимности и оговорка о публичном порядке в институте трансграничного банкротства по законодательству России и США	108
<i>Чекулаев С. С.</i> Коллизионные вопросы разрешения корпоративных конфликтов, осложнённых иностранным элементом	116
<i>Макаров А. В.</i> Уголовная ответственность за преступления против половой свободы и половой неприкосновенности несовершеннолетних в России и за рубежом	124
<i>Даниловская А. В.</i> Основания смягчения и исключения уголовной ответственности за картели на товарных рынках	136
<i>Шарапова А. А.</i> Некоторые аспекты правового статуса коренных народов Российской Федерации и примеры судебной практики	153

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Квасникова Т. В., Сонин В. В.</i> На крыльях сравнительного правоведения: обзор Международного симпозиума «Развитие и усовершенствование законодательства в Китае и России»	172
--	-----

Contents

To the Readers	11
ECONOMY OF THE REGION	
<i>Oleinik Elena B., Yurchenko Elena G., Zakharova Alena P.</i> Mortgage housing credit as a factor in increasing the migration attractiveness of the Far Eastern region.	15
<i>Kuznetsova Natalia V., Kocheva Ekaterina V., Matev Nikolay A.</i> Methodology of assessing the social and economic risks for Russia's response to big challenges.	30
POLITICS	
<i>Karabushenko Pavel L., Vorontsov Sergey A., Ponedelkov Alexander V., Lebedeva Irena V.</i> Migration and new threats to European security: Udo Ulfkotte on the crisis of German political elites.	53
<i>Vorontsov Sergey A., Mamychyev Alexey Yu., Ponedelkov Alexander V.</i> Countering the ideology of terrorism in modern Russia: based on sociological (field) research. .	66
LEGAL REGULATION	
<i>Aranovsky Konstantin V., Knyazev Sergey D.</i> Constitutional standards of elections in a democratic state of law (from the practice of the Constitutional Court of the Russian Federation).	91
<i>Prisekina Natalia G., Zamulina Ekaterina E.</i> The principle of reciprocity and a clause on public policy at the institute of cross-border bankruptcy under the laws of Russia and the USA.	108
<i>Chekulaev Sergey S.</i> Collisional issues of resolving corporate conflicts complicated by a foreign element.	116
<i>Makarov Andrey V.</i> Criminal liability for crimes against sexual freedom and sexual inviolability of minors in Russia and abroad.	125
<i>Danilovskaya Anna V.</i> Grounds for mitigation and exclusion of criminal liability for cartels in commodity markets.	140
<i>Sharapova Anna A.</i> Certain aspects of the legal status of the indigenous peoples of the Russian Federation and examples of judicial practice	153
SCIENTIFIC LIFE	
<i>Kvasnikova Tatyana V., Sonin Vadim V.</i> On the wings of comparative law: a review of the International Symposium "Development and Improvement of Legislation in China and Russia"	172

К читателям журнала

Либерализация экономики Российского Дальнего Востока (РДВ) создала реальные условия для развития внешнеэкономических связей со странами Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР). Безусловно, интеграция в экономику тихоокеанских стран объективно зависит от комплекса политических, экономических, военно-стратегических и социально-психологических условий. Недостаточное внимание к ним и их слабая изученность чреваты замедлением интеграционных процессов. Поэтому выпуск журнала «Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право» весьма актуален в целях содействия развитию фундаментальных и прикладных исследований в области регионального сотрудничества РДВ со странами АТР, освещения проблем его участия в развитии интеграционных процессов, решения задач подготовки высокопрофессиональных специалистов в области международных отношений.

В соответствии с целью журнала, издаваемого Дальневосточным федеральным университетом, его рубрики содержат:

- статьи по экономике, внешнеэкономической деятельности РФ, политике, международному сотрудничеству стран АТР, Дальнего Востока, Приморского края;
- архивные материалы и комментарии к ним по истории сотрудничества России со странами АТР, политическим взаимоотношениям;
- социологические исследования по важнейшим экономическим, общественно-политическим и правовым вопросам;
- справочные и законодательные материалы по регулированию национальных экономик, межстрановому взаимодействию в АТР;
- сравнительно-правовое исследование особенностей законодательства России и стран АТР в сфере противодействия новым угрозам и вызовам в условиях глобализации;
- обзоры деятельности региональных организаций;
- сообщения, официальную информацию по материалам региональных совещаний, конференций, дипломатических встреч.

Помимо указанных проблем в журнале освещаются и иные региональные аспекты – демографические, экологические и пр.

Учитывая важность затрагиваемых в журнале проблем, редколлегия приглашает к сотрудничеству специалистов из разных сфер деятельности, имеющих отношение к тематике журнала, в том числе сотрудников ДВФУ и других вузов, научных институтов, специалистов, знающих на практике проблемы Дальнего Востока и регионального взаимодействия.

Для публикации статьи в журнале необходимо прислать:

- материалы, согласно указанной рубрике, оформленные по образцу журнала, объемом не более 20 страниц машинописного текста, включая список литературы;

- Ф.И.О. (полностью), учёную степень и учёное звание, должность, место работы – на русском и английском языках;
- название статьи, аннотацию (250–300 слов), ключевые слова (не менее 20) – всё на русском и английском языках;
- e-mail для связи с читателями, УДК;
- ссылки внутритекстовые помещать в квадратных скобках, например, «Согласно работе [5], или при цитируемой ссылке [5, с. 18]»;
- список литературы (на русском яз.) и References (транслитерация BSI, пер. на англ. яз.) – в конце статьи; обязательно указывать общее количество страниц в печатном источнике.

Рукопись необходимо присылать в электронном виде, шрифт Times New Roman, кегль 14. Образец оформления статьи можно посмотреть на сайте.

Надеемся, что журнал «Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право» сыграет важную роль в обмене опытом между учёными и практиками Дальнего Востока и будет способствовать эффективному решению проблем региона.

Предложения, пожелания, заявки на участие в издательской деятельности журнала и его приобретение направлять по адресу: 690091, Владивосток, ул. Суханова, 8, проф. А. И. Коробееву. E-mail: akorobeev@rambler.ru

Информация о журнале в Интернете: dvfu.ru/apr-magazine/

Тел.: +7 (423) 265-24-24 (*2716).

To the Readers

The Liberalization of the economy of the Russian Far East (RFE) has created the environment for development of foreign economic ties with the countries in the region of Asia-Pacific (APR). Of course, that integration into the economies of the Pacific countries objectively depends on a complex blend of political, economic, military, strategic and socio-psychological conditions. Insufficient attention to these conditions and their insufficient study has led to a slowdown in integration processes. Therefore, the emergence of "PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law" Journal is very important in order to promote the development of fundamental and applied research in the field of regional cooperation of the RFE with Asia Pacific countries. Likewise, it is paramount in covering the issue of APR's participation in the development of the integration processes and solving problems of preparation of highly qualified specialists in the field of international relations.

In line with the purpose section of the journal, published by the far Eastern Federal University, the journal includes the coverage of the following topics:

- Articles on the economy, foreign economic activity, policy, international law cooperation of the countries of Asia-Pacific region, the Far East, Primorsky Krai;
- Archival materials and comments on the history of cooperation between Russia and Asian-Pacific countries, the political relations;
- Materials of sociological research on the most important economic, public-awareness, legal and policy;
- Legislative reference materials on the regulation of national economics and cross-country cooperation in the Asia-Pacific;
- Comparative-legal study features of the legislation of Russia and the Asia-Pacific countries in countering new threats and challenges in the context of globalization;
- Reviews of the activities of regional organizations;
- Messages and the official information materials of regional meetings, conferences, diplomatic meetings.

In addition to these problems, the journal covers other regional aspects, such as demographic, environmental, etc.

Given the importance of issues discussed in the journal, the editorial Board invites the cooperation and contribution of specialists from different spheres of activity relevant to the topics of the journal, including: employees of the FEFU and other universities, researchers from variety of research institutions, specialists in the problems of the Far East and its regional affairs.

For participation in publication, it is necessary to send:

- Materials according to the specified category, formatted in accordance with the journal's standards, with a volume of no more than 20 pages of text, including references;

- Full name (complete), professional position, academic degree and academic status in both Russian and English languages;

- The manuscript's title, a brief abstract (250–300 words), keywords (at least 20) – in Russian and English languages;

- Access to e-mail for communication means with readers, UDC;

- Links placed in square brackets, for example, "According to [5], or the cited reference [5, p. 18]";

- List of Literatours (in Russian) and References (BSI transliteration, translated into English) should be placed at the end of the article; Be sure to specify the total number of pages in the printed source.

The manuscript makes an electronic variant, font – Times New Roman, № 14. A sample design can be viewed on the site.

We hope that the journal the PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law will play an important role in experience exchange between the scientists and experts of the Far East, and will promote effective solution of the problems of the region.

Proposals, applications for participation in publishing the journal and its acquisition should be directed to: 8, Sukhanova St., Vladivostok, 690091, RUSSIA, prof. A. I. Korobeev. E-mail: akorobeev@rambler.ru

Use the following internet link to access the journal's website: apr-magazine.dvfu.ru

Tel.: +7 (423) 265-24-24 (*2716).

ЭКОНОМИКА РЕГИОНА ECONOMY OF THE REGION

УДК 336.77:332.834.13:325.14(571.6)

DOI dx.doi.org/10.24866/1813-3274/2019-4/15-29

Е. Б. Олейник¹, Дальневосточный федеральный университет,
Владивосток, Россия
E-mail: oleynik.eb@dvfu.ru

Е. Г. Юрченко², Дальневосточный федеральный университет,
Владивосток, Россия
E-mail: yurchenko.eg@dvfu.ru

А. П. Захарова³, Дальневосточный федеральный университет,
Владивосток, Россия
E-mail: zakharova.ap@dvfu.ru

ИПОТЕЧНЫЙ ЖИЛИЩНЫЙ КРЕДИТ КАК ФАКТОР ПОВЫШЕНИЯ МИГРАЦИОННОЙ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТИ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО РЕГИОНА*

Аннотация. В статье обозначена одна из самых больших проблем развития Дальневосточного региона – уменьшение численности населения. Представлены итоги миграции и сравнительная характеристика социально-экономических показате-

¹ Елена Борисовна Олейник, доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры бизнес-информатики и экономико-математических методов Школы экономики и менеджмента, Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия.

² Елена Григорьевна Юрченко, кандидат физико-математических наук, доцент, доцент кафедры бизнес-информатики и экономико-математических методов Школы экономики и менеджмента, Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия.

³ Алена Петровна Захарова, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры бизнес-информатики и экономико-математических методов Школы экономики и менеджмента, Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия.

Для цитирования: Олейник Е. Б., Юрченко Е. Г., Захарова А. П. Ипотечный жилищный кредит как фактор повышения миграционной привлекательности Дальневосточного региона // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика и право. 2019. № 4. С. 15–29.

* Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 19-010-00085 А «Комплексная оценка структурной динамики экономической системы Дальневосточного региона на основе моделирования результатов стратегических инвестиционных проектов».

телей субъектов Дальневосточного федерального округа. Отмечено, что ипотечное жилищное кредитование является одним из инструментов, который способствует уменьшению оттока населения из региона. Представлена динамика процентной ставки по ипотечному жилищному кредиту. Проведён анализ и представлена модель прогнозирования объёмов ипотечного жилищного кредита на примере Приморского края. Для моделирования объёмов ипотечного жилищного кредита были использованы две комбинированные аддитивные модели: первая – модель множественной линейной регрессии и авторегрессионной модели временного ряда для остатков; вторая – модель с выявлением тренда, расчётом сезонной компоненты и моделью авторегрессии для случайной компоненты. Сравнительный анализ ошибок моделей показал, что лучшей является вторая модель, ей соответствуют минимальные ошибки, поэтому она была выбрана для прогнозирования. Прогноз был дополнен анализом тенденции изменения численности населения в Приморском крае, который показал, что рост объёмов ипотечного жилищного кредита происходит на фоне уменьшения численности населения, следовательно, жители региона заключают большое количество ипотечных сделок на приобретение квартир за пределами Дальневосточного региона. Рост средней суммы ипотечного займа означает, что уменьшается объём собственных средств на покупку квартиры. В то же время снижается и количество выданных кредитов. Рост объёмов ипотечного жилищного кредита при снижении их количества свидетельствует о том, что возможности накопления первоначального взноса значительно уменьшились. В целом ипотечное кредитование является перспективным направлением повышения миграционной привлекательности региона. Региональное жилищное ипотечное кредитование – источник получения доходов для бюджета; расширение рынка занятости для строителей, проектировщиков; решение проблем со строительством жилья нуждающимся слоям населения; возможность перехода свободных денежных средств и накоплений населения в инвестиции. Но проблема уменьшения численности населения в регионе требует системного решения не только социальных, но также экономических и экологических проблем и не может быть решена только уменьшением процентных ставок на ипотечные кредиты.

Ключевые слова: отток населения, миграционная привлекательность, ипотечный жилищный кредит, эконометрическая модель, процентная ставка, формы ипотечного кредита, прогнозирование объёмов ипотечного кредитования, численность населения.

Oleinik Elena B.¹, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia
E-mail: oleynik.eb@dvfu.ru

Yurchenko Elena G.², Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia
E-mail: yurchenko.eg@dvfu.ru

Zakharova Alena P.³, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia
E-mail: zakharova.ap@dvfu.ru

MORTGAGE HOUSING CREDIT AS A FACTOR IN INCREASING THE MIGRATION ATTRACTIVENESS OF THE FAR EASTERN REGION*

Abstract. The article reviews on pf the most challenging issues for the development of the Russian Far East – the population decrease. The authors have decried the migration outcomes and the comparative characteristics of social and economic indicators of the subjects of Russian Far Eastern Federal District. Mortgage credits are a tool of reducing the migration outflow from the region. The article reviews the dynamics of mortgage interest rates and the model of forecasting the mortgage credit volumes based on the Primorye data. Forecasting the volumes of mortgage credits was conducted with two combined adaptive models: the model of multiple linear regression and the autoregressive model of the time sequence for remainders; the second model involves revealing the trends, calculating the seasonal component and the autoregressive model for the random component. Comparative analysis of model errors has shown that the second model is the best one due to the low number of errors; therefore, it was selected for forecasting. The forecast was supplemented with the analysis of population changes trends in Primorye that has showed that the growth of mortgage credit volumes was accompanied by the population decrease. This means that the residents of the region take a lot of mortgage credits for purchasing apartments outside the territory of the Far Eastern region. Growth of the average

¹ Oleinik Elena B., Dr. Econ. Sciences, Professor, Department of Business Informatics and Economic and Mathematical Methods, School of Economics and Management, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

² Yurchenko Elena G., candidate of physical and mathematical sciences, associate Professor, Department of Business Informatics and Economic and Mathematical Methods, School of Economics and Management, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

³ Zakharova Alena P., PhD in Economics, associate Professor, Department of Business Informatics and Economic and Mathematical Methods, School of Economics and Management, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

For citing: Oleinik E. B., Yurchenko E. G., Zakharova A. P. Mortgage housing credit as a factor in increasing the migration attractiveness of the Far Eastern region // PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law. 2019. N 4. P. 15–29.

* The research was conducted with support of the RFBR Foundation #19-010-00085 A «Complex evaluation of structural dynamics of the economic system in the Far Eastern region based on forecasting the results of strategic investment projects».

mortgage amount indicates that the people's personal funds for initial instalments have decreased. At the same time, the number of approved credits is going down. Increase in the volumes of mortgage credits in the context of their lower amounts indicates that people have fewer opportunities for accumulating initial installments. In the whole, mortgage crediting is a prospective trend in increasing the migration attractiveness of the region. Regional mortgage crediting is a source of income for the budget; expanding the employment market for construction workers and architects; solving the housing problems for the low-income population strata; an opportunity for transferring the free cash and savings into investments. However, the problem of population decrease calls for a systemic approach to social, economic and environmental problems and cannot be resolved through lower mortgage interest rates alone.

Key words: population outflows, migration attractiveness, mortgage housing credit, econometric model, interest rate, forms of mortgage crediting, forecasting the volumes of mortgage crediting, population.

Одной из самых больших проблем развития Дальневосточного региона является уменьшение численности населения. На решение этой проблемы направлены, в частности, федеральная целевая программа «Экономическое и социальное развитие Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 года» [2], развитие территорий опережающего развития и особых экономических зон, а также программа «Дальневосточный гектар». Программа «Дальневосточный гектар» — это право каждого гражданина России на безвозмездное получение земельного участка площадью до 1 гектара на Дальнем Востоке, в соответствии с которым земля предоставляется на 5 лет на основании договора безвозмездного пользования. Закон [1] предполагает свободу выбора земельных участков и видов использования земли. На первый взгляд, в 2016 г., по данным [3], реализация этих программ принесла положительные результаты: средняя добавленная стоимость на одного занятого в экономике Дальневосточного региона составила 1 172 тыс. руб., что на 22% выше общероссийского уровня. Уровень безработицы в ДВФО в первом полугодии 2018 г. снизился до 5,7%, а численность безработных составляет 272 тыс. чел. — минимальна в сравнении с другими регионами [6]. Однако, несмотря на все принятые меры, Дальний Восток является регионом, в котором наблюдается максимальный среди всех российских регионов отток населения (табл. 1).

Одна из причин — такой фактор, как высокий индекс стоимости жизни. По данным [8], в 2017 г. самый высокий индекс стоимости жизни в России наблюдался в Петропавловске-Камчатском и Анадыре — 1,58. Для сравнения: в Москве он составляет 1,27; в Краснодаре — 0,99.

Низкий уровень качества жизни, социальной сферы, коммунальной и транспортной инфраструктуры (в настоящее время 70% Дальнего Востока не обеспечено

авиасообщением) в условиях сурового климата способствуют оттоку населения из ДВФО. До тех пор, пока средняя зарплата в крупных городах Дальнего Востока будет значительно ниже, чем в других регионах, а средняя цена 1 кв. м жилой площади, наоборот, будет стоять дороже (табл. 2), будет происходить отток населения, а экономика региона лишится квалифицированных кадров.

Таблица 1

Общие итоги миграции населения в 2018 г.

Территория	Число прибывших, чел.	В % к 2017 г.	Число выбывших, чел.	В % к 2017 г.	Миграционный прирост (+), убыль (-), чел.
Российская Федерация	4910907	102,9	4786023	104,9	+124884
Дальневосточный федеральный округ	328466	101,0	361609	102,3	-33143
Республика Бурятия	41176	101,5	45751	104,0	-4575
Республика Саха (Якутия)	42338	104,0	45278	99,8	-2940
Забайкальский край	29262	104,9	36683	102,3	-7421
Камчатский край	14837	108,7	15539	118,6	-702
Приморский край	77913	103,0	82567	101,7	-4654
Хабаровский край	53212	95,9	58143	98,3	-4931
Амурская область	29396	99,4	32788	103,5	-3392
Магаданская область	7083	88,7	9746	103,9	-2663
Сахалинская область	24327	97,2	24651	108,8	-324
Еврейская автон. область	3521	82,9	5299	85,6	-1778
Чукотский автон. округ	5401	123,6	5164	102,7	+237

Источник: [6]

Возможность приобрести новое жильё – один из факторов, который может помочь остановить отток из региона квалифицированных кадров и привлечь на территорию новых жителей. Один из способов приобрести жильё – ипотечное кредитование, оно является одним из важнейших инструментом предоставления доступного жилья широким слоям населения (прежде всего среднему классу) и способствует уменьшению оттока населения из региона. Ипотечное кредитование оказывает мощное воздействие на экономическое развитие в стране. Оно оказывает положительное влияние на проблемы социальной нестабильности, такие как безработица, мобильность трудовых ресурсов.

**Показатели социально-экономической ситуации
в Дальневосточном федеральном округе, 2018 г.**

Территория	Жителей с доходом, меньшим чем прожиточный минимум, %	Доля потребительских расходов средне- статистич. семьи, потраченных на оплату ЖКХ, % (в скобках рейтинг регионов России)	Стоимость фиксированного набора потребительских товаров и услуг, руб.	Средняя цена 1 кв. м жилой площади на вторичном рынке жилья, руб.
Российская Федерация	12,9	9,6 (-)	16 003	53 574
ДФО	14,6	Нет данных	20 811	67 027
Республика Саха (Якутия)	19	8,4 (18)	20 105	72 380
Камчатский край	16,5	15 (85)	25 497	60 445
Приморский край	13,9	10,1 (46)	18 412	89 994
Хабаровский край	12	11,7 (72)	19 004	60 030
Амурская область	15,1	11,8 (73)	16 577	52 938
Магаданская область	11,3	14 (74)	22 505	47 230
Сахалинская область	9,6	8,4 (18)	19 157	107 267
Еврейская авт. область	24,6	8,7 (22)	18 409	38 343
Чукотский авт. округ	9,5	12,6 (78)	27 641	Нет данных
Источник	http://vostok.today/	https://ria.ru/20190916/1558655432.html	https://www.gks.ru/dbscripts/cbsd/DBInet.cgi?pl=1923006	https://fedstat.ru/indicator/31452

Благодаря развитию ипотечного кредитования наблюдается развитие реального сектора экономики (модернизация производств, рост строительства, возможность перехода свободных денежных средств и накоплений населения в инвестиции). В России существуют различные формы ипотечного кредитования (табл. 3). Данные формы зависят от вида жилья и его стадии готовности, следовательно, различаются и условия выдачи ипотечных кредитов.

Процентная ставка на ипотечный жилой кредит в России, несмотря на значительное уменьшение, остаётся одной из самых высоких по сравнению с другими странами (рис. 1).

Для анализа и прогнозирования объёмов ипотечного жилищного кредитования (ИЖК) был выбран Приморский край, так как это наиболее активный субъект ДВФО, с наибольшей численностью населения и относительно благоприятными климатическими условиями (табл. 4).

Формы ипотечного кредитования в России

Форма	Особенности
Ипотечный кредит по договору купли-продажи	Объект недвижимости должен быть введён в эксплуатацию, обладать всеми необходимыми для жизни коммуникациями, а продавец должен являться собственником и иметь на руках свидетельство о собственности. Как правило, данное жильё продается на вторичном рынке недвижимости.
Ипотека на строящееся жильё в многоквартирном доме	Банк выдвигает заёмщику высокую процентную ставку, короткий срок кредитования, а также увеличение минимального порога для первоначального взноса. Это связано с высоким риском приобретения строящейся недвижимости.
Ипотека под залог индивидуального строящегося жилья	Залогом может выступать земельный участок, на котором будет строиться жильё, только при условии, что он является собственностью заёмщика. К тому же объект недвижимости должен находиться в черте города и обладать системами и коммуникациями жизнеобеспечения. Само же здание должно иметь статус «недостроя», т.е. быть готовым на 40–50%.

Рис. 1. Ипотечные ставки по странам мира. Источник: [4; 7]

**Объём ипотечного жилищного кредитования
в Дальневосточном федеральном округе в 2018–2019 гг.**

Регион	Объём ИЖК, млн руб.			Численность, 2018 г., тыс. чел.
	I кв. 2019	I кв. 2018	Изменение за год, процентные пункты	
Российская Федерация	624,83	583,141	7,10	146 781
Дальневосточный федеральный округ	35,18	27,18	29,40	8 185
Республика Бурятия	2,395	2,098	14,20	983
Республика Саха (Якутия)	6,615	6,169	7,20	967
Забайкальский край	3,126	3,114	0,40	1 065
Камчатский край	1,621	1,376	17,80	314
Приморский край	7,933	6,332	25,30	1 902
Хабаровский край	5,869	5,748	2,10	1 321
Амурская область	3,213	3,293	-2,40	793
Магаданская область	901	990	-9,00	141
Сахалинская область	2,78	2,592	7,30	489
Еврейская АО	484	484	0,00	160
Чукотский АО	243	197	23,40	50

Источник: [6; 7]

Методология исследования. Для моделирования объёмов ИЖК были использованы две комбинированные модели [9].

Модель вида (1) – это аддитивная модель множественной линейной регрессии и модели временного ряда для остатков.

$$Y_{vif} = F1_t + F2_t + \varepsilon_t = a_0 + a_1x_1 + \dots + a_nx_n + ARIMA(p, i, q) + \varepsilon_t \quad (1)$$

$F1_t = a_0 + a_1x_1(t) + \dots + a_nx_n(t)$ – множественная регрессия, где $x_1(t) \dots x_n(t)$ – значимые факторы, которые влияют на Y_t .

Для выявления линейно-независимых факторов был использован коэффициент вздутия дисперсии (VIF). Данный показатель позволяет оценить увеличение

дисперсии заданного коэффициента регрессии, происходящее из-за высокой корреляции факторов. Чем выше данный показатель для фактора, тем сильнее линейная связь между ним и другими. Данный показатель рассчитывается по формуле (2)

$$VIF = \frac{1}{1-R_j^2}, \quad (2)$$

где R_j^2 – коэффициент детерминации j фактора относительно всех остальных.

Для устранения мультиколлинеарности необходимо исключить из модели те факторы, VIF-значение которых оказывается слишком высоким. Обычно критическим значением VIF принято считать 5, однако в некоторых источниках данный показатель равен 10. Данные предварительно стандартизуются по формуле (3):

$$a_i = \beta_i \cdot \frac{\sigma_y}{\sigma_{x_i}}, \quad (3)$$

где a_i – коэффициент регрессии в нормальном виде; β_i – коэффициент регрессии в стандартизованном виде; σ_y – стандартное отклонение y ; σ_{x_i} – стандартное отклонение x_i .

$F2_t = Y_t - FI_t = ARIMA(p, d, q)$ – к остаткам модели множественной регрессии применяется модель проинтегрированного скользящего среднего. Модель $ARIMA(p, d, q)$ [10], где p и q – целые числа, которые задают её порядок, а d является порядком оператора конечной разности, имеет вид (4)

$$y = C + b_1 \Delta^d y_{t-1} + b_2 \Delta^d y_{t-2} + \dots + b_p \Delta^d y_{t-p} + E_t + a_1 E_{t-1} + a_2 E_{t-2} + \dots + a_q E_{t-q} \quad (4)$$

где C – константа, $b_1 \dots b_p$ – параметры модели AR (коэффициенты авторегрессии), E_t – белый шум, $a_1 \dots a_q$ – параметры модели MA (коэффициенты модели скользящего среднего), Δ^d – оператор разности временного ряда порядка d .

Модель вида 2 – это аддитивная модель с выявлением тренда, расчётом сезонной компоненты и моделью ARIMA для случайной компоненты Y_{TSE} .

$$Y_{TSE} = T + S + ARIMA(p, i, q) + \varepsilon_t, \quad (5)$$

где T – выделенный тренд, S – оценка сезонной компоненты с помощью скользящего среднего.

Лучшая модель выбрана с помощью анализа ошибок. Все расчёты произведены в среде R-studio.

Результативным показателем является объём выданных ипотечных кредитов (Y). Факторные признаки: $X1$ – средневзвешенная процентная ставка; $X2$ – прожи-

точный минимум; X3 – уровень безработицы; X4 – средняя цена 1 кв. м общей площади квартир на рынке жилья; X5 – среднедушевые денежные доходы.

Результаты исследования. Коэффициенты VIF представлены в таблице 5, на основании которой можно сделать вывод о том, что между факторами X1, X3 и X4 отсутствует сильная линейная зависимость, их можно включать в модель.

Таблица 5

Результаты расчёта VIF для факторных признаков

Факторный признак	X1	X2	X3	X4	X5
Значение	2,4190	19,7596	2,4983	4,3791	15,6743

Коэффициенты регрессии в стандартизованном и нормальном виде представлены в таблице 6.

Таблица 6

Коэффициенты регрессии в стандартизованном и нормальном виде

Коэффициент	Значимость (p-value)	Стандартизованная форма	Нормальная форма
X1	0,758	0,0036	5,8413
X3	0,0106	-0,2429	-346,8110
X4	7,44E-12	0,7578	0,0800

Фактор X1 не является значимыми по критерию Стьюдента, а уравнение в целом значимо по критерию Фишера (p-value 8,65E-16). Построим уравнение регрессии, используя коэффициенты в нормальной форме. Полученное уравнение имеет вид:

$$Y_{vif} = -112,778 + 5,8413X_1 - 346,811X_3 + 0,08X_4. \quad (6)$$

Рассчитаем значения случайной компоненты для данной комбинированной модели $E_{vif} = Y_{факт} - Y_{vif}$. Построим модель ARIMA для полученной случайной компоненты комбинированной модели.

Временной ряд E_{vif} является стационарным по результатам расширенного теста Дики-Фуллера. При подборе параметров для данной модели критерий Акаике и значение среднеквадратичной ошибки принимают минимальное значение в ARIMA(1,0,0). Результаты статистики Бокса-Пирса больше 0,1, что говорит о том, что остатки являются белым шумом. Таким образом, комбинированная модель регрессии по VIF критерию и ARIMA (1,0,0) имеет вид:

$$Y = 112,778 + 5,8413X_1 - 346,811X_3 + 0,08X_4 + 0,75E_{t-1} + \varepsilon_t \quad (7)$$

Рассмотрим комбинированную модель Y_{STE} с расчётом сезонной компоненты, выявлением тренда и моделью ARIMA для случайной компоненты. Построим уравнение квадратичного тренда для временного ряда объёма ипотечного кредитования. Формула уравнения квадратичного тренда имеет вид:

$$T = 0,9151t^2 + 70,853t - 60,173, \quad (8)$$

где t – номер периода. Чтобы построить оценки сезонных компонент, необходимо от исходного ряда Y отнять центрированную скользящую среднюю. Затем просуммировать полученные показатели, найти среднюю оценку сезонности и корректирующий коэффициент. На практике используют скорректированную среднюю оценку сезонности. Уравнение сезонности для временного ряда объёма ипотечного кредитования имеет вид:

$$S = -116,667t_1 - 92,698t_2 - 61,021t_3 + 270,385t_4, \quad (9)$$

где t – номер квартала. Для того, чтобы найти случайную компоненту, необходимо отчистить исходный временной ряд от тренда и сезонности $E = Y - (T + S)$. Для случайной компоненты временного ряда построим модель ARIMA. Данный временной ряд является стационарным, по результатам теста Бокса-Дженкинса, остатки являются белым шумом. Для данной случайной компоненты оптимальной является модель ARIMA(1,0,0). Уравнение случайной компоненты:

$$E_t = 0,77E_{t-1} + 2550. \quad (10)$$

Сравнительный анализ ошибок моделей представлен в таблице 7. Минимальные ошибки соответствуют модели Y_{STE} , её и выбираем для построения прогноза объёмов ИЖК в Приморском крае.

Таблица 7

Сравнительный анализ моделей

для прогнозирования объёмов ипотечного кредитования

Модель	Относительная ошибка, %	Среднеквадратическая ошибка прогноза	Абсолютная ошибка, млн руб.
$Y = Y_{vijf} + ARIMA(1,0,0)$	15,67	633	1038
$Y_{TSE} = T+S+ARIMA(1,0,0)$	0,9	505	60

Прогнозное значение на 3 квартал 2019 г. составило 8255,25 млн руб. (рис. 2).

В соответствии с уравнением тренда средний ежеквартальный прирост объёма ИЖК составит 124,5 млн руб.

Рис. 2. График поквартальной динамики фактических и прогнозных значений объёма ипотечного кредитования Приморского края, млн руб., за 2006–2019 гг.

На первый взгляд, есть предпосылки стабилизации численности населения региона и снижения оттока. Дальневосточные регионы, в частности Приморский и Хабаровский края, не отличаются по объёмам выданной ипотеки от сопоставимых по численности населения регионов РФ за Уралом. То есть здесь ипотечный кредит востребован в такой же мере, как и везде. В январе–июле 2019 г., по данным ЦБ, в Приморском крае было выдано 7,7 тыс. ипотечных кредитов, а в Хабаровском – 6,3 тыс.

Но рассмотрим средний за квартал объём ИЖК и проследим тенденцию изменения численности населения в Приморском крае (рис. 3). Рост объёмов ИЖК на фоне уменьшения численности населения свидетельствует о том, что жители региона заключают большое количество ипотечных сделок на приобретение квартир за пределами Дальнего Востока, в основном, в городах Москва, Санкт-Петербург, Краснодар. То есть отток населения продолжается, несмотря на снижение процентных ставок на ипотечные кредиты и различные программы развития ДВФО.

В то же время снижается и количество выданных кредитов. Рост объёмов ИЖК при снижении их количества свидетельствует о том, что в условиях снижения реальных доходов населения возможности накопления первоначального взноса уменьшаются. Соответственно, растёт размер необходимых для покупки квартиры заёмных средств. Средний размер ипотечного кредита за период с 1 апреля 2018 г. по 1 апреля 2019 г. вырос с 1,9 до 2,2 млн руб. [7]. По сведениям экспертов, растёт на Дальнем Востоке и средняя сумма займов по ипотеке. Рост средней суммы ипотечного займа означает, что уменьшается объём собственных средств населения,

выделенных на покупку квартиры. Так, объём собственных средств граждан Приморья при покупке квартиры составляет в 2019 г. в среднем 15% от общей стоимости квартиры, а прежде был 25–30%. Из Приморского края около 20% мигрантов отбывают в Хабаровский край. Результаты сравнения показали, что Приморский край по большинству экономических и социальных индикаторов уступает Хабаровскому краю [5]. В Хабаровском крае, по сравнению с Приморским, ниже уровень младенческой смертности, безработицы, стоимость квадратного метра жилья, выше среднедушевые доходы, начисленная заработная плата.

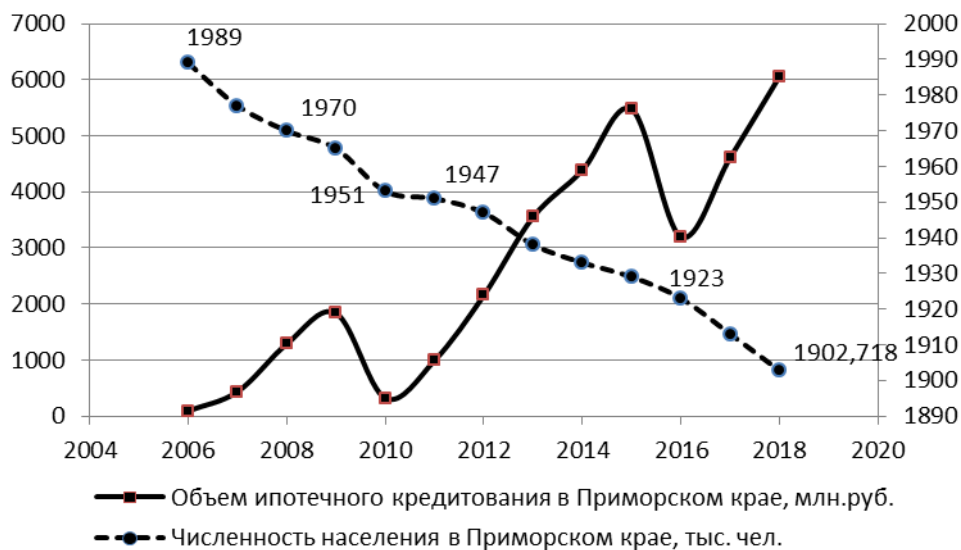

Рис. 3. Объём ипотечного кредитования и численность населения в Приморском крае за 2006–2018 гг.

Обеспечение хорошими жилищно-бытовыми условиями приводит и к улучшению здоровья нации, увеличению продолжительности жизни, что, в свою очередь, повышает трудоспособность населения. Всё это положительно сказывается на экономическом и социальном развитии региона. Однако суммарный ввод жилья в эксплуатацию только за 2018 г. в ДВФО упал на 11%, по сравнению с предыдущим годом. А региональное жилищное ипотечное кредитование – источник получения доходов для бюджета; расширение рынка занятости для строителей, проектировщиков; решение проблем со строительством жилья нуждающимся слоям населения; возможность перехода свободных денежных средств и накоплений населения в инвестиции.

Заинтересованность застройщиков и вовлечённость населения в ипотечные кредиты может помочь уменьшить отток населения из ДВФО. Но очевидно для того, чтобы росла востребованность кредитов и жилья в регионе, процентная ставка на ипотечный жилищный кредит должна быть значительно ниже, чем в среднем по

России. В целом ипотечное кредитование является перспективным направлением повышения миграционной привлекательности региона. Но проблема уменьшения численности населения в ДВФО требует системного решения не только социальных, но также экономических и экологических проблем и не может быть решена только уменьшением процентных ставок на ипотечные кредиты.

Список литературы

1. Об особенностях предоставления гражданам земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности и расположенных на территориях субъектов Российской Федерации, входящих в состав Дальневосточного федерального округа, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации (с изменениями и дополнениями) : Федеральный закон от 1 мая 2016 г. № 119-ФЗ. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_197427/ (дата обращения: 15.11.2019).
2. Государственная программа «Социально-экономическое развитие Дальневосточного федерального округа» – URL: <http://government.ru/rugovclassifier/section/2649/> (дата обращения: 10.11.2019).
3. Деловой и финансовый климат Дальневосточного региона / под ред. С. Лавского; Исследовательский центр компании «Делойт». – Москва, 2018. – 40 с. – URL: <http://governmenwww2.deloitte.com> (дата обращения: 12.11.2019).
4. Ипотечная география: средние ставки по жилищным кредитам в разных странах мира : аналитический обзор. – URL: <https://rosbank-dom.ru/blog/analitika/ipotechnaya-geografiya-srednie-stavki-po-zhilishchnym-kreditam-v-raznykh-stranakh-mira/> (дата обращения: 05.12.2019).
5. Киселев, Н. А. Приморский край: экономический рост и проблемы миграционной привлекательности / Н. А. Киселев, П. О. Гуршалов, Е. Б. Олейник // Вопросы экономики и права. – 2018. – № 7 (121). – С. 114–118.
6. Основные итоги социально-экономического положения Дальневосточного федерального округа в 2018 году. – URL: <http://assoc.khv.gov.ru/news/3486> (дата обращения: 08.12.2019).
7. Показатели рынка жилищного (ипотечного жилищного) кредитования // Официальный сайт ЦБ РФ. – URL: <https://cbr.ru/statistics/pdco/Mortgage> (дата обращения: 15.11.2019).
8. Федеральная служба государственной статистики : официальный сайт. – URL: <http://www.gks.ru> (дата обращения: 15.11.2019).
9. Пьяных, А. А. Анализ применения комбинированных моделей при краткосрочном прогнозировании временных рядов // Журнал Сибирского федерального университета. Сер.: Техника и технологии. – 2014. – Т. 7, № 3. – С. 359–363.

10. Тихомиров, Н. П. Методы эконометрики и многомерного статистического анализа / Н. П. Тихомиров. – Москва : Экономика, 2017. – 989 с.

References

1. *On the peculiarities of granting citizens land parcels held in state or municipal property and located in the territories of the subjects of the Russian Federation, which are part of the Far Eastern Federal District, and amending certain laws of the Russian Federation* (with changes and additions): Federal law of May 1, 2016 No. 119-FZ. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_197427/ (accessed 15 November 2019). (In Russian).

2. *State program «Social and Economic Development of the Far Eastern Federal District»*. Available at: <http://government.ru/rugovclassifier/section/2649/> (accessed 10 November 2019). (In Russian).

3. Lavsky S., ed. *Delovoi i finansovyi klimat Dal'nevostochnogo regiona* [Business and financial climate of the Far East region]. Deloitte Research Center. Moscow, 2018. 40 p. [electronic resource]. Available at: <http://government.ww2.deloitte.com> (accessed 12 November 2019).

4. *Mortgage Geography: Average Rates on Home Loans Around the World: Analytical Review*. Available at: <https://rosbank-dom.ru/blog/analitika/ipotechnaya-geografiya-srednie-stavki-po-zhilishchnym-kreditam-v-raznykh-stranakh-mira/> (accessed 5 December 2019). (In Russian).

5. Kiselyov N. A., Gurshalov P. O., Oleynik E. B. Primorskii krai: ekonomicheskii rost i problemy migratsionnoi privlekatel'nosti [Primorsky Region: Economic Growth and Migration Attractiveness Issues]. *Voprosy ekonomiki i prava*, 2018 no. 7 (121), pp. 114–118.

6. *The main results of the socio-economic situation of the Far Eastern Federal District in 2018*. Available at: <http://assoc.khv.gov.ru/news/3486> (accessed 8 December 2019). (In Russian).

7. *Official website of the Central Bank of Russia Indicators of the Housing (Mortgage Housing) Lending Market* [electronic resource]. Available at: <https://cbr.ru/statistics/pdco/Mortgage> (accessed 15 November 2019). (In Russian).

8. *Official website of the Federal State statistics service*. Available at: <http://www.gks.ru> (accessed 15 November 2019). (In Russian).

9. Pinykh A. A. Analiz primeneniya kombinirovannykh modelei pri kratkosrochnom prognozirovanii vremennykh ryadov [Analysis of the use of combined models in short-term prediction of time series]. *Zhurnal Sibirskogo federal'nogo universiteta. Ser.: Tekhnika i tekhnologii*, 2014, vol. 7, no 3, pp. 359–363.

10. Tikhomirov N. P. *Metody ekonometriki i mnogomernogo statisticheskogo analiza* [Methods of econometrics and multidimensional statistical analysis]. Moscow: Ekonomika Publ., 2017. 989 p.

УДК 338:330.131.7-044.3(470)

DOI dx.doi.org/10.24866/1813-3274/2019-4/30-52

Н. В. Кузнецова¹, Дальневосточный федеральный университет,
Владивосток, Россия
E-mail: kuznetsova.nv@dvfu.ru

Е. В. Кочева², Дальневосточный федеральный университет,
Владивосток, Россия
E-mail: kocheva.ev@dvfu.ru

Н. А. Матев³, Дальневосточный федеральный университет,
Владивосток, Россия
E-mail: matev.na@dvfu.ru

МЕТОДИКА ОЦЕНКИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ РИСКОВ ДЛЯ ОТВЕТА РОССИИ НА БОЛЬШИЕ ВЫЗОВЫ*

Аннотация. Проблема нового качества развития российской экономики, с точки зрения достижения стратегических целей развития и сокращения разрыва с развитыми странами, обсуждается уже много лет. Особую актуальность проблемы управления развитием больших социально-экономических систем приобретают в условиях парадигмы «больших вызовов», что требует их теоретического осмысления. «Большие вызовы» могут быть классифицированы по многим группам факторов: экономические и структурные вызовы, социальные вызовы, экологические и природно-

¹ Наталья Викторовна Кузнецова, доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры мировой экономики, Школа экономики и менеджмента, Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, Россия.

² Екатерина Викторовна Кочева, кандидат экономических наук, доцент кафедры бизнес-информатики и экономико-математических методов, Школа экономики и менеджмента, Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, Россия.

³ Николай Анатольевич Матев, кандидат экономических наук, доцент кафедры бизнес-информатики и экономико-математических методов, Школа экономики и менеджмента, Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, Россия.

* Результаты были получены при выполнении научного проекта Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) № 18-014-00001 «Модель мультивекторной социально-экономической политики взаимодействия российского Дальнего Востока и стран АТР – пути снижения неожиданных эффектов от наступления «больших вызовов».

Для цитирования: Кузнецова Н. В., Кочева Е. В., Матев Н. А. Методика оценки социально-экономических рисков для ответа России на большие вызовы // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика и право. 2019. № 4. С. 29–52.

ресурсные вызовы, ценностные вызовы, технологические вызовы, политические и институциональные вызовы и др. В разных странах меняются приоритеты этих вызовов, в зависимости от уровня их развития. Концепция настоящего исследования «больших вызовов» исходит из посыла, что в процессе глобализации экономических отношений происходит формирование качественно новой модифицированной хозяйственной системы любой страны, присущей внутренней среде национальных хозяйственных систем. Они создают причины угроз всей мировой экономике, создают барьеры и разрывы, которые обуславливают сегментацию мировой экономической системы. Главной фундаментальной научной задачей, на решение которой будет направлено исследование, – готовность России к существующими возникающим «большим вызовам», определение путей уменьшения риска и возможностей возникновения негативных событий, определение инфраструктурных и пространственных целей развития субъектов РФ, исходя из существующих рисков. В нашей работе идёт речь о необходимости системного исследования смены приоритетных направлений развития под угрозой неожиданных эффектов больших вызовов. Основной целью данного этапа исследования является определение и оценка уровня социально-экономических рисков для ответа России на «большие вызовы» и проведение классификации субъектов Российской Федерации по рассчитанным интегральным показателям, характеризующим уровень социально-экономических рисков. Также отдельно рассмотрены приоритетные направления развития субъектов Дальнего Востока в контексте выделенных больших вызовов.

Ключевые слова: большие вызовы, социально-экономические риски, интегральный показатель, национальные интересы, конкурентоспособность, методика, оценка, концепция, технологический разрыв, инновации, сырьевая отсталость, экспортно-сырьевая модель, инвестиции, человеческий потенциал, качество жизни, рынок труда, экономический рост, стратегия, внешнеэкономическая деятельность.

Natalia V. Kuznetsova¹, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia
E-mail: kuznetsova.nv@dvfu.ru

Ekaterina V. Kocheva², Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia
E-mail: kuznetsova.nv@dvfu.ru

Nikolay A. Matev³ Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia
E-mail: matev.na@dvfu.ru

METHODOLOGY OF ASSESSING THE SOCIAL AND ECONOMIC RISKS FOR RUSSIA'S RESPONSE TO BIG CHALLENGES*

Abstract. The problem of new quality economic development of Russia has been discussed for many years in the context of strategic development goals and shortening the gap with advanced countries. Managing the development of big social-economic systems has become relevant in the context of big challenges that call for theoretical grounds. “Big challenges” can be classified by many factor groups: economic and structural challenges, social challenges, ecological and resource-related challenges, value challenges, technological challenges, political and institutional challenges, etc. Different countries have different priorities for these challenges depending of their development levels. The concept of the present research is based on the idea that globalization of economic relations forms a qualitatively new, modified economic system of any country, inherent to the internal environment of national economic systems. They create threats to the whole global economy and create barriers and gaps that lead to the segmentation of the global economic system. The main fundamental research goal of this task is to research the readiness of Russia for emerging “big challenges”, finding the ways of decreasing the risks and negative consequences, defining the infrastructural and territorial goals of developing

¹ Natalia V. Kuznetsova, Doctor of Economics, Professor, International Economics Department, School of Economics and Management, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

² Ekaterina V. Kocheva, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Department of Business Informatics, Economic and Mathematical Methods, School of Economics and Management, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

³ Nikolay A. Matev, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Department of Business Informatics, Economic and Mathematical Methods, School of Economics and Management, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

For citing: Kuznetsova N.V., Kocheva E.V., Matev N.A. Methodology of assessing the social and economic risks for Russia's response to big challenges // PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law. 2019. No 4. P. 30–52.

* The results were obtained in the process of fulfilling the research project of the Russian Foundation for Basic Research (RFBR) # 18-014-00001 «Model of the multi-vector social and economic policy of the Russian Far East and Pacific Rim countries – the ways of reducing the unexpected effects caused by “big challenges”.

the RF subjects based on the existing risks. Our research shows the need for systemic research of the changing priority development trends threatened by unexpected big challenges. This stage of our research is mainly targeted at defining and assessing the level of social and economic risks for Russia's response to "big challenges" and classifying the RF subjects in accordance with calculated integral indicators that characterize the level of social and economic risks. The priority development trends of the RFE subjects have been also reviewed in the context of big challenges.

Key words: big challenges, social and economic risks, integral indicators, national interests, competitiveness, methods, assessment, concept, technological gap, innovations, underdevelopment of resource base, export-resource model, investment, HR potential, life quality, labor market, economic growth, strategy, foreign economic activity.

В настоящее время стратегия развития Российской Федерации основывается на принципах обеспечения национальных интересов. В связи с этим, особую актуальность приобретают вопросы нового вектора социально-экономического развития страны в условиях имеющихся больших вызовов.

Исследования «больших вызовов» в большей степени построены на констатации проблемных зон в мировом пространстве, например, изменение климата – Говард-Гренвилл [1], Дж. Джордж, Дж. Говард-Гренвилль [2, с. 615–623]; старение общества К. Кулик, С. Райан, С. Харпер и Дж. Джордж [3, с. 929–935]; природные ресурсы Дж. Джордж, С. Счиллебехк и Т. Лиак [4, с. 1595–1613]. Концепция «больших вызовов», по мнению П. Холла, скорее «нормальная разработка политики» [5]. Дж. Ван дер Вегт, П. Эссенс, М. Вольстром и Дж. Джордж считают, что большие вызовы могут нарушить социальную устойчивость [6, с. 971–980]. С. Гродал и С. Махоуни считают, что «большие вызовы» – это сложные проблемы, имеющие далеко идущие социальные последствия и не имеющие чёткого решения [7, 1801]. А. Колберт, Н. Йее и Дж. Джордж [8, с. 731–739] видят «цифровую рабочую силу» фактором для появления больших вызовов, М. Доджсон, Д. Ганн, И. Владвски-Бергер, Н. Султан и Дж. Джордж [9, с. 325–333] видят цифровые деньги причиной для распространения больших вызовов. А. Джоши, Б. Нили, К. Эмрих, К. Гриффитс и Дж. Джордж [10, с. 1459–1475] отмечают влияние гендерного неравенства на причины возникновения больших вызовов. Ч. В. Черчман [11, с. 141–142], Г. Риттел и М. Веббер [12, с. 155–169] придерживаются мнения, что большие вызовы – это амбициозные проблемы, которые не имеют чёткого единого решения и охватывают неполные, противоречивые или изменяющиеся требования, которые часто разворачиваются в сложных системах. В. В. Ключков, С. М. Рождественская справедливо отмечают, что масштабные глобальные проблемы, требующие качественного прорыва, вряд ли могут быть преодолены в одиночку, в режиме автаркии [13]. Исследователи организации «Grand Challenges Canada» [14] пишут, что большие вызовы необходимо рассматривать в качестве конкретного критического барьера, который, если его удалить, поможет решить важную социальную проблему с

высокой вероятностью глобального воздействия путём широкого внедрения. Это видение базируется на трёх основных принципах: научное совершенство; конкурентное сотрудничество; ответственность за результаты. В своих предыдущих исследованиях мы также определяли имеющиеся угрозы и большие вызовы России [15]. Большие вызовы – объективно требующая реакции со стороны государства совокупность проблем, угроз и возможностей, сложность и масштаб которых таковы, что они не могут быть решены, устранены или реализованы исключительно за счёт увеличения ресурсов [16].

В свою очередь, большие вызовы создают определённые риски для государства и общества и одновременно являются причиной для возникновения новых перспектив научно-технологического развития страны.

Определение социально-экономических рисков предполагает формирование набора показателей, с помощью которого представляется возможным производить мониторинг и оценку выделенных рисков, а также на их основе классифицировать субъекты Российской Федерации (табл. 1).

Таблица 1

Набор показателей для оценки социально-экономических рисков

Вызовы	Риски	Показатели
Новая волна технологических изменений. Подъём конкурентоспособности страны на мировых высокотехнологических рынках	РИСК снижения конкурентоспособности – R_1	1. Объём промышленного производства на душу населения, тыс. рублей – $INPR$ 2. Объём выпущенной продукции организаций с участием иностранного капитала, на душу населения, млрд рублей – VO 3. Удельный вес убыточных организаций, в процентах – UE 4. Степень износа основных фондов, в процентах – DFA 5. Удельный вес организаций, осуществляющих технологические инновации, в процентах – PIO
Преодоление консервативности внешнеэкономической деятельности. Необходимость догнать страны лидеры по продвижению продукции на мировые рынки	РИСК потери потенциала взаимных торговых потоков и дальнейшей интеграции в отраслевые товарные рынки – R_2	1. Объём экспорта на душу населения, тыс. долл. США – EX 2. Объём импорта на душу населения, тыс. долл. США – IM 3. Внешнеторговый оборот на душу – FTT 4. Торговый баланс – TB

Продолжение табл. 1

<p>Необходимость преодоления технологического разрыва</p>	<p>РИСК отставания научно-технического потенциала и снижения инновационной активности экономики – R_3</p>	<ol style="list-style-type: none"> 1. Доля организаций, выполняющих НИР, в общем количестве, в процентах – $OPSR$ 2. Затраты на НИР на душу населения, тыс. рублей – RC 3. Затраты на технологические инновации на душу населения, тыс. рублей – TI 4. Объём инновационных товаров, работ, услуг в общем объёме, в процентах – VIP 5. Количество выданных патентов на 1 млн человек населения – PAT 6. Доля персонала, занятого НИР, в общей численности занятых, в процентах – PRD 7. Численность исследователей с учёными степенями на 10 000 чел. населения – RES 8. Численность студентов, обучающихся по программам бакалавриата, специалитета, магистратуры, на 10 000 чел. – $STUD$ 9. Число передовых производственных технологий, на 1 млн чел. – NAT
<p>Исчерпание потенциала экспортно-сырьевой модели экономического развития России</p>	<p>РИСК сырьевой отсталости – R_4</p>	<ol style="list-style-type: none"> 1. Индекс производства в сфере добычи полезных ископаемых – $IGVA$ 2. Доля ВДС добывающих производств в общем объёме – GVA 3. Доля отгруженных товаров добывающих производств в общем объёме – MG 4. Доля работников добывающих производств в общей численности занятых – MIW
	<p>РИСК сужения производства товаров массового потребления, в первую очередь продовольствия – R_5</p>	<ol style="list-style-type: none"> 1. Объёмы реализации пищевых продуктов организациями торговли и общественного питания – FS 2. Доля расходов на продовольствие в общих расходах населения – FE 3. Индекс потребительских цен на пищевые продукты – CPI
<p>Развитие макротехнологических производств</p>	<p>РИСК снижения инвестиционной привлекательности – R_6</p>	<ol style="list-style-type: none"> 1. Инвестиции в основной капитал на душу населения – FI 2. Поступление прямых иностранных инвестиций в расчёте на душу населения – FII 3. Индекс физического объёма инвестиций – PII

Вызовы	Риски	Показатели
Формирование качественного экономического роста	РИСК деградации человеческого потенциала – R_7 :	
	1. Сокращение численности населения	1. Общий коэффициент рождаемости – CB 2. Общий коэффициент смертности – CM 3. Коэффициент младенческой смертности – CIM 4. Коэффициент миграционного прироста – MI
	2. Социальное расслоение общества	1. Уровень бедности – PL 2. Коэффициент фондов – CD 3. Коэффициент Джини – GF
	3. Социально значимые заболевания	1. Новообразования – ND 2. Туберкулёз – TUB 3. ВИЧ/СПИД – $AIDS$ 4. Наркомания – DA
	РИСК снижения качества жизни населения – R_8	1. Реальные денежные доходы населения – RCI 2. Реальный размер назначенных пенсий – RP 3. Общая площадь жилых помещений, приходящихся в среднем на одного жителя, – LS 4. Мощность амбулаторно-поликлинических организаций – ACL 5. Нагрузка на работников сферы здравоохранения – AC
	РИСК напряжённости на рынке труда – R_9	1. Уровень безработицы – UN 2. Коэффициент напряжённости – CT 3. Среднее время поиска работы – JST
	РИСК загрязнения окружающей среды – R_{10}	1. Выбросы загрязняющих веществ в атмосферный воздух – AE 2. Сброс загрязнённых сточных вод в поверхностные водные объекты – WW 3. Доля уловленных и обезвреженных загрязняющих атмосферу веществ в общем количестве отходящих загрязняющих веществ от стационарных источников – TSA

В настоящем исследовании для комплексности анализа социально-экономических рисков в каждом из выделенных блоков предполагается рассчитать интегральную характеристику.

На первом этапе построения интегральной характеристики для оценки рисков (R_i) была сформирована информационная база статистических показателей (табл. 1).

На втором этапе происходит приведение выделенных показателей к сопоставимому виду. Для процедуры нормировки исходного набора индикаторов будут использоваться линейные преобразования видов (формулы 1, 2).

$$\hat{x}_i = \frac{x_i - x_{min}}{x_{max} - x_{min}} \quad 1) \quad \hat{x}_i = \frac{x_{max} - x_i}{x_{max} - x_{min}} \quad 2)$$

где x_i – фактическое значение нормируемого показателя;

x_{max} – максимальное значение нормируемого показателя;

x_{min} – минимальное значение нормируемого показателя.

Если большее значение нормируемого показателя соответствует более низкому риску, то нормировку следует проводить по формуле (1), в обратном случае – по формуле (2). В результате применения данной процедуры все вышеобозначенные индикаторы будут приведены к единой шкале от 0 до 1. Чем ближе значение нормированного индикатора к верхней границе указанного диапазона, тем ниже риски. Определение референтных точек основывалось на имеющихся эмпирических данных по всем субъектам Российской Федерации за анализируемый период времени (2010–2017 гг.).

Далее по каждому выделенному блоку показателей рассчитывается интегральный индикатор (формула 3):

$$R_i = \sum_{i=1}^n \alpha_i \hat{x}_i \quad 3)$$

где R_i – интегральный показатель для i -го риска;

\hat{x}_i – значения нормированных индикаторов в соответствующем блоке;

α_i – весовые коэффициенты для соответствующих индикаторов.

Весовые коэффициенты для соответствующих индикаторов определяются по следующей схеме:

1. В каждом из представленных десяти рисков рассчитываются корреляционные матрицы взаимосвязи входящих в блок индикаторов.

2. Для каждого индикатора производится суммирование корреляционных коэффициентов, характеризующих его взаимосвязи с остальными индикаторами блока (r_j).

3. Рассчитывается сумма всех коэффициентов корреляции в матрице (r_{ij}).

4. Определяется весовой коэффициент (a_i) для соответствующего индикатора как частное от деления r_j на r_{ij} .

Интегральные показатели социально-экономических рисков будут находиться в диапазоне от 0 до 1, причём более высокие значения интегральной характеристики будут свидетельствовать о низкой степени социально-экономических рисков. Качественная оценка интегральных показателей приведена в табл. 2.

Таблица 2

Характеристика значений интегральных показателей социально-экономических рисков для России

Значение показателя	Характеристика
0,000–0,399	Критический риск
0,400–0,499	Высокий риск
0,500–0,599	Допустимый риск
0,600–0,699	Умеренный риск
0,700–0,799	Низкий риск
0,800–1,000	Очень низкий риск

Предложенная методика была апробирована по данным субъектов Российской Федерации за период 2010–2017 гг. Итоги расчётов на конец исследуемого периода представлены в табл. 3.

Таблица 3

Значения интегральных показателей социально-экономических рисков в субъектах России в 2017 г.

Субъект	R_1	R_2	R_3	R_4	R_5	R_6	R_7	R_8	R_9	R_{10}
Белгородская область	0,746	0,631	0,606	0,737	0,634	0,547	0,699	0,762	0,740	0,585
Брянская область	0,662	0,511	0,497	0,099	0,492	0,326	0,545	0,544	0,565	0,627
Владимирская область	0,696	0,577	0,621	0,348	0,681	0,509	0,548	0,511	0,666	0,493
Воронежская область	0,744	0,558	0,680	0,379	0,710	0,534	0,681	0,590	0,656	0,601
Ивановская область	0,547	0,501	0,465	0,215	0,691	0,412	0,534	0,569	0,607	0,537
Калужская область	0,719	0,684	0,721	0,334	0,619	0,568	0,673	0,408	0,686	0,616

Продолжение табл. 3

Костромская область	0,605	0,512	0,360	0,162	0,715	0,424	0,658	0,534	0,669	0,501
Курская область	0,659	0,546	0,589	0,700	0,678	0,477	0,681	0,606	0,572	0,671
Липецкая область	0,729	0,677	0,464	0,387	0,659	0,633	0,684	0,569	0,699	0,488
Московская область	0,712	0,616	0,739	0,302	0,558	0,591	0,681	0,756	0,715	0,572
Орловская область	0,642	0,507	0,530	0,058	0,625	0,423	0,672	0,592	0,548	0,535
Рязанская область	0,682	0,586	0,587	0,283	0,566	0,521	0,672	0,537	0,605	0,557
Смоленская область	0,651	0,617	0,510	0,292	0,574	0,486	0,546	0,605	0,550	0,558
Тамбовская область	0,660	0,470	0,524	0,050	0,734	0,471	0,673	0,503	0,610	0,499
Тверская область	0,650	0,501	0,610	0,207	0,633	0,484	0,545	0,599	0,647	0,545
Тульская область	0,693	0,642	0,537	0,364	0,634	0,569	0,669	0,504	0,682	0,526
Ярославская область	0,655	0,567	0,701	0,209	0,704	0,497	0,679	0,552	0,538	0,490
г. Москва	0,759	0,841	0,820	0,468	0,647	0,698	0,828	0,795	0,954	0,675
Республика Карелия	0,551	0,607	0,516	0,752	0,651	0,530	0,665	0,563	0,501	0,379
Республика Коми	0,584	0,556	0,525	0,867	0,638	0,514	0,688	0,417	0,584	0,341
Архангельская область	0,653	0,592	0,559	0,806	0,733	0,681	0,668	0,562	0,560	0,401
Вологодская область	0,672	0,637	0,407	0,130	0,672	0,630	0,672	0,429	0,572	0,435
Калининградская область	0,632	0,706	0,421	0,520	0,576	0,604	0,675	0,589	0,622	0,554
Ленинградская область	0,713	0,688	0,517	0,429	0,679	0,706	0,667	0,755	0,713	0,482
Мурманская область	0,649	0,663	0,508	0,768	0,656	0,641	0,674	0,493	0,579	0,376
Новгородская область	0,680	0,622	0,589	0,366	0,639	0,544	0,672	0,509	0,555	0,568
Псковская область	0,635	0,516	0,416	0,317	0,708	0,417	0,534	0,553	0,524	0,563
г. Санкт-Петербург	0,786	0,719	0,826	0,296	0,541	0,599	0,813	0,756	0,924	0,550
Республика Адыгея	0,681	0,428	0,435	0,463	0,546	0,473	0,541	0,582	0,440	0,582

Республика Калмыкия	0,443	0,077	0,487	0,491	0,551	0,344	0,659	0,499	0,390	0,559
Краснодарский край	0,754	0,620	0,573	0,495	0,690	0,551	0,677	0,533	0,613	0,513
Астраханская область	0,527	0,535	0,461	0,824	0,641	0,537	0,678	0,541	0,565	0,381
Волгоградская область	0,642	0,531	0,488	0,577	0,608	0,513	0,670	0,555	0,610	0,586
Ростовская область	0,715	0,619	0,639	0,492	0,733	0,485	0,670	0,527	0,585	0,607
Республика Дагестан	0,504	0,318	0,376	0,432	0,654	0,367	0,545	0,624	0,205	0,709
Республика Ингушетия	0,371	0,276	0,299	0,533	0,207	0,196	0,536	0,491	0,007	0,586
Кабардино-Балкарская Республика	0,601	0,361	0,482	0,260	0,617	0,442	0,533	0,500	0,367	0,615
Карачаево-Черкесская Республика	0,432	0,451	0,428	0,497	0,670	0,309	0,531	0,479	0,264	0,593
Республика Северная Осетия – Алания	0,218	0,393	0,482	0,304	0,712	0,338	0,658	0,642	0,269	0,682
Чеченская Республика	0,541	0,250	0,369	0,529	0,710	0,387	0,520	0,390	0,268	0,550
Ставропольский край	0,676	0,506	0,537	0,423	0,665	0,492	0,546	0,577	0,606	0,580
Республика Башкортостан	0,674	0,554	0,588	0,684	0,704	0,417	0,670	0,572	0,606	0,509
Республика Марий Эл	0,603	0,504	0,475	0,214	0,694	0,308	0,547	0,472	0,536	0,487
Республика Мордовия	0,671	0,485	0,594	0,072	0,643	0,441	0,665	0,669	0,602	0,617
Республика Татарстан	0,792	0,673	0,711	0,795	0,686	0,579	0,787	0,748	0,781	0,532
Удмуртская Республика	0,641	0,485	0,578	0,768	0,771	0,461	0,679	0,504	0,617	0,528
Чувашская Республика	0,724	0,458	0,562	0,177	0,754	0,397	0,548	0,589	0,656	0,550
Пермский край	0,637	0,600	0,667	0,749	0,746	0,536	0,675	0,572	0,538	0,500
Кировская область	0,684	0,547	0,522	0,275	0,738	0,432	0,662	0,558	0,757	0,526
Нижегородская область	0,695	0,599	0,762	0,160	0,726	0,521	0,673	0,471	0,780	0,516

Продолжение табл. 3

Оренбургская область	0,585	0,555	0,452	0,852	0,711	0,480	0,679	0,760	0,594	0,493
Пензенская область	0,706	0,464	0,620	0,226	0,638	0,457	0,665	0,621	0,632	0,584
Самарская область	0,661	0,601	0,634	0,728	0,773	0,500	0,682	0,559	0,636	0,496
Саратовская область	0,630	0,526	0,599	0,557	0,712	0,457	0,669	0,635	0,600	0,742
Ульяновская область	0,619	0,554	0,696	0,448	0,617	0,537	0,661	0,539	0,566	0,596
Курганская область	0,619	0,405	0,424	0,415	0,683	0,259	0,541	0,440	0,523	0,582
Свердловская область	0,665	0,627	0,700	0,555	0,591	0,528	0,684	0,492	0,610	0,468
Тюменская область	0,641	0,726	0,591	0,974	0,707	0,760	0,790	0,520	0,727	0,294
Челябинская область	0,678	0,606	0,662	0,571	0,736	0,517	0,677	0,466	0,613	0,461
Республика Алтай	0,668	0,423	0,366	0,516	0,762	0,429	0,543	0,520	0,362	0,746
Республика Бурятия	0,669	0,524	0,543	0,653	0,740	0,468	0,537	0,491	0,425	0,577
Республика Тыва	0,560	0,243	0,366	0,762	0,669	0,416	0,511	0,361	0,286	0,601
Республика Хакасия	0,644	0,655	0,407	0,733	0,718	0,324	0,661	0,464	0,596	0,506
Алтайский край	0,705	0,489	0,449	0,416	0,806	0,400	0,536	0,523	0,537	0,677
Забайкальский край	0,644	0,538	0,356	0,777	0,624	0,518	0,534	0,504	0,425	0,559
Красноярский край	0,708	0,627	0,629	0,789	0,673	0,631	0,690	0,492	0,644	0,393
Иркутская область	0,672	0,641	0,566	0,820	0,679	0,569	0,675	0,485	0,531	0,417
Кемеровская область	0,651	0,656	0,442	0,896	0,723	0,568	0,661	0,522	0,519	0,394
Новосибирская область	0,679	0,587	0,737	0,554	0,671	0,469	0,684	0,758	0,566	0,607
Омская область	0,715	0,487	0,609	0,273	0,712	0,367	0,680	0,564	0,658	0,553
Томская область	0,704	0,496	0,834	0,795	0,649	0,484	0,695	0,752	0,587	0,481
Республика Саха (Якутия)	0,689	0,638	0,524	0,918	0,602	0,724	0,780	0,419	0,563	0,493
Камчатский край	0,730	0,617	0,594	0,629	0,827	0,526	0,659	0,521	0,670	0,456
Приморский край	0,653	0,662	0,557	0,519	0,723	0,518	0,661	0,542	0,681	0,512

Хабаровский край	0,690	0,608	0,668	0,678	0,741	0,525	0,668	0,473	0,649	0,513
Амурская область	0,668	0,530	0,434	0,755	0,765	0,693	0,546	0,610	0,624	0,495
Магаданская область	0,641	0,613	0,569	0,879	0,681	0,611	0,697	0,522	0,671	0,452
Сахалинская область	0,575	0,800	0,501	0,892	0,787	0,847	0,691	0,519	0,671	0,440
Еврейская автономная область	0,624	0,551	0,373	0,632	0,767	0,511	0,521	0,355	0,549	0,512
Чукотский автономный округ	0,639	0,660	0,260	0,891	0,571	0,680	0,669	0,497	0,808	0,450
<i>Цветовое обозначение</i>	<i>Значение интегрального показателя</i>					<i>Характеристика</i>				
	0,000-0,399					Критический риск				
	0,400-0,499					Высокий риск				
	0,500-0,599					Допустимый риск				
	0,600-0,699					Умеренный риск				
	0,700-0,799					Низкий риск				
	0,800-1,000					Очень низкий риск				

Несмотря на очевидные имеющиеся преимущества России в контексте ответа на «большие вызовы», стоящие перед нашей страной, в настоящее время мы сталкиваемся с кругом вопросов и задач, которые требуют немедленного решения. В недавно принятой Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации не находит отражение весь спектр проблем, с которым сталкивается наше государство в процессе социально-экономического роста [16]. Всё ещё требуют внимания демографические проблемы, проблемы высокой дифференциации населения по уровню и качеству жизни в субъектах страны, проблемы конкурентоспособности регионов России в научно-технологической, социальной, образовательной областях и здравоохранении, а также неэффективная сырьевая направленность экономики, высокая степень износа основных фондов и использование устаревших технологий. Таким образом, перед Россией и её субъектами стоят важные задачи, решение которых позволит сформировать эффективную программу развития, способствующую ответить нашей стране на «большие вызовы».

Вызов. *Новая волна технологических изменений. Подъём конкурентоспособности страны на мировых высокотехнологичных рынках.*

В контексте задач, направленных на технологическое развитие Российской Федерации, возникает риск снижения конкурентоспособности страны на мировых технологичных рынках. Согласно нашим расчётам, большинство субъектов России –

61,3% сконцентрировались в группе с умеренным риском снижения конкурентоспособности. В данной группе субъектов по итогам 2017 г. значения показателей, входящих в оценочную категорию по данному риску, находились на уровне средне-российских значений. Удельный вес организаций, осуществляющих технологические инновации, находился в пределах 6% в общем числе организаций. При этом доля инновационных товаров, работ и услуг в общем объёме не превышала в среднем 7%. По объёмам промышленного производства и объёмам выпущенной продукции организациями с участием иностранного капитала лидирующие позиции в данной группе субъектов РФ занимали Чукотский автономный округ, Магаданская область, Республика Саха (Якутия) и Тюменская область.

В группу с низким риском конкурентоспособности по итогам 2017 г. вошли 18 субъектов России, что составило 22,5% общего числа субъектов. Данную группу составили преимущественно крупные субъекты Центрального, Северо-Западного, Южного и Сибирского федеральных округов. Здесь наблюдались высокие показатели объёмов промышленного производства, объёмов выпущенной продукции с участием иностранного капитала, весьма низкая в сравнении с другими субъектами России степень износа основных фондов. Доля организаций, осуществляющих технологические инновации, в общем объёме в субъектах данной группы варьировалась в пределах от 7% до 20%.

В критическую зону субъектов с высокими рисками снижения конкурентоспособности вошли Республики Ингушетия, Северная Осетия – Алания (группа критического риска), Калмыкия и Карачаево-Черкесская Республика (группа высокого риска). В данных субъектах наблюдались самые низкие значения рассматриваемых показателей, характеризующих конкурентоспособность региона.

Большинство субъектов Дальневосточного федерального округа по степени риска конкурентоспособности вошли в состав группы субъектов с умеренным риском, за исключением Сахалинской области (зона субъектов с допустимым риском, преимущественно за счёт низкой доли выпущенной инновационной продукции и высокой степени износа основных фондов). Камчатский край по итогам 2017 г. вошёл в группу субъектов с низким риском конкурентоспособности.

Вызов. *Преодоление консервативности внешнеэкономической деятельности. Догнать страны лидеры по продвижению продукции на мировые рынки.*

Как видно из таблицы 3, 70% субъектов Российской Федерации вошли в группы с допустимыми и умеренными рисками потери потенциала взаимных торговых потоков. В зону субъектов с низким и очень низким риском потери потенциала торговых потоков вошли пять субъектов России: города Москва и Санкт-Петербург, Калининградская, Тюменская и Сахалинская области. Это обусловлено тем, что внешнеторговые связи центральных субъектов со странами базируются, преимущественно, по таким направлениям, как сотрудничество в развитии сферы

высоких технологий и научно-технического потенциала, образовании, здравоохранении. Внешнеторговые отношения Тюменской и Сахалинской области базируются преимущественно на высоком ресурсно-сырьевом потенциале этих субъектов, здесь также на протяжении рассматриваемого периода наблюдаются самые высокие показатели экспорта ресурсов в России.

В группу субъектов России с критическим риском потери потенциала торговых потоков вошли преимущественно субъекты Северо-Кавказского федерального округа. Это объясняется тем, что рынок экспорта и импорта в регионе является закрытым, поскольку внешнеэкономическая квота (отношение суммы экспорта и импорта к ВВП) составила около 6%.

К группе с высоким риском потери потенциала торговых потоков относятся 12 субъектов России (15% общего числа). Здесь преимущественно сосредоточились аграрно-ориентированные экономики России, где также наблюдаются весьма низкие внешнеторговые квоты.

В целом, говоря о потенциале торговых потоков в России, стоит отметить, что основу российского экспорта составляют нефть, газ и металлы, которые, в свою очередь, являются ключевой продукцией для ресурсно-сырьевых экономик с низкой добавленной стоимостью. Поэтому весьма неудивительно, что четверть субъектов Российской Федерации находятся в группе с высокими рисками потери потенциала торговых потоков и дальнейшей интеграции в отраслевые товарные рынки.

Вызов. Необходимость преодоления технологического разрыва

В зону низкого и очень низкого риска отставания научно-технологического потенциала и снижения инновационной активности экономики вошли 10 субъектов Российской Федерации (7 и 3, соответственно) – 12,5% общего числа субъектов. В их числе города федерального значения – Москва и Санкт-Петербург – ведущие научные и образовательные центры России, обладающие элементами инновационной инфраструктуры, рядом конкурентоспособных отраслей, инновационно-технологическими центрами и являющиеся особыми экономическими зонами технико-внедренческого типа; Томская область, на территории которой расположены инновационный территориальный кластер «Фармацевтика, медицинская техника и информационные технологии» и инновационно-промышленный кластер возобновляемых ресурсов; и следующие за ними: Нижегородская область с мощным оборонно-промышленным комплексом, включающим предприятия авиа- и судостроения, высокоточного приборостроения, атомной энергетики, радиоэлектроники и других наукоёмких, высокотехнологичных производств; Новосибирская область с уникальным научно-образовательным потенциалом, на территории которой размещён крупнейший центр академической и прикладной науки в азиатской части нашей страны и другие не менее интересные субъекты России в контексте инновационного развития.

Однако, несмотря на весьма внушительный потенциал научно-технического и инновационного развития в одних субъектах Российской Федерации, другие субъекты (36%), к сожалению, находятся в зонах критического и высокого риска отставания научно-технического потенциала и снижения инновационной активности. К субъектам кризисной зоны относятся, преимущественно, субъекты Северо-Кавказского, Южного и Центрального федеральных округов. Из субъектов Дальневосточного федерального округа в числе кризисных зон оказались Еврейская автономная область и Чукотский автономный округ.

Вызов. *Исчерпание потенциала экспортно-сырьевой модели экономического развития России*

По результатам расчёта значений риска сырьевой отсталости видно, что в зону с низкими рисками вошли субъекты Российской Федерации с ресурсно-сырьевой направленностью экономики – это субъекты Дальневосточного, Северо-Западного, Сибирского и Уральского федеральных округов. Данные регионы весьма богаты природными ресурсами, а экономика большинства их субъектов базируется на добыче полезных ископаемых.

Большинство субъектов Российской Федерации (63%) вошли в состав групп субъектов с критическим, высоким и допустимым риском сырьевой отсталости ввиду отсутствия подобных масштабов промышленного производства полезных ископаемых – к данным субъектам относятся субъекты европейской части России.

В качестве ещё одного риска в рамках данного вызова, стоящего перед Россией, является риск сужения производства товаров массового потребления, в первую очередь продовольствия.

В группу с низкими и умеренными рисками сужения производства товаров массового потребления, в первую очередь продовольствия, попали в большинстве своём аграрные субъекты Российской Федерации. В данной группе сосредоточены субъекты, в которых наблюдаются весьма высокие объёмы реализации пищевых продуктов организациями торговли и общественного питания, доля расходов населения на продовольствие в общих расходах варьируется в пределах 30–35%.

В группу субъектов с высокими рисками вошли Республика Ингушетия, за счёт высокой доли расходов населения на продовольствие и высокий индекс потребительских цен на продовольственные товары.

Вызов. *Развитие макротехнологических производств*

Согласно данным таблицы 3, в группу субъектов с критическим и высоким рисками снижения инвестиционной привлекательности вошли 38 субъектов России, что составляет 47,5% общего числа. В данных группах субъектов отмечаются низкие объёмы инвестиций в основной капитал в расчёте на душу населения и невысокие объёмы поступления иностранных инвестиций по сравнению со средне-российским уровнем.

В группу субъектов с низкими рисками снижения инвестиционной привлекательности вошли 5 субъектов, в числе которых сырьевые Тюменская область и Республика Саха (Якутия), а также города федерального значения Москва и Санкт-Петербург.

Вызов. *Формирование качественного экономического роста*

Рассматриваемый вызов характеризуется четырьмя рисками – деградации человеческого потенциала, снижения качества жизни населения, напряжённости на рынке труда и загрязнения окружающей среды.

Из рассчитанных данных видно, что в зону критического и высокого риска деградации человеческого потенциала не вошёл ни один субъект Российской Федерации. Большинство субъектов (65%) вошли в зону умеренного риска деградации человеческого потенциала. Безусловными лидерами по уровню развития человеческого потенциала являются города Москва и Санкт-Петербург, Республика Саха (Якутия), Республика Татарстан, а также Тюменская область, риск деградации человеческого потенциала в которых минимальный.

Что касается риска снижения качества жизни населения, то можно отметить, что в зону низкого риска вошли 9 субъектов России, что составляет 11,3% общего числа. Большинство субъектов страны сконцентрированы в зонах допустимого и высокого рисков снижения качества жизни населения. Заметим, что в эти две группы вошло большинство субъектов Дальнего Востока, за исключением Еврейской автономной области (зона критического риска) и Амурской области (зона умеренного риска).

В кризисную зону риска напряжённости на рынке труда попали преимущественно субъекты Северо-Кавказского федерального округа. Большинство субъектов сконцентрированы в зонах допустимого и умеренного риска (33,8% и 38,7% соответственно), в том числе субъекты Дальневосточного федерального округа.

В настоящее время трудовые ресурсы являются важнейшим фактором социально-экономического развития России и её регионов. В результате преобразований форм и методов хозяйствования происходит трансформация структуры современного рынка труда и воспроизводства рабочей силы. В условиях формирования инновационной экономики требуются новые подходы к оценке качества трудового потенциала, поскольку от этого зависит формирование предложения на рынке труда, как в стране, так и её регионах.

Последний риск в рамках данного вызова – риск загрязнения окружающей среды. Согласно расчётам по итогам 2017 г., подавляющее большинство субъектов России находилось в группе допустимого риска загрязнения окружающей среды (38 субъектов, что составило 47,5% общего числа). В зону низкого риска вошли три субъекта страны – Республики Дагестан и Алтай, а также Саратовская область.

В рамках настоящего исследования была приведена многопараметрическая оценка социально-экономических рисков в субъектах страны с целью определения кризисных

территорий, которые имеют определённые проблемы, связанные с возникающими и имеющимися большими вызовами. Таким образом, для определения приоритетных направлений развития экономики в субъектах Российской Федерации целесообразным является определение факторов, влияющих на экономический рост регионов.

Дальневосточный регион имеет важное геополитическое и геостратегическое значение для России. Выгодное географическое положение Дальневосточного округа, его близость к странам Азиатско-Тихоокеанского региона, а также наличие богатых природных ресурсов, транспортной инфраструктуры позволяют осуществлять транзитные функции между странами АТР, западными странами и Европой, что способствует развитию международной торговли. На Дальнем Востоке России реализуются долговременные специфические геостратегические цели государства – обеспечение военно-политического и экономического влияния в бассейне Тихого океана, контроль над важнейшими стратегическими запасами сырьевых ресурсов. Экономическое развитие Дальнего Востока должно обеспечить поддержание и упрочнение статуса России как мировой державы на Тихом океане.

В настоящее время со стороны государства уделяется повышенное внимание инвестиционному развитию Дальневосточного округа. С 2015 г. во Владивостоке ежегодно проводится Восточный экономический форум с целью формирования новых экономических режимов и улучшения инвестиционного климата, социальной инфраструктуры и развития регионов Дальнего Востока России. По итогам 2019 г., как отметил в своём выступлении заместитель председателя правительства – полпред президента в Дальневосточном федеральном округе Ю. П. Трутнев, на Дальнем Востоке принято более 40 законов, направленных на стимулирование инвестиционной активности и улучшение социальной сферы, создано 20 территорий опережающего развития, 5 свободных портов, реализовано свыше 1780 инвестиционных проектов и создано более 230 новых предприятий. Однако, несмотря на положительные тенденции, всё ещё требуют решения вопросы социально-экономического развития дальневосточных территорий, поиска эффективных международных форм взаимодействия Дальнего Востока России и стран АТР, которые позволят участникам достичь синергетического эффекта в использовании компетенций стран-партнёров как ответ на «большие вызовы».

Для реализации задачи определения приоритетных направлений развития субъектов Дальневосточного федерального округа в контексте рассмотренных больших вызовов и рисков невозможности им противостоять предлагается построение логистической регрессии, где в качестве зависимой переменной будут выступать темпы роста валового регионального продукта в субъектах, а в качестве предикторов – исходный набор показателей для оценки социально-экономических рисков, представленный в таблице 1. Зависимая переменная является дихотомической, то есть дамми-переменной, принимающей значение по следующей схеме:

–0 – если в субъекте в отчётном периоде по сравнению с предыдущим темп роста валового регионального продукта был меньше 100%;

–1– если в субъекте в отчётном периоде по сравнению с предыдущим темп роста валового регионального продукта был больше, либо равен 100%.

Итоги построения логит-регрессии для субъектов Дальневосточного федерального округа представлены в табл. 4.

Таблица 4

**Итоги построения логит-регрессии
для субъектов Дальневосточного федерального округа**

<i>Variables in the Equation</i>	<i>B</i>	<i>p-value</i>
<i>Intercept</i>	-1,0340	0,0623
<i>RC</i>	0,0305	0,0897
<i>STUD</i>	0,0093	0,0716
<i>UN</i>	-0,2335	0,0336
<i>GVA</i>	0,0348	0,0789
<i>MI</i>	0,0091	0,0197
<i>AE</i>	-3,6220	0,0478
<i>Statistics</i>		
<i>N</i>	72	
<i>Chi-square</i>	68,427	
<i>Nagelkerke R square</i>	0,759	
<i>Overall Percentage</i>	80,62	
<i>AIK</i>	87,78	

Результаты логистической модели, представленной в табл. 4, показывают, что на темпы экономического роста в субъектах Дальнего Востока России значимое положительное влияние оказывают факторы: душевые затраты на научные исследования и разработки; численность студентов высших учебных заведений; доля валовой добавленной стоимости добывающих производств в общем объёме; миграционный прирост. Увеличение данных показателей позволит снизить риск отставания научно-технического потенциала и снижения инновационной активности экономики ДВФО, а также минимизировать риск сырьевой отсталости.

Отдельного внимания заслуживает показатель коэффициента миграционного прироста населения. На протяжении всего рассматриваемого периода практически во всех субъектах Дальневосточного федерального округа наблюдается миграционный отток населения. В целом за период 1990–2017 гг. численность населения региона сократилась с 8 064 млн чел. до 6 165 млн чел. (на 23,55%) под воздействием есте-

ственной и механической убыли населения. Люди покидают Дальний Восток в силу влияния таких факторов, как суровые природно-климатические условия, слабая урбанизированность и неразвитость городских центров, низкое качество жизни населения (по сравнению с другими субъектами центральной части России). Большую часть мигрантов составляют люди с высшим образованием, которые покидают регион с целью реализации своего человеческого капитала, увеличения уровня и качества жизни. Поэтому в Дальневосточном регионе государству необходимо разрабатывать и реализовывать комплексные программы по стимулированию населения, в особенности молодёжи, не покидать регион. Одной из попыток государства по привлечению населения в Дальневосточный федеральный округ является программа «Дальневосточный гектар», которая начала свою реализацию в 2015–2016 гг., однако на текущий момент времени демографические проблемы региона решить не удалось. Таким образом, решение проблемы миграционного оттока из субъектов Дальнего Востока позволит сократить риск деградации человеческого потенциала, что скажется, в свою очередь, и на качестве экономического роста.

Отрицательное воздействие на темпы экономического роста в субъектах Дальневосточного федерального округа оказывают показатели уровня безработицы и объёмы выбросов загрязняющих веществ в атмосферный воздух. Проблема безработицы населения весьма актуальна для Дальнего Востока. Одной из причин её возникновения является отдалённость поселений от крупных городских центров, отсутствие работы в сёлах. Различия в уровне социально-экономического развития между городом и селом становятся всё более глубокими, что проявляется в устойчивом развитии большинства городов и деградации сельской местности. Сельскохозяйственное производство всегда было основным источником занятости сельчан на Дальнем Востоке, однако вместе с распадом СССР «развалилось» и наше сельское хозяйство. В итоге во многих деревнях и сёлах сейчас нет работы, а если такая и имеется, то уровень оплаты значительно ниже, чем в городе. Наибольший уровень безработицы по итогам 2017 г. наблюдался в аграрной Еврейской автономной области и Республике Саха (Якутия) – 8,3% и 7,1% соответственно.

Что касается отрицательного влияния выбросов загрязняющих веществ в атмосферу, можно отметить, что Дальневосточный федеральный округ занимает предпоследнее место по объёмам выбросов среди прочих федеральных округов России, однако в динамике значение рассматриваемого показателя увеличивается, преимущественно за счёт субъектов с развитой добычей полезных ископаемых.

Таким образом, построенные логистические уравнения регрессии подтверждают, что основным вектором развития экономик субъектов Российской Федерации является необходимость преодоления технологического разрыва и снижения риска отставания научно-технического потенциала и снижения инновационной активности экономики.

Список литературы

1. Understanding and tackling societal grand challenges through management research / G. George, J. Howard-Grenville, A. Joshi [et al.] // *Academy of Management Journal*. – 2016. – Vol. 59, iss. 6. – P. 1880–1895.
2. Climate change and management / J. Howard-Grenville, S. J. Buckle, B. J. Hoskins [et al.] // *Academy of Management Journal*. – 2014. – Vol. 57, iss. 3. – P. 615–623.
3. Aging populations and management / C. T. Kulik, S. Ryan, S. Harper [et al.] // *Academy of Management Journal*. – 2014. – Vol. 57, iss. 4. – P. 929–935.
4. George, G. The management of natural resources: An overview and research agenda / G. George, S. J. D. Schillebeeckx, T. L. Liak // *Academy of Management Journal*. – 2015. – Vol. 58, iss. 6. – P. 1595–1613.
5. Hall, P. Policy paradigms, social learning, and the state: the case of economic policymaking in Britain // *Comparative Politics*. – 1993. – Vol. 25, iss. 3. – P. 275–296.
6. Managing risk and resilience / G. S. van der Vegt, P. Essens, M. Wahlstroem [et al.] // *Academy of Management Journal*. – 2015. – Vol. 58, iss. 4. – P. 971–980.
7. Grodal, S. How does a grand challenge become displaced? Explaining the duality of field mobilization / S. Grodal, S. O'Mahony // *Academy of Management Journal*. – 2017. – Vol. 60, iss. 5. – P. 1801–1827.
8. Colbert, A. The digital workforce and the workplace of the future / A. Colbert, N. Yee, G. George // *Academy of Management Journal*. – 2015. – Vol. 59, iss. 3. – P. 731–739.
9. Managing digital money / M. Dodgson, D. Gann, I. Wladawsky-Berger [et al.] // *Academy of Management Journal*. – 2015. – Vol. 58, iss. 2. – P. 325–333.
10. Gender research in AMJ: An overview of five decades of research and call to action / A. Joshi, B. Neely, C. Emrich [et al.] // *Academy of Management Journal*. – 2015. – Vol. 58, iss. 5. – P. 1459–1475.
11. Churchman, C. W. Wicket problems // *Management Science*. – 1967. – Vol. 14. – P. 141–142.
12. Rittel, H. Dilemmas in a general theory of planning / H. W. J. Rittel, M. M. Webber // *Policy Sciences*. – 1973. – Vol. 4, iss. 2. – P. 155–169.
13. Ключков, В. В. Парадигма «больших вызовов» в системе стратегического планирования научно-технологического развития // *Россия: тенденции и перспективы развития*. – 2017. – № 12 (3). – С. 389–395.
14. Grand Challenges Canada. Grand Défis Canada. Bold ideas for humanity. The Grand Challenges Approach. 2011. – URL: <https://www.grandchallenges.ca/wp-content/uploads/2017/11/thegrandchallengesapproach.pdf> (дата обращения: 22.12.2019).
15. Кузнецова, Н. В. Парадигма «больших вызовов» – новый этап развития мировой экономической системы // *Менеджмент в России и за рубежом*. – 2018. – № 6. – С. 4–15.

16. Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации : указ Президента Российской Федерации от 1 декабря 2016 г. № 642. – URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/41449> (дата обращения: 22.12.2019).

References

1. George G., Howard-Grenville J., Joshi A. et al. Understanding and tackling societal grand challenges through management research. *Academy of Management Journal*, 2016, vol. 59, iss. 6, pp. 1880–1895.
2. Howard-Grenville J., Buckle S.J., Hoskins B.J. et al. Climate change and management. *Academy of Management Journal*, 2014, vol. 57, iss. 3, pp. 615–623.
3. Kulik C.T., Ryan S., Harper S. et al. Aging populations and management. *Academy of Management Journal*, 2014, vol. 57, iss. 4, pp. 929–935.
4. George G., Schillebeeckx S.J.D., Liak T.L. The management of natural resources: An overview and research agenda. *Academy of Management Journal*, 2015, vol. 58, iss. 6, pp. 1595–1613.
5. Hall P. Policy paradigms, social learning, and the state: the case of economic policymaking in Britain. *Comparative Politics*, 1993, vol. 25, iss. 3, pp. 275–296.
6. Van der Vegt G.S., Essens P., Wahlstroem M. et al. Managing risk and resilience. *Academy of Management Journal*, 2015, vol. 58, iss. 4, pp. 971–980.
7. Grodal, S., O'Mahony S. How does a grand challenge become displaced? Explaining the duality of field mobilization. *Academy of Management Journal*, 2017, vol. 60, iss. 5, pp. 1801–1827.
8. Colbert A., Yee N., George G. The digital workforce and the workplace of the future. *Academy of Management Journal*, 2015, vol. 59, iss. 3, pp. 731–739.
9. Dodgson M., Gann D., Wladawsky-Berger I. et al. Managing digital money. *Academy of Management Journal*, 2015, vol. 58, iss. 2, pp. 325–333.
10. Joshi A., Neely B., Emrich C. et al. Gender research in AMJ: An overview of five decades of research and call to action. *Academy of Management Journal*, 2015, vol. 58, iss. 5, pp. 1459–1475.
11. Churchman C.W. Wicket problems. *Management Science*, 1967, vol. 14, pp. 141–142.
12. Rittel H.W.J., Webber M.M. Dilemmas in a general theory of planning. *Policy Sciences*, 1973, vol. 4, iss. 2, pp. 155–169.
13. Klochkov V.V. Paradigma «bol'shikh vyzovov» v sisteme strategicheskogo planirovaniya nauchno-tekhnologicheskogo razvitiya [The paradigm of «big challenges» in the strategic planning system of scientific and technological development]. *Rossiya: tendentsii i perspektivy razvitiya*, 2017, no. 12 (3), pp. 389–395.
14. *Grand Challenges Canada. Grand Défis Canada. Bold ideas for humanity. The Grand Challenges Approach. 2011.* Available at: <https://www.grandchall>

enges.ca/wp-content/uploads/2017/11/thegrandchallengesapproach.pdf (accessed 22 December 2019).

15. Kuznetsova N.V. Paradigma «bol'shikh vyzovov» – novyi etap razvitiya mirovoi ekonomicheskoi sistemy [The paradigm of «big challenges» – a new stage in the development of the global economic system]. *Menedzhment v Rossii i za rubezhom*, 2018, no. 6, pp. 4–15.

16. *The strategy of scientific and technological development of the Russian Federation: Decree of the President of the Russian Federation dated December 1, 2016 No. 642*. Available at: <http://kremlin.ru/acts/bank/41449> (accessed 22 December 2019). (In Russian).

ПОЛИТИКА POLITICS

УДК 325.14(430)

DOI dx.doi.org/10.24866/1813-3274/2019-4/53-65

П. Л. Карабущенко¹, Астраханский государственный университет,
г. Астрахань, Россия

E-mail: Pavel_karabushenko@mail.ru

С. А. Воронцов², Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ, г. Москва, Россия

E-mail: raven_serg@mail.ru

А. В. Понеделков³, Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ, г. Москва, Россия

E-mail: ponedelkov@uriu.ranepa.ru

И. В. Лебедева⁴, Каспийский институт морского и речного транспорта,
г. Астрахань, Россия

E-mail: irenalebedeva@mail.ru

МИГРАЦИЯ И НОВЫЕ УГРОЗЫ ЕВРОПЕЙСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ:

Удо Ульфкотте о кризисе германских политических элит

Аннотация. Вышедшая в октябре 2015 г. книга скандально известного германского журналиста Удо Ульфкотте была призвана наглядно объяснить, почему

¹Павел Леонидович Карабущенко, доктор философских наук, профессор, Астраханский государственный университет, г. Астрахань, Россия.

²Сергей Алексеевич Воронцов, доктор юридических наук, профессор, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, г. Москва, Россия.

³Александр Васильевич Понеделков, Заслуженный деятель науки РФ, доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой политологии и этнополитики Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, г. Москва, Россия.

⁴Ирэна Валерьевна Лебедева, кандидат социологических наук, доцент, Каспийский институт морского и речного транспорта, г. Астрахань, Россия.

Для цитирования: Карабущенко П. Л., Воронцов С. А., Понеделков А. В., Лебедева И. В. Миграция и новые угрозы европейской безопасности: Удо Ульфкотте о кризисе германских политических элит // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика и право. 2019. № 4. С. 53–65.

Германия принимает так много мигрантов и к чему политика ныне правящей в ФРГ политической элиты может привести эту страну и весь Евросоюз в будущем. По мнению автора книги, современные мигранты представляют собой угрозу национальной безопасности, поскольку несут с собой разрушение привычной среды, традиций, устоев. Именно в этой непродуманной политике «открытых дверей» германские элиты демонстрируют свою профессиональную некомпетентность и непонимание происходящих глобальных процессов современности. Политические элиты коллективного Запада вступили в очередную историческую эпоху своего кризиса, который всё больше приобретает системный характер. В последнее время экспертами отмечается, что мир явно вступает в эпоху кардинального пересмотра существующих ценностей и норм. И эта «революция смыслов» начинается именно с анализа правящих элитарных сообществ, их роли в текущих политических событиях и в целях планируемых действий. В настоящей работе даётся анализ одной из таких экспертных оценок, предупреждающих власти о надвигающемся на них системном кризисе качества их профессиональной компетенции.

Ключевые слова: мигранты, беженцы, культура гостеприимства, интеграция, ассимиляция, мультикультурализм, толерантность, правящие элиты, национальная безопасность, обогащение, «свой», «другой», «чужой».

Pavel L. Karabushenko¹

Astrakhan State University, Astrakhan, Russia

E-mail: Pavel_karabushenko@mail.ru

Sergei A. Vorontsov²

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
Moscow, Russia

E-mail: raven_serg@mail.ru

Alexander V. Ponedelkov³

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
Moscow, Russia

E-mail: ponedelkov@uriu.ranepa.ru

Irena V. Lebedeva⁴

Caspian Institute of Sea and River Transport, Astrakhan, Russia

E-mail: irenalebedeva@mail.ru

MIGRATION AND NEW THREATS TO EUROPEAN SECURITY:

Udo Ulfkotte on the crisis of German political elites

Abstract. Published in October 2015, the book by the infamous German journalist Udo Ulfkotte was intended to clearly explain why Germany accepts so many migrants and where the policy of the current ruling political elite in Germany can lead this country and the entire European Union in the future. According to the author of the book, modern migrants pose a threat to the national security, since they bring with them the destruction of the familiar environment, traditions, and foundations. It is in this unproven policy of "open doors" that the German elites demonstrate their professional incompetence and lack of understanding of the ongoing global processes of modernity. The political elites of the

¹ Pavel L. Karabushchenko, Doctor of Philosophy, Professor, Astrakhan State University, Astrakhan, Russia.

² Sergey A. Vorontsov, Doctor of Law, Professor, Department of Procedural Law of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Moscow, Russia.

³ Alexander V. Ponedelkov, Honored Scientist of the Russian Federation, Doctor of Political Sciences, Professor, Head of the Department of Political Science and Ethnopolitics of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Moscow, Russia.

⁴ Irena V. Lebedeva, Candidate of Sociology, Associate Professor, Caspian Institute of Sea and River Transport, Astrakhan, Russia.

For citing: Karabuschenko P. L., Vorontsov S. A., Ponedelkov A. V., Lebedeva I. V. Migration and new threats to European security: Udo Ulfkotte on the crisis of German political elites // PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law. 2019. No 4. P. 53-65.

collective West have entered another historical era of their crisis which is becoming more and more systemic. In recent years experts have noted that the world is clearly entering the era of a fundamental review of existing values and norms. And this "revolution of meanings" begins precisely with the analysis of the ruling elite communities, their role in current political events and for the purposes of planned actions. This paper analyzes one of these expert assessments that warn the authorities about the impending systemic crisis in the quality of their professional competence.

Keyword: migrants, refugees, hospitality culture, integration, assimilation, multiculturalism, tolerance, ruling elites, national security, enrichment, "own", "other", "alien".

Введение

Перед современными заданными политическими элитами появился целый ряд ложных целей, на которые они переключили всё своё внимание и на решение которых направили все свои ресурсы и силы. Вместе с тем накопилось немало нерешенных реальных проблем, на которые правящие круги коллективного Запада преднамеренно закрывают глаза. К числу реальных, а не фейковых угроз современному западному миру следует отнести разрушение конструктивного диалога между обществом и властью, миграционный кризис, кризис компетенции правящих элит, разрушение системы безопасности [10], слом духовных скреп, русофобию и т.д.

С критикой такой деструктивной политики выступало немало западных аналитиков и журналистов, среди которых особенно следует выделить германского публициста Удо Ульфкотте (Udo Ulfkotte, 1960–2017), чьи работы вызвали неоднозначную реакцию у мирового сообщества. Исходя из этого, *объектом* настоящего исследования являются новые угрозы, влияющие на современное состояние европейской безопасности и в частности миграционный кризис, а в качестве *предмета* будет выступать анализ критики этих негативных для Запада последствий в работах германского публициста Удо Ульфкотте. Задачей будет выявление рациональных критических замечаний, прозвучавших в его работах, и то, как они были восприняты западным элитным сообществом. Для решения поставленной задачи авторы использовали комплекс таких методов исследования, как диалектика, герменевтика и компаративистика (ДГК).

Основная часть

Кризис политической компетенции. В последние годы мировые политические элиты в большей степени занимаются информационными войнами, фабрикуя и тиражируя друг о друге фейковые новости. Особенно это наглядно проявляется в политике двойных стандартов ведущих мировых держав. Бесплодные обсуждения условий выхода Британии из ЕС (2016-2019 гг.) наглядно продемонстрировали процедурный кризис демократических институтов и тупиковые возможности выстроенной системы баланса сил. Европейский Союз столкнулся

с серьезным управленческим кризисом и латентной фазы войны с т.н. «брюссельской бюрократией».

ФРГ является локомотивом ЕС и общим барометром рассматриваемой европейским Западом политической повестки дня. О том, что в высших эшелонах власти ФРГ копят системные проблемы, говорилось неоднократно в самой германской прессе. Так, ещё бывший федеральный канцлер ФРГ (1982–1998) Гельмут Коля (1930–2017) был вынужден уйти с поста в связи со скандалом с аферой с финансовыми средствами ХДС [7]. Позже было еще возбуждено дело по т.н. «Досье» на Коля, по обвинению в его шпионском сотрудничестве с восточногерманской разведкой Штази [4].

В своих мемуарах следующий канцлер ФРГ (1998–2005 г.) Герхард Шрёдер весьма нелестно отзывался о профессиональных качествах некоторых германских политиков, и в частности А. Меркель, которые, по его мнению, не обладают должной профессиональной компетенцией [9]. Аналогичные свидетельства мы находим в мемуарах американских [3], британских [2] и французских [6] экс-политиков. Все в один голос свидетельствуют о кризисе в системе управления и подготовки политических кадров и лишь констатируют неизбежно вытекающие из этого многочисленные просчёты и ошибки.

13 января 2017 г. на 57-м году ушёл из жизни один из самых известных немецких политических несистемных журналистов и критиков политических элит Удо Ульфкотте. В прошлом он был советником канцлера Гельмута Коля, многие годы прожил на Ближнем Востоке (1986–1998), став одним из самых известных критиков ислама. Он был связан с *Pax Europa*, немецкой организацией правого крыла. Скандальную известность ему принесли его книги разоблачений «Продажные журналисты» («*Gekaufte Journalisten*», 2014 г.) [12] и вышедшая в октябре 2015 г. в издательстве «Копп» «Убежище как индустрия» [11]. Журналист скончался от сердечного приступа, якобы, буквально за несколько дней до встречи с американским президентом Д. Трампом, что породило среди любителей теории заговора определённые далеко идущие кривотолки.

В своих работах У. Ульфкотте приходит к выводу, что многие демократические структуры коллективного Запада становятся фикцией в руках правящих элитарных групп. Например, т.н. «Бильдербергский клуб» «является всего лишь одним из многих аналогичных элитарных кружков», лоббирующих интересы НАТО, цель которых заключается в том, чтобы влиять на общественное мнение в прозападном духе [12]. Штаты откровенно покупают «союзников» и сами потом обвиняют их в том, что они привыкли находиться у них на иждивении. Это, по его мнению, приводит к снижению ответственности за принимаемые элитами стратегические решения и потери времени в ожидании очередной порции «ценных указаний» из Вашингтона.

Политика «открытых дверей». Удо Ульфкотте был действительно незаурядной личностью, с критически настроенным независимым умом, знающий цену достоверной информации и тому, как штампуются фейковые ценности современного западного мира [2]. Знакомство с одной из последних его работ «Убежище как индустрия» позволяет составить альтернативное официальному Берлину представление о том, что на самом деле происходит в ФРГ в результате политики «открытых дверей».

Книга основана на статистических данных, характеризующих ситуацию с беженцами в Европе и конкретно в Германии. В ней автор знакомит читателя с информацией о доходах разных отраслей промышленности в ФРГ в контексте сегодняшних миграционных потоков. Автором указывается, что новые потоки мигрантов в Европу кардинальным образом отличаются от предыдущих миграционных волн и приносят с собой совершенно иные проблемы.

Сама книга состоит из пяти глав, каждая из которых по-своему отражает особенности сложившейся сегодня в Германии не простой ситуации. Первая глава под названием «Наживать богатство на бедности» рассказывает читателю о новых технологиях обогащения политической и экономической элиты Германии. По словам автора, «Раньше войны велись при помощи классического оружия и солдат. Сегодня войны ведутся невидимым оружием, а именно потоками мигрантов» [11, с. 9]. Ульфкотте также обращает внимание читателя на то, что «массы мигрантов с Ближнего Востока и Африки целенаправленно используются для разрушения продуктивных европейских государств на долгие годы» [11, с. 10]. Новое «переселение народов» оценивается им как предвестник разрушение не только Европейского Союза, но и всей Европы в целом. Соседняя Австрия называет Германию «самый большой лагерь беженцев в Европе».

Вспоминая свой предыдущий бестселлер о продажных журналистах [14], автор напоминает читателю о том, что, как и в классической войне, в войне нового образца большую роль играет пропаганда, которую обеспечивают журналисты. Европейские СМИ дают информацию дозированно, целенаправленно умалчивая многие факты. Так, например, рассказывая об обогащении на потоках мигрантов, журналисты говорят о перевозчиках, которым их новый бизнес приносит сегодня миллионы, однако умалчивают о самых богатых европейских семьях, которые получают миллиарды от потока мигрантов. К примеру, сейчас в фармакологической индустрии ожидаются миллиардные прибыли от продажи одних только препаратов против гепатита С, предназначенных для самой первой волны беженцев.

Миграционная индустрия уже давно представляет собой прибыльный бизнес. Так, в уже в далёком 2003 г., когда вышел бестселлер У. Ульфкотте «Война в наших городах», автор и издательство получили 32 гражданских иска от мигрантов, их организаций и объединений, а также тех, кто зарабатывает на их присутствии в Европейском обществе. Прибыльная, на первый взгляд, сенсационная книга пре-

вратилась для автора в «финансовое фиаско» и стоила ему штрафов в размере более 150 000 евро [11, s. 12]. Многие информанты автора потеряли работу за разглашение служебной тайны.

Прибыль получают не только те, кто занят непосредственно в индустрии миграции, но и политические партии. Так, например, сегодня 219 депутатов бундестага выполняют разные функции в промышленности и бизнесе. Депутаты занимают наблюдательные посты в попечительских советах, что даёт их партиям приблизительно одну четверть их прибыли. Помимо этого депутаты, выполняя служебные обязанности на своей второй работе в качестве менеджеров миграционной индустрии, решают, какие денежные средства и на что будут потрачены, а затем, выполняя свои функции в качестве политиков на своей первой работе, поддерживают эти статьи расходов и выделяют их из налоговых средств. Вся эта схема могла бы быть сравнима с тем, как если бы производитель оружия Heckler & Koch мог принимать решение о том, сколько оружия нужно полицейским и получал бы заказ на производство этого оружия. По словам Ульфотте, всё вышеописанное представляет собой «извращенную демократию» [11, s. 15].

По словам У. Ульфотте, крупные концерны могли бы только позавидовать годовому обороту индустрии беженцев в Германии. Так, для сравнения, Макдоналдс в Германии имеет годовой оборот 3 миллиарда евро, Siemens вместе со всеми своими филиалами в 167 странах делает годовой оборот в 70 миллиардов евро, в то время как немецкая социальная индустрия ещё в 2012 г. имела годовой оборот в 140 миллиардов евро [11, s. 34]. Вот почему Германия так охотно принимает беженцев: создаются новые рабочие места для социальных педагогов, адвокатов, переводчиков, психологов, консультантов, врачей и т.д.

Ещё одним поводом для обогащения правящей элиты и разрушения европейской идентичности стало новое явление, особенно популярное сегодня в Германии, называемое «культура гостеприимства» (Willkommenskultur). Под эгидой этой новой идеологии (или даже новой «религии») организуется множество мероприятий в городах, куда прибывают мигранты, устраиваются разного рода мероприятия и праздники. Культура гостеприимства превращается в учебную дисциплину в школах и вузах, и даже в профессию. Задача культуры гостеприимства состоит в том, чтобы создать такие условия, в которых «мигранты ощущали бы себя комфортно долгое время» [11, s. 17]. По мнению идеологов этого нового учения, местное население должно быть не только отзывчивым и толерантным к приезжающим в их страну мигрантам, но также и уметь создать им предельно комфортные условия для адаптации к новому окружению. С этой целью проводятся разные мероприятия, в том числе и так называемые «Дни гостеприимства», где местные жители устраивают для беженцев уличные праздники с угощениями, а в городе Вайнхайм сам мэр города выступал в роли официанта на этом празднике [11, s. 38]. Для беженцев ор-

ганизируют прогулки в парк или в зоопарк в сопровождении социального педагога, походы в бассейн, им оплачивают уроки плавания или езды на велосипеде. Часто в таких мероприятиях принимают участие депутаты, которые надеются завоевать доверие будущих новых граждан страны. Удо Ульфкотте считает, что все эти новые инициативы под названием «Культура гостеприимства» превращаются постепенно в новую религию, которая занимает умы как политиков и общественных деятелей, так и простых граждан.

Говоря о вмешательстве мигрантов в традиционный европейский уклад жизни, следует также отметить тот факт, что сегодня в Германии имеет место нарушение закона о равноправии. Это находит своё проявление в том, что во многих детских садах отдаётся предпочтение детям из семей мигрантов, поскольку детские учреждения получают дополнительное финансирование от налогоплательщиков, если они принимают более 22 % иностранных детей. «Всё это звучит враждебно по отношению к немцам, и культура гостеприимства действует только по отношению к иностранцам» [11, s. 31]. Согласно европейскому праву мигранты могут быть уверены, что их никогда не выгонят из страны и, более того, они имеют право на воссоединение с семьёй (пригласить к себе членов семьи) [11, s. 101].

Ещё одним подтверждением враждебности культуры гостеприимства по отношению к самому немецкому народу является тот факт, что на беженцев государство тратит больше средств, чем на слабо защищенные слои коренного населения – сами граждане оказываются обделёнными, а для приезжих выделяется всё самое лучшее. Ульфкотте говорит о том, что для малоимущих немецких граждан есть ограничения на получение социальной помощи, в то время как на мигрантов тратится гораздо больше средств: их размещают в дорогих квартирах, в отелях, государство закрывает детские сады и дома престарелых, для того чтобы в этих зданиях открыть общежития для беженцев [11, s. 95].

У. Ульфкотте не знает, как политикам объяснить их гражданам, которые получают социальное пособие, что такие безумные суммы тратятся на жилье для мигрантов. Он уверен, что роскошное жильё для беженцев служит ещё одним раздражительным поводом для рядового немецкого обывателя [11, s. 100–101]. В Бланкенезе, районе Гамбурга, где аренда жилья стоит 20 евро за один квадратный метр, жильё считается слишком дорогим, в то время как для мигрантов социальные службы Гамбурга оплачивают аренду жилья стоимостью в 47 евро за 1 квадратный метр в 12-метровой каюте на корабле (в Европе часто корабли используются как гостиницы или жильё) [11, s. 101].

Беженцы должны получать, по меньшей мере, такие же социальные льготы и блага, как и немецкие граждане, иначе получается, что они наслаждаются жизнью в отеле на воде стоимостью 47 евро за квадратный метр и при этом ещё получают насыщенную культурную программу (социальные работники часто организуют для

них увеселительные мероприятия: поход в зоопарк, кино, бассейн; для мигрантов отдельно также организуют специальные праздники в честь их приезда в страну; им выделяют социальных работников, которые сопровождают их повсюду, даже во время прогулок) [11, s.101].

Во второй главе книги под названием «Они хвастаются, а мы платим» [11, s. 95–128] Ульфкотте рассказывает о том, что государство из-за нехватки социального жилья размещает беженцев во дворцах и монастырях, тем самым ставя немецкое культурное наследие под угрозу, ведь большинство беженцев не привыкли соблюдать нормы гигиены и приводят в упадок любое жильё. Один из параграфов называется «Жить по-графски – мигранты в немецких дворцах» [11, s. 121–125]. В нём автор перечисляет названия старинных замков, в которых сегодня живут мигранты. При этом он не исключает возможное причинение угрозы этим архитектурным памятникам со стороны нерадивых жильцов. Мигранты представляют собой угрозу не только по причине того, что теперь с их появлением в городах стало опасно вечером выходить на улицу, не только потому, что они всё разрушают и приводят в негодность, но и тем, что они везут с собой ещё и заразные болезни (корь, гепатит, чесотка, вши), о которых в благополучной Европе давно уже все забыли [11, s. 101].

Стремление правящей элиты к наживе, укоренившиеся в сознании европейцев идеи мультикультурализма и толерантности, искреннее желание помочь тем, кто оказался в беде, делают жителей Европы беззащитными перед стремительным потоком мигрантов, который не только представляет собой угрозу безопасности, но и разрушает культурное наследие и разоряет бюджет. Культура гостеприимства, призванная сделать жизнь мигрантов комфортной в новой среде, становится причиной разрушения самой этой среды. Книга Удо Ульфкотте является выражением интересов той части жителей ЕС, которые озабочены, а в некоторых случаях уже и напуганы проводимой их властями политики «культурного гостеприимства». И итоги выборов в ландтаги трёх федеральных земель ФРГ в марте 2016 г., и победа на них правой популистской партии «Альтернатива для Германии» показали рост протестного настроения, критически относящегося к политике официального Берлина и Брюсселя населения ведущей европейской державы.

У. Ульфкотте указывает на то, что мигранты принесли в Европу реальные угрозы, например, гепатит С, которые фактически ставят страховые европейские кампании на колени [11, s. 108]. По оценкам специалистов, в течение ближайших 5 лет немецкие страховые кампании заплатят 13 миллиардов евро за лечение приехавших мигрантов, поскольку большинство из них страдает гепатитом С. Это одна из самых больших и дорогих запретных тем в Германии [11, s. 109]. Сегодня в Германии проживает, по предварительным оценкам, от 400 000 до 500 000 инфицированных вирусом гепатита С людей. Одна таблетка гилеада, применяемого при терапии гепатита С, стоит 714 евро (по оценкам журнала «Евро», один грамм веще-

ства гилеад стоит в 20 раз дороже одного грамма золота). Иначе говоря, пациент каждый день глотает новый айфон [11, s. 109].

У. Ульфкотте жалеет людей, страдающих синдромом помощника (повышенное желание всем помочь), отмечая тщетность всех их усилий. В ФРГ можно часто наблюдать, как немецкие волонтеры дружно убирают туалеты в общежитиях для беженцев, очищают душевые от фекалий и плиты от подгорелых остатков еды, в то время как приехавший страну потенциал (беженцев часто рассматривают как будущий потенциал Европы, поскольку Германия постоянно жаловалась, что ей не хватает рабочих рук, и она возлагает большие надежды на беженцев) преимущественно занят своими смартфонами. Объяснение – беженцы должны отдохнуть от трудного дальнего путешествия и пережить последствия этой травмы [11, s. 113–115].

Кризис мультикультурализма. У. Ульфкотте открыто объявляет, что предоставление убежища мигрантам становится целой индустрией. При этом существует явный сговор политиков, журналистов и промышленников, которые получают выгоду от потока беженцев. Кризис мультикультурализма является составной частью куда более крупного системного кризиса – кризиса компетенции политических элит, которые всё чаще принимают ошибочные стратегические решения. В самом кризисе компетенции явственно выступает аксиологический кризис – элитам пора системно пересматривать иерархию своих ценностей, а вместо этого они занимаются некими фейковыми «гуманитарными акциями» [1; 5].

В этой связи весьма интересна реакция германской политической элиты на книгу Тило Саррацина «Германия упраздняет себя» [8]. Высший германский политический истеблишмент встретил сначала эту работу Т. Саррацина в штыки. Однако уже в октябре 2010 г. ведущие политики страны в ходе дискуссии об иммиграционной политике признали, что мультикультурализм в Германии не дал позитивных результатов. Даже канцлер ФРГ Ангела Меркель, выступая 16 октября 2010 г. перед молодёжной организацией Христианско-демократической партии (ХДС) в Потсдаме, фактически поддержала основные выводы книги Т. Саррацина.

Утвердившаяся в европейском истеблишменте политкорректность не позволяет им откровенно высказываться и называть вещи своими именами. На этом фоне весьма резонансными звучат заявления представителей «старшего» поколения европейской политики, которые находились вне рамок этих условностей. Предупреждения о грядущей проблеме с беженцами слышались задолго до того, как произошел сам кризис. Описывая ужасающие последствия прироста беженцев в Европе, Ульфкотте приводит слова профессора Айбефельдта, который ещё в 1996 г. предупреждал европейцев: «Если мы будем ежегодно принимать полтора миллиона человек из стран третьего мира, то там ничего не изменится, количество населения через неделю там станет точно таким же. Против перенаселения ничего невозможно сделать, только импортировать проблему. Те, кто сегодня выступают за мультикультурализм, не ду-

мают о будущем. Они совершенно не осознают, что они причиняют своим внукам и какие последствия может иметь их легкомысленность. Проводить такие масштабные опыты, как миграционный эксперимент, – это бессовестно. Так не экспериментируют над людьми» [11, с. 26]. ЕС как раз и пожинает плоды подобного эксперимента, проводимого её политическим бомондом в последние десятилетия.

Политика мультикультурализма и идеи толерантности, глубоко укоренившиеся в сознании европейцев, сегодня дают свои неожиданные для европейских политических элит плоды. Коренное население принимает мигрантов с распростёртыми объятьями, видя в сегодняшних беженцах не только людей, пострадавших от войны и нуждающихся в помощи, но также и демографический потенциал страны, возможность культурного обогащения. Однако проблемы, которые возникают в силу непродуманной миграционной политики правительства ФРГ (разгул криминала, бытовое и сексуальное насилие, наконец, теракты), уже к лету 2016 г. заставили канцлера Германии А. Меркель признать необходимость усиления мер по безопасности страны и расширения компетенции спецслужб. У. Ульфкотте подчёркивает, что политики ФРГ ошиблись в своих ожиданиях и получили далеко не тот результат, который ожидали. Но вместо того, чтобы признать свою ошибку и начать её исправлять, они стараются замолчать эту ситуацию, тем самым загнав проблему в ненормативные области политики, где она имеет шансы перерасти в полномасштабный конфликт со всеми вытекающими отсюда последствиями. Правительство А. Меркель заложило самую настоящую «бомбу» под будущие власти ФРГ.

Выводы

Внезапная смерть в январе 2017 г. Удо Ульфкотте породила в российских СМИ версию о его убийстве. Одним из главных мотивов якобы насильственного устранения неугодного журналиста называли месть за публичное разоблачение деятельности западных СМИ и спецслужб США по манипулированию мировым общественным мнением. В последние годы Удо Ульфкотте действительно опасался за свою жизнь, но только не со стороны западных спецслужб, а со стороны исламистов, ярким критиком и противником которых он выступал¹. Сторонники конспиро-

¹ *Примечание:* У. Ульфкотте действительно скрывался и опасался нападений из-за характера своей многолетней разоблачительной деятельности. Предпринятые им меры по безопасности действительно носили детективно-шпионский характер. Согласно официальной версии, он проживал уединенно в Германии в доме на каком-то острове среди озера (журналистам так и не удалось установить точного места его кончины). Убежище имело собственный источник электроэнергии и воды и было обнесено высоким забором. Об этом тайном месте знали лишь двое – местные бургомистр и священник. Сам Ульфкотте относился к числу «выживальщиков»: одна из разрабатываемых тем его книг – как пережить следующую мировую войну. – См. его работы: *Война в потёмках. Истинная сила спецслужб* (2006); *Священная война в Европе. О рисках для нашего общества от братьев-мусульман* (2007); *SOS. Восток. Ползучая исламизация Европы* (2008); *Осторожно, гражданская война! Как вызревают ферменты, ждущие гнева* (2009). *Восток. Ползучая исламизация Европы* (2008); *Осторожно, гражданская война! Как вызревают ферменты, ждущие гнева* (2009).

логии уже раздувают историю его «трагической гибели», выставяя его очередной жертвой кровавых западных спецслужб.

По неписанному закону исторической элитологии, интерес к тому или иному автору всегда возрастает после его ухода из жизни в вечность. История с неуживчивым несистемным германским журналистом Удо Ульфкотте только начинается. Его сторонники начали создавать ему его посмертную славу политического пророка и мученика за идею национального пробуждения Германии. Сам он, к сожалению, написать уже ничего не может, но о нём самом будут ещё не раз писать многие и ещё не раз задавать его вопросы относительно достоверности наших знаний о правящих элитах и свободе слова якобы независимых СМИ.

Список литературы

1. Axiology of modern political elite: expert evaluation of elite quality of power / P. Karabushchenko, I. Lebedeva, M. Bicharova, L. Podvoisky, R. Rezakov. – DOI 10.5593/SGEMSOCIAL2017/12/S01.003 // 4th International Multidisciplinary Scientific Conference on Social Sciences and Arts SGEM 2017, SGEM 2017 : conf. proceed., August, 2017, Political sciences law. – Book 1, vol 2. – P. 19–26.
2. Blair, T. A Journey: My political life / T. Blair. – [S. l.] : Knopf Publishers, 2010. – 784 p.
3. Bush, G. W. Decision points / G. W. Bush. – [S. l.] : Virgin Books, 2010. – 481 p.
4. Dreher, K. Kohl und die Konten. Eine schwarze finanzgeschichte / K. Dreher. – Stuttgart : Deutsche Verlags-Anstalt (DVA), 2002. – 210 s.
5. Efficiency of modern political elite: acmeological dimension of quality professionalism / P. Karabushchenko, I. Lebedeva, M. Bicharova, L. Podvoisky, F. Rekesheva. – DOI 10.5593/SGEMSOCIAL2017/32/S11.015 // 4th International Multidisciplinary Scientific Conference on Social Sciences and Arts SGEM 2017, SGEM 2017 : conf. proceed., August, 2017, Psychology and psychiatry. – Book 3, vol. 2. – P. 115–122.
6. Holland, F. Les leçons du pouvoir / F. Holland. – Paris, 2018. – 400 p.
7. Leinemann, J. Helmut Kohl. Ein Mann bleibt sich treu (Erweiterte neuauflage von Helmut Kohl. Die Inszenierung einer Karriere) / J. Leinemann. – Berlin : Aufbau, 2001. – 117 s.
8. Sarrazin, T. Deutschland schafft sich ab. wiewirunser land aufs spiel setzen / T. Sarrazin. – [S. l.] : Deutsche Verlags-Anstalt, 2010. – 464 s.
9. Schroder, G. Entscheidungen. Mein leben in der politik / G. Schroder. – Hamburg : Hoffmann und Kampe, 2006. – 544 s.
10. Vorontsov, S. A. On the need for improvement of state policy and governance in the field of security / S. A. Vorontsov // Problem analysis and public administration design. – 2013. – Vol. 6, № 4. – P. 6–18.

11. Ulfkotte, U. Die Asyl-industrie ...Wie politiker, journalisten und sozialverbände von der flüchtlingswelle profitieren / U. Ulfkotte. – [Rotemburgo del Néckar] : Kopp Verlag, 2015. – 272 s.

12. Ulfkotte, U. Gekaufte journalisten / U. Ulfkotte. – [Rotemburgo del Néckar] : Kopp Verlag, 2014. – 336 s. – Рус. пер.: Ульфкотте, У. Продажные журналисты. Любая правда за ваши деньги. – Москва : ЭКСМО, 2015. – 375 с.

References

1. Karabushchenko P., Lebedeva I., Bicharova M., Podvoisky L., Rekesheva F. Axiology of modern political elite: expert evaluation of elite quality of power. *4th International Multidisciplinary Scientific Conference on Social Sciences and Arts SGEM 2017, SGEM 2017: conf. proceed., August, 2017, Political sciences law*, Book 1, vol 2, pp. 19–26. DOI 10.5593/SGEMSOCIAL2017/12/S01.003.

2. Blair T. *A Journey: My Political lifer*. Knopf Publishers, 2010. 784 p.

3. Bush G.W. *Decision Points*. Virgin Books, 2010. 481 p.

4. Dreher K. *Kohl und die Konten. Eine schwarze Finanzgeschichte*. Stuttgart: Deutsche Verlags-Anstalt (DVA), 2002. 210 s.

5. Karabushchenko P., Lebedeva I., Bicharova M., Podvoisky L., Rezakov R. Efficiency of modern political elite: acmeological dimension of quality professionalism. *4th International Multidisciplinary Scientific Conference on Social Sciences and Arts SGEM 2017, SGEM 2017: conf. proceed., August, 2017, Psychology and psychiatry*, Book 3, vol. 2, pp. 115–122. DOI 10.5593/SGEMSOCIAL2017/32/S11.015

6. Holland F. *Les leçons du pouvoir*. Paris, 2018. 400 p.

7. Leinemann J. *Helmut Kohl. Ein Mann bleibt sich treu (Erweiterte Neuauflage von Helmut Kohl. Die Inszenierung einer Karriere)*. Berlin: Aufbau, 2001. 117 s.

8. Sarrazin T. *Deutschland schafft sich ab. Wiewirunser Land aufs Spiel setzen*. Deutsche Verlags-Anstalt, 2010. 464 s.

9. Schroder G. *Entscheidungen. Mein Leben in der Politik*. Hamburg: Hoffmann und Kampe, 2006. 544 s.

10. Vorontsov, S. A. On the need for improvement of state policy and governance in the field of security. *Problem Analysis and Public Administration Design*, 2013, vol. 6, no. 4, pp. 6–18.

11. Ulfkotte U. *Die Asyl-industrie ... Wie Politiker, Journalisten und Sozialverbände von der Flüchtlingswelle profitieren*. Kopp Verlag, 2015. 272 s.

12. Ulfkotte U. *Gekaufte Journalisten*. Kopp Verlag, 2014. 336 s.

УДК 316.485.25(470)

DOI dx.doi.org/10.24866/1813-3274/2019-4/66-90

Воронцов Сергей Алексеевич¹

Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ, г. Москва, Россия
E-mail: raven_serg@mail.ru

Мамычев Алексей Юрьевич²

Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, Россия
E-mail: mamychhev@yandex.ru

Понеделков Александр Васильевич³

Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ, г. Москва, Россия
E-mail: ponedelkov@skags.ru

**ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ИДЕОЛОГИИ ТЕРРОРИЗМА
В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ПО МАТЕРИАЛАМ
СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ (ПОЛЕВЫХ) ИССЛЕДОВАНИЙ**

Аннотация. В настоящей статье представлены результаты экспертного опроса о состоянии и направлении совершенствования механизма противодействия идеологии терроризма в современной России. Социологическое (полевое) исследование проводилось в августе – сентябре 2019 г. в форме опроса экспертов из 25 регионов Российской Федерации, в которых было опрошено от 50 до 200 экспертов. Полученные выводы и материалы данного исследования представляются в обобщённом виде с необходимыми аналитическими пояснениями. Последние могут быть использованы в

¹ Сергей Алексеевич Воронцов, доктор юридических наук, профессор кафедры процессуального права Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, г. Москва, Россия.

² Алексей Юрьевич Мамычев, доктор политических наук, кандидат юридических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права, Дальневосточный федеральный университет, г. Москва, Россия.

³ Александр Васильевич Понеделков, доктор политических наук, профессор; заведующий кафедрой политологии и этнополитики Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, заслуженный деятель науки РФ, г. Москва, Россия.

Для цитирования: Воронцов С. А., Мамычев А. Ю., Понеделков А. В. Противодействие идеологии терроризма в современной России: по материалам социологических (полевых) исследований // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика и право. 2019. № 4. С. 66–90.

контексте повышения уровня организации деятельности по противодействию идеологии терроризма, совершенствования кадрового, аналитического, организационно-технического и финансового обеспечения предупредительно-профилактической работы на данном направлении антитеррористической деятельности.

Ключевые слова: антитеррористическая деятельность, государственная политика, идеология, интернет, медиа, механизм превенции и противодействия, право, правовая политика, социологические исследования, терроризм, экспертный опрос, экстремизм

Vorontsov Sergey A.¹, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia
E-mail: raven_serg@mail.ru

Mamychev Alexey Yu.², Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia
E-mail: mamychev@yandex.ru

Ponedelkov Alexander V.³, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia
E-mail: ponedelkov@skags.ru

COUNTERING THE IDEOLOGY OF TERRORISM IN MODERN RUSSIA: BASED ON SOCIOLOGICAL (FIELD) RESEARCH

Abstract. This article presents the results of an expert survey on the state and directions of improving the mechanism for countering the ideology of terrorism in modern Russia. The sociological (field) study was conducted in August-September 2019 in the form of a survey of experts from 25 regions of the Russian Federation, in which 50 to 200 experts were interviewed. The findings and materials of this study are presented in a generalized form with the necessary analytical explanations. The latter can be used in the context of increasing the level of organization of activities to counter the ideology of ter-

¹ Sergey A. Vorontsov, Doctor of Law, Professor of the Department of Procedural Law of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia.

² Alexey Yu. Mamychev, Doctor of Political Science, Candidate of Law, Professor of the Department of Theory and History of State and Law, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

³ Alexander V. Ponedelkov, Doctor of Political Science, Professor; Head of the Department of Political Science and Ethnopolitics of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Honored Scientist of the Russian Federation, Moscow, Russia.

For citing: Vorontsov S. A., Mamychev A. Yu., Ponedelkov A. V. Countering the ideology of terrorism in modern Russia: based on sociological (field) research // PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law. 2019. No 4. Pp. 66–90.

rorism, improving personnel, analytical, organizational, technical and financial support for preventive work in this area of anti-terrorist activities.

Keywords: anti-terrorist activities, state policy, ideology, Internet, media, prevention and counteraction mechanism, law, legal policy, sociological research, terrorism, expert survey, extremism.

Введение

Терроризм является одним из наиболее опасных видов противоправной деятельности, политически или финансово мотивированной, сочетающей в себе идеологический, психологический, информационный и физический компоненты, которые реализуются как отдельными лицами, так и группами лиц с целью принудить личность, общество, государство исполнить их требования.

Деятельность террористических и экстремистских организаций, направленная на насильственное изменение конституционного строя Российской Федерации и дестабилизацию работы органов государственной власти, отнесена к числу основных угроз государственной и общественной безопасности [1]. Под безопасностью мы понимаем способность и возможность гражданского общества развиваться в условиях конфликтов, неопределённости, риска и реализацию этой способности и возможности в реальной действительности [2].

Под идеологией терроризма понимается деятельность отдельно взятых физических лиц или общественных объединений, которые посредством прямых воздействий или при помощи различных политических и иных технологий создают в обществе новые или развивают уже существующие случаи разрозненности, недоверия и неуверенности населения в государственном устройстве, подрывая основы государственного строя и сводя на нет все усилия отдельно взятых государственных и муниципальных служащих, общественных деятелей, силовых структур и ведомств, а также системы государственного управления в целом, которые, в свою очередь, направлены на устойчивое и благополучное развитие государства и гражданского общества. Подобная деятельность с большой долей вероятности может повлечь за собой реальные террористические акты [3].

В Российской Федерации с января по август текущего года зарегистрировано 1260 преступлений террористического характера. При этом, наряду с ростом числа преступлений на 1,2% к аналогичному периоду прошлого года, выявлено 469 лиц, совершивших преступления террористического характера, что на 12% меньше, чем за этот же период в прошлом году [4]. Таким образом, органам государственной власти и местного самоуправления, при координирующей роли Национального антитеррористического комитета (далее – НАК), удалось существенно минимизировать число лиц, совершивших преступления террористического характера. При

этом тенденция роста преступлений данной направленности сохраняется благодаря распространению идеологии терроризма в российском информационном пространстве с использованием возможностей сети Интернет, что обеспечивает идеологам терроризма масштабность аудитории (в большинстве молодёжи), анонимность пропагандистов, экономию материальных затрат.

Учитывая специфику пропагандистской деятельности террористических и экстремистских организаций, аппаратом НАК во взаимодействии с другими заинтересованными субъектами антитеррористической деятельности спланировано и осуществляется системное противодействие террористической угрозе в соответствии с указанием Президента Российской Федерации В. В. Путина, что «в борьбе с терроризмом... следует действовать на опережение – вовремя отслеживать в Интернете сайты экстремистской направленности» [5].

Оценивая результаты работы в рассматриваемой сфере, следует объективно признать, что органам государственной власти и местного самоуправления удалось несколько снизить уровень терроризма по сравнению с предыдущими годами, однако угроза совершения преступлений данной направленности сохраняется.

Основная часть

Сложившаяся ситуация требует изменения подходов к обеспечению национальной безопасности в сфере медиа, прежде всего к противодействию пропаганде терроризма [6].

Реализация комплекса мер в рамках Комплексного плана противодействия идеологии терроризма в РФ в 2013–2018 гг. [7] позволила сформировать законодательные и организационные механизмы противодействия идеологии терроризма. Создано методическое и научное обеспечение данной деятельности, скоординирована деятельность органов государственной власти и местного самоуправления, общественных институтов и граждан по пропаганде идеологии терроризма. В целях дальнейшей реализации положений Стратегии национальной безопасности России и Концепции противодействия терроризму Президентом Российской Федерации В. В. Путиным 28.12.2018 г. утверждён Комплексный план противодействия идеологии терроризма в Российской Федерации на 2019–2023 годы [8].

В соответствии с п. 4.5.1. Комплексного плана, Лабораторией проблем повышения эффективности государственного и муниципального управления Южно-Российского института управления – филиала РАНХиГС (г. Ростов-на-Дону) в августе – сентябре 2019 г. проведено социологическое исследование в форме опроса экспертов. Исследованием было охвачено 25 регионов Российской Федерации, в которых было опрошено от 50 до 200 экспертов: г. Санкт-Петербург, области – Ростовская, Московская, Астраханская, Волгоградская, Курганская, Саратовская, Сверд-

ловская, Смоленская, Челябинская, Ярославская; края – Алтайский, Камчатский, Краснодарский, Ставропольский; республики – Адыгея, Башкортостан, Дагестан, Ингушетия, Кабардино-Балкарская, Карачаево-Черкесская, Карелия, Коми, Северная Осетия–Алания, Татарстан.

Формулировки вопросов и варианты ответов изложены в редакции, предложенной экспертами. Ниже приведены наиболее значимые данные опроса.

1. Учитывая, что в Комплексном плане в качестве приоритетной задачи указано разъяснение сущности и опасности идеологии терроризма, практический интерес представлял вопрос: знают ли сами эксперты, в чём выражается идеология терроризма?

Как показал опрос, подавляющее число экспертов (96%) знают, или скорее знают, содержание данного негативного феномена (табл. 1).

Таблица 1

**Знаете ли Вы, в чём выражается идеология терроризма?
(1 вариант ответа) %**

		%
1.1.	Знаю	74,0
1.2.	Скорее, знаю	22,0
1.3.	Скорее, не знаю	3,0
1.4.	Не знаю	0,0
1.5.	Затрудняюсь ответить	1,0

Лишь 1% экспертов затруднились с ответом, а 3,0% указали, что они скорее не знают чёткого ответа на данный вопрос.

2. В том, что в современной России существует проблема пропаганды идеологии терроризма убеждено подавляющее большинство экспертов. Так, 51% считают, что данная проблема существует и 29% при ответе на вопрос, приведённый в таблице 2, выбрали ответ: скорее существует. Лишь 2% экспертов полагают, что подобной проблемы нет, 15% считают – скорее нет. 3% экспертов затруднились с ответом.

Таблица 2

**Существует ли в современной России проблема пропаганды
идеологии терроризма? (1 вариант ответа) %**

		%
2.1.	Да, существует	51,0
2.2.	Скорее, да	29,0
2.3.	Скорее, нет	15,0
2.4.	Не существует	2,0
2.5.	Затрудняюсь ответить	3,0

3. Ожидаемое единодушие эксперты проявили в оценке опасности пропаганды идеологии терроризма для общества. Так, 96,0% участников исследования считают, что да, эта деятельность опасна, 3% полагают, что скорее опасна. Лишь 1% экспертов выбрал ответ «скорее не опасна».

Таблица 3

Опасна ли пропаганда идеологии терроризма для общества?

(1 вариант ответа)

%

		%
3.1.	Да, опасна	96,0
3.2.	Скорее, да	3,0
3.3.	Скорее, нет	1,0
3.4.	Нет, не опасна	0,0
3.5.	Затрудняюсь ответить	0,0

4. В отношении целей, преследуемых пропагандой идеологии терроризма (табл. 4), 49,0% экспертов указали запугивание населения в целях подрыва существующей власти, инициируемое геополитическими противниками России.

28,0% экспертов считают, что пропаганда идеологии терроризма направлена на насильственное достижение политических целей сторонниками экстремистских организаций.

16% участников опроса считают, что целью пропаганды идеологии терроризма является запугивание населения, организуемое сторонниками религиозных экстремистских организаций.

Заслуживает более глубокого исследования тот факт, что всего 6,0% экспертов видят в качестве цели пропаганды идеологии терроризма насильственное достижение политических целей сторонниками радикальной оппозиции. Видно уроки, преподнесённые украинскими «майданами» как инструментарием свержения конституционного строя, ещё не в полной мере осознаны обществом.

Таблица 4

Какие цели преследует пропаганда идеологии терроризма?

(1 вариант ответа)

%

		%
4.1.	Запугивание населения, в целях подрыва существующей власти, инициируемое геополитическими противниками России	49,0
4.2.	Насильственное достижение политических целей сторонниками экстремистских организаций	28,0
4.3.	Насильственное достижение политических целей сторонниками радикальной оппозиции	6,0
4.4.	Запугивание населения, организуемое сторонниками религиозных экстремистских организаций	16,0

К числу иных целей (1,0%) эксперты отнесли:

- ✓ формирование геополитическими противниками России, при содействии своих единомышленников в России, условий для роста хаоса, в которых государство ослабляется, нарастают межнациональные конфликты и межрелигиозные распри, разрушается экономика;
- ✓ создание в долгосрочной перспективе условий для оказания давления на руководство РФ;
- ✓ пополнение рядов террористов путём пропаганды идеологии насилия и устрашения;
- ✓ дискредитация действующей государственной власти и её политических лидеров, с помощью насилия, демонстрация слабости власти и её неспособности противостоять данным угрозам.

5. Анализируя характеристики, которые подходят к определению содержания понятия «пропаганда идеологии терроризма» (табл. 5), в качестве первой ранговой позиции эксперты указали *насилие* (82,0%), на второй позиции – *приверженность к крайним взглядам* (61,0%), замыкает тройку ведущих характеристик – *нарушение закона* (60%).

Таблица 5

**Отметьте характеристики, которые, на Ваш взгляд,
подходят к определению пропаганда идеологии терроризма?
(Не более 5 вариантов ответа) %**

		%
5.1.	Насилие	82,0
5.2.	Нарушение закона	60,0
5.3.	Деятельность спецслужб иностранных государств	41,0
5.4.	Борьба за власть	42,0
5.5.	Борьба за свободы	1,0
5.6.	Проявление жестокости	3,0
5.7.	Революционное движение	48,0
5.8.	Борьба этнических групп	4,0
5.9.	Стремление сделать мир лучше	18,0
5.10.	Нетерпимость	1,0
5.11.	Религиозный фанатизм	28,0
5.12.	Приверженность к крайним взглядам	61,0
5.13.	Устрашение	41,0

Обращает на себя внимание выбор такой характеристики пропаганды идеологии терроризма, как *революционное движение*, которую эксперты поставили на 4-ю позицию (48,0%). Данное обстоятельство, на наш взгляд, вы-

зывает озабоченность, так как и СМИ, в публикациях о террористических и экстремистских проявлениях, достаточно часто употребляют термины «революционеры», «политические заключённые» и др., романтизирующие облик правонарушителей, что может способствовать привлечению в ряды террористов маргинальной молодёжи [9].

6. Ранжируя гипотезы о движущих силах пропаганды идеологии терроризма (табл. 6), большинство экспертов поставили на первую ранговую позицию радикальные исламские группировки, находящиеся за пределами России (88,0%).

59,0% экспертов в качестве движущей силы пропаганды идеологии терроризма видят зарубежные спецслужбы, 58,0% – радикальные исламские группировки, находящиеся на территории России.

Заслуживает внимание мнение 20,0% экспертов, что в качестве движущей силы пропаганды идеологии терроризма выступают психически неуравновешенные личности, которых, по мнению экспертов, больше, чем политических противников режима (19%).

Таблица 6

Кто, на Ваш взгляд, является движущей силой пропаганды идеологии терроризма? (Не более 3 вариантов ответа) %

6.1.	Радикальные исламские группировки, находящиеся за пределами России	88,0
6.2.	Радикальные исламские группировки, находящиеся на территории России	58,0
6.3.	Зарубежные спецслужбы	59,0
6.4.	Националистические организации	39,0
6.5.	Люди, доведённые до отчаяния	2,0
6.6.	Психически неуравновешенные личности	20,0
6.7.	Политические противники режима	19,0

7. В числе субъектов противодействия пропаганде идеологии терроризма 95,0% экспертов поставили на первую ранговую позицию органы ФСБ России, на вторую позицию – Национальный антитеррористический комитет (89,0%), затем органы МВД России (60,0%). Таким образом, участники опроса видят основными субъектами противодействия пропаганде идеологии терроризма силовые структуры, занимающиеся борьбой с терроризмом, а также координацией антитеррористической деятельности (табл. 7).

Органы государственной власти (43,0%) и органы местного самоуправления (29,0%), которые по определению должны быть ведущими субъектами противодействия пропаганде идеологии терроризма, таковыми в оценках экспертов не являются.

ся. При этом следует положительно оценить информированность 56,0% экспертов о роли и месте в противодействии пропаганде идеологии терроризма антитеррористических комиссий в субъектах и муниципальных образованиях.

Таблица 7

**Как вы считаете, какие органы власти и общественные организации реально осуществляют противодействие пропаганде идеологии терроризма?
(Не более 5 ответов) %**

7.1.	МВД	60,0
7.2.	ФСБ	95,0
7.3.	Прокуратура	25,0
7.4.	Следственный комитет	38,0
7.5.	Национальный антитеррористический комитет	89,0
7.6.	Антитеррористические комиссии в субъектах и муниципальных образованиях	56,0
7.7.	Органы государственной власти	43,0
7.8.	Органы местного самоуправления	29,0
7.9.	Политические партии	3,0
7.10.	Религиозные организации	21,0
7.11.	Молодежные организации	20,0

В качестве особого мнения эксперты указали, что эффективность деятельности структур, перечисленных в п. 7.7–7.11., вызывает сомнение, т. к. в основном их деятельность выражается в проведении массовых мероприятий (митингов, форумов, уроков, публикаций, телепередач и др.), оцениваемых по количеству мероприятий и участвующих в них лиц, т. е. по формальным показателям, которые не позволяют судить об эффективности профилактического воздействия на радикально настроенную молодёжь, которую эти мероприятия не интересуют.

8. Оценивая динамику пропаганды распространения идеологии терроризма в России, большинство экспертов считают, что ситуация остаётся стабильной (30%), имеется тенденция к незначительному снижению (21%), либо существенно снижается (7%).

28% экспертов отметили рост пропаганды идеологии терроризма, но он не является крупным, 5% экспертов полагают, что замечен значительный рост данной угрозы (табл. 8).

Таблица 8

Какова, на Ваш взгляд, динамика пропаганды идеологии терроризма в России? (1 вариант ответа)

		%
8.1.	Заметен значительный рост	5,0
8.2.	Рост пропаганды идеологии терроризма есть, но он не является крупным	28,0
8.3.	Ситуация остается стабильной: нет ни её роста, ни снижения	30,0
8.4.	Угроза незначительно снижается	21,0
8.5.	Угроза существенно снижается	7,0
8.6.	Затрудняюсь ответить	10,0

9. При оценке эффективности противодействия пропаганде терроризма в стране, регионе и муниципальном образовании эксперты отметили, что данная работа проводится не всегда эффективно (соответственно, 59,0%, 49,0%, 47,0%). На недостаточный уровень данной работы указали, соответственно, 16,0%, 15%, 15% экспертов.

В том, что работа по противодействию пропаганде терроризма в стране, регионе и муниципальном образовании ведётся очень эффективно, убеждены, соответственно, 21%, 29%, 31% экспертов (табл. 9).

Таблица 9

Как Вы считаете, эффективно ли ведётся противодействие пропаганде терроризма? (1 вариант ответа в каждом разделе)

		%
9.1.	В стране:	
9.1.1.	Очень эффективно	21,0
9.1.2.	Не всегда эффективно	59,0
9.1.3.	Недостаточно эффективно	16,0
9.1.4.	Затрудняюсь ответить	4,0
9.2.	В регионе (крае, области, автономии):	
9.2.1.	Очень эффективно	29,0
9.2.2.	Не всегда эффективно	49,0
9.2.3.	Недостаточно эффективно	15,0
9.2.4.	Затрудняюсь ответить	7,0
9.3.	В муниципальном образовании (городе, районе, поселении):	
9.3.1.	Очень эффективно	31,0
9.3.2.	Не всегда эффективно	47,0
9.3.3.	Недостаточно эффективно	15,0
9.3.4.	Затрудняюсь ответить	7,0

10. 61,0% экспертов, задействованных в социологическом опросе, считают, что полномочия органов власти в стране, в субъекте и муниципальном образовании соответствуют решению задач по противодействию идеологии терроризма. Данное мнение большинства экспертов позволяет говорить о существенном совершенствовании в последние годы правовой основы обеспечения процесса противодействия идеологии терроризма (табл. 10). При этом 19% экспертов считают, что имеющихся полномочий для решения указанной задачи недостаточно.

Таблица 10

Как Вы считаете, соответствуют ли полномочия органов власти в субъекте и муниципальном образовании решению задач противодействия идеологии терроризма? (1 вариант ответа) %

10.1.	Да, соответствуют	61,0
10.2.	Не соответствуют	19,0
10.3.	Затрудняюсь ответить	20,0

11. Мнения экспертов заметно разделились и в вопросе о соответствии объема бюджетного финансирования подразделений органов власти в субъекте и в муниципальном образовании для решения задач противодействия идеологии терроризма (табл. 11). Лишь 19% экспертов удовлетворены размером бюджетного финансирования, 22% считают, что установленное финансирование соответствует не в полной мере, а 22% убеждены, что выделяемые средства не соответствуют качественному решению задач по противодействию идеологии терроризма.

Таблица 11

Как Вы считаете, соответствует ли бюджетное финансирование подразделений органов власти в субъекте и муниципальном образовании решению задач противодействия идеологии терроризма? (1 вариант ответа) %

11.1.	Да, соответствует	19,0
11.2.	Соответствует не в полной мере	43,0
11.3.	Не соответствует	22,0
11.4.	Затрудняюсь ответить	16,0

12. Более единодушными эксперты оказались при ответе на вопрос: «Чувствуете ли Вы себя в безопасности от террористических угроз?» Так, полностью защищёнными от террористических угроз ощущают себя 8,0% экспертов. 62,0% опрошенных выбрали вариант «скорее, да». Не уверены в своей безопасности от террористических угроз 19,0% экспертов, и 3,0% ощущают себя полностью не защищёнными.

Таблица 12

**Чувствуете ли Вы себя в безопасности от террористических угроз?
(1 вариант ответа) %**

12.1.	Полностью, да	8,0
12.2.	Скорее, да	62,0
12.3.	Затрудняюсь ответить	8,0
12.4.	Скорее, нет	19,0
12.5.	Полностью, нет	3,0

По мнению экспертов, уязвимость личности, общества, государства перед террористической угрозой обусловлена:

- ✓ либеральными взглядами;
- ✓ наличием национальных, религиозных проблем, имеющих для государства и общества важное значение и связанных с его самооценкой, духовностью, фундаментальными ценностями, традициями и обычаями;
- ✓ отсутствием единой государственной платформы (идеологии), объединяющей усилия всего населения России и органов государственной (муниципальной) власти в достижении стратегических целей;
- ✓ социально-экономическими проблемами, расслоением общества, социальным неравенством;
- ✓ навязыванием населению религиозных идей;
- ✓ ростом агрессии со стороны разного рода правозащитных организаций, финансируемых из-за рубежа, которая приобретает всё более скрытый характер;
- ✓ безразличием основной массы населения к возможной террористической угрозе;
- ✓ недостатками воспитания в семье, неэффективной работой по воспитанию молодежи;
- ✓ применением террористами новых информационных технологий.

13. Достаточно категорично эксперты оценили возможность при каких-нибудь обстоятельствах оправдать для себя лицо, распространяющее идеологию терроризма (табл. 13). Так, 76% экспертов полностью отвергают такую возможность, и 19% выбрали ответ – скорее, нет. 2,0% опрошенных готовы оправдать такое лицо, если от данных действий зависит жизнь членов его семьи, либо существует угроза жизни и здоровью близких. Ни один из экспертов не готов безоговорочно оправдать лиц, распространяющих идеологию терроризма. 2% затруднились с ответом.

Таблица 13

**Можете ли Вы при каких-нибудь обстоятельствах оправдать
для себя лицо, распространяющее идеологию терроризма?**

(Один вариант ответа) %

13.1.	Полностью, да	0,0
13.2.	Скорее, да	2,0
13.3.	Скорее, нет	19,0
13.4.	Полностью, нет	76,0
13.5.	Затрудняюсь ответить	2,0

14. Объективность ответа экспертов на вопрос, предваряющий таблицу 13, подтверждают ответы на вопрос о том, считают ли они лиц, распространяющих идеологию терроризма, преступниками (табл. 14)?

Так, 82% экспертов утвердительно ответили на данный вопрос, 15% выбрали вариант «скорее, да».

По 1% экспертов выбрали ответы «нет» и «скорее, нет», не разъяснив в приложении свою позицию.

Таблица 14

**Считаете ли Вы, что лица, распространяющие идеологию терроризма,
являются преступниками?**

%

14.1.	Полностью да	82,0
14.2.	Скорее, да	15,0
14.3.	Скорее, нет	1,0
14.4.	Полностью нет	1,0
14.5.	Затрудняюсь ответить	1,0

15. 92% экспертов считают, что деятельность лиц, распространяющих идеологию терроризма, должна пресекаться правоохранительными органами, и 6% экспертов выбрали вариант ответа «скорее, да» (табл. 15).

Таблица 15

**Должна ли деятельность лиц, распространяющих идеологию терроризма,
пресекаться правоохранительными органами?**

%

15.1.	Полностью, да	92,0
15.2.	Скорее, да	6,0
15.3.	Скорее, нет	1,0
15.4.	Полностью, нет	1,0
15.5.	Затрудняюсь ответить	0,0

При этом, также по 1% экспертов указали варианты ответов «нет» и «скорее, нет», не разъяснив, как и в предыдущем вопросе, почему противоправная деятельность не должна пресекаться.

16. Мнения экспертов разделились при ответе на вопрос: допустимо ли в целях противодействия идеологии терроризма ограничивать права и свободы граждан во имя обеспечения общественной безопасности (табл. 16)?

Так, 66% экспертов согласны с правом государства и общества защищать себя от пропаганды террористической идеологии с использованием методов, ограничивающих в установленных законом случаях права и свободы граждан. 19% экспертов не согласны с этим. 4% экспертов считают, что:

✓ ограничения могут допускаться только под жёстким контролем со стороны прокуратуры, суда и гражданского общества, исключая использование данных ограничений в угоду тем или иным политическим силам;

✓ всё зависит от того, в какой мере будут ограничиваться права и свободы и какие цели при этом будут реально достигаться, а не только декларироваться;

✓ ограничения допустимы при наличии надлежащего контроля со стороны надзорных органов за теми структурами, которые будут ограничивать права и свободу граждан.

Таблица 16

Допустимо ли в целях противодействия идеологии терроризма ограничивать права и свободы граждан во имя обеспечения общественной безопасности? (1 вариант ответа)

		%
16.1.	Да	66,0
16.2.	Нет	19,0
16.3.	Затрудняюсь ответить	11,0

17. Представляют практический интерес ответы экспертов о достаточности (недостаточности) информации о противодействии идеологии терроризма для формирования представления о реально складывающейся ситуации в данной сфере (табл. 17).

Таблица 17

Как Вы считаете, достаточно ли у Вас информации о проводимой борьбе с идеологией терроризма? (1 вариант ответа)

		%
17.1.	Вполне достаточно, чтобы иметь представление о реальной ситуации в этой сфере	47,0
17.2.	Информации мало, и трудно делать выводы о реальной ситуации в этой сфере	47,0
17.3.	Необходимой информации нет	3,0
17.4.	Затрудняюсь ответить	3,0

47% экспертов, вероятно представляющих антитеррористические комиссии, считают, что они в достаточной мере владеют реальной ситуацией в рассматриваемой сфере. В противовес им, 47% экспертов убеждены, что информации недостаточно для выдвижения обоснованных выводов о реальной ситуации с противодействием идеологии терроризма. 3% экспертов отметили, что не имеют необходимой информации.

18. На наш взгляд, следует положительно оценить, что 68% экспертов ознакомились с «Комплексным планом противодействия идеологии терроризма в Российской Федерации на 2019–2023 гг.» (табл. 18).

Таблица 18

Знакомы ли Вы с «Комплексным планом противодействия идеологии терроризма в Российской Федерации на 2019–2023 гг.»?
(1 вариант ответа) %

		%
18.1.	Да	68,0
18.2.	Нет	32,0

19. При этом 32% экспертов оценили данный документ как неэффективный, а 65% убеждены в эффективности заложенных в план мероприятий (табл. 19). Обращает на себя внимание то обстоятельство, что число экспертов, считающих план неэффективным, совпадает с числом экспертов, не знакомых с данным документом.

Таблица 19

Если «Комплексный план противодействия идеологии терроризма в Российской Федерации на 2019–2023 гг.» Вам известен, считаете ли Вы это план эффективным или, наоборот, неэффективным в вопросе противодействия терроризму (впишите Ваш вариант ответа) %

19.1.	Эффективным	65,0
19.2.	Неэффективным	32,0
19.3.	Затрудняюсь ответить	3,0

20. Недостаточная информированность экспертов по вопросам противодействия идеологии терроризма побудила проранжировать каналы получения ими сведений по данной проблеме (табл. 20).

На первую ранговую позицию эксперты поставили телевидение (83,0%), на вторую, со значительным отрывом, – социальные сети (61,0%), на третью – газеты и журналы (51,0%). В числе источников искомой информации эксперты назвали также встречи с представителями правоохранительных органов, передачи радиостанций и беседы с непосредственным окружением.

Таблица 20

По каким каналам Вы получаете информацию о проводимой борьбе с распространением идеологии терроризма? %

20.1.	Социальные сети	61,0
20.2.	Телевидение	83,0
20.3.	Радио	33,0
20.4.	Газеты и журналы	51,0
20.5.	Встречи с представителями правоохранительных органов	47,0
20.6.	Информация пресс-служб правоохранительных органов	42,0
20.7.	Непосредственное окружение	20,0
20.8.	Другое (укажите)	0,0

21. Заслуживает внимания информация, что за последние 3 года 66% экспертов не участвовали в работе программ повышения квалификации государственных (муниципальных) служащих по вопросам противодействия идеологии терроризма, 15% (по-видимому, сотрудники АТК) участвовали неоднократно, 19% – единожды. Представляется, что с учётом сохранения в обозримый период террористических угроз и вызовов данная работа должна быть активизирована.

Таблица 21

Были ли Вы в последние 3 года участником программ повышения квалификации государственных (муниципальных) служащих по вопросам противодействия идеологии терроризма? (1 вариант ответа) %

21.1.	Да, единожды	19,0
21.2.	Да, неоднократно	15,0
21.3.	Нет	66,0

22. По мнению экспертов, основной объём пропаганды идеологии терроризма реализуется с использованием возможностей интернета (99,0% – первая ранговая позиция). На вторую ранговую позицию эксперты поставили каналы религиозной пропаганды (речь идёт об исламизме), реализуемой в т. ч. при содействии лиц, обучавшихся за рубежом (87,0% и 80,0%).

Значимое место (74,0%) в пропаганде идеологии терроризма эксперты отвели оппозиционным власти СМИ, на что должно быть обращено внимание надзорных органов (табл. 22). Разумеется, речь не может идти о введении цензуры, но уровень самоцензуры журналистов, как, впрочем, и уровень контрпропаганды должен быть существенно повышен.

Таблица 22

**По каким каналам, по Вашему мнению,
осуществляется пропаганда идеологии терроризма?
(Не более 5 вариантов ответа) %**

22.1.	Интернет	99,0
22.2.	Религиозная пропаганда	87,0
22.3.	Обучение за рубежом	80,0
22.4.	Зарубежные фильмы	57,0
22.5.	Оппозиционные власти СМИ	74,0
22.6.	Ближайшее окружение	47,0
22.7.	Другое (укажите)	1,0

23. Несомненный интерес представляет мнение экспертов о том, какими мотивами руководствуются россияне, примыкающие к деятельности по пропаганде идеологии терроризма в своей стране (табл. 23).

Таблица 23

**Какими мотивами руководствуются россияне, примыкающие
к деятельности по пропаганде идеологии терроризма?
(Не более 5 вариантов ответа) %**

23.1.	Идеологическое противостояние существующей власти	84,0
23.2.	Общение с единомышленниками	56,0
23.3.	Обретение смысла жизни	28,0
23.4.	Ощущение несправедливости и произвола власти	56,
23.5.	Чувство безысходности	47,0
23.6.	Желание отомстить	60,0
23.7.	Желание «прославиться»	51,0
23.8.	Материальное вознаграждение	85,0
23.9.	Другое (укажите): ✓ Любопытство, стремление разобраться в ситуации, получить информацию из неофициальных источников (при недоверии к официальным СМИ и власти) ✓ Искажённые религиозные понятия ✓ Под воздействием наркотических средств	2,0

По мнению экспертов, в большинстве случаев это происходит под влиянием меркантильных соображений (первая ранговая позиция – 85,0%). Второй по значимости мотив, указанный экспертами, – идеологическое противостояние существующей власти.

В ряде случаев, как полагают эксперты, россияне участвовали в пропаганде идеологии терроризма под влиянием несправедливости и произвола власти, в основном, на местах, а также из чувства безысходности.

Следует особо отметить мнение экспертов (51,0%) о том, что примыкание к деятельности по пропаганде идеологии терроризма обусловлено стремлением некоторых молодых людей «прославиться» любой ценой, ибо других путей попасть на телевизионные экраны и в сводки новостей у них нет.

24. Отвечая на вопрос, от кого в наибольшей степени зависит успешное противодействие идеологии терроризма в условиях современных политических процессов в России, эксперты поставили на первую ранговую позицию государство (92,0%). Вторую позицию заняли СМИ (60,0%), которые формируют общественное мнение (табл. 24). Далее следуют население, общественные организации, религиозные деятели и политики.

Таблица 24

От кого в наибольшей степени зависит успешное противодействие идеологии терроризма в условиях современных политических процессов в России? (Не более 3 вариантов ответа) %

		%
24.1.	Государства	92,0
24.2.	Общественных организаций	37,0
24.3.	Самих простых людей	46,0
24.4.	Религиозных деятелей	33,0
24.5.	Политиков федерального, регионального и местного уровня	28,0
24.6.	Средств массовой информации	60,0
24.7.	Затрудняюсь ответить	2,0
24.8.	Другое (укажите)	1,0

25. Учитывая «живучесть» идеологии терроризма, представляет интерес исследование причин, которые, по мнению экспертов, в наибольшей степени влияют на интерес граждан к идеологии терроризма (табл. 25).

В качестве основных причин эксперты выделили падение уровня жизни; социально-экономические проблемы; напряжённость в обществе и пессимизм; отсутствие постоянной работы и низкий заработок; криминализацию различных сфер жизни; «исламский фактор» и подрывную деятельность иностранных террористических организаций; неэффективную работу по идеологическому воспитанию молодёжи; недостатки воспитания в семье.

**Какие причины, на Ваш взгляд, в наибольшей степени влияют
на интерес граждан к идеологии терроризма?
(Не более 10 вариантов ответа) %**

		%
25.1.	Социально-экономические проблемы в целом, напряжённость в обществе и пессимизм	88,0
25.2.	Падение уровня жизни	89,0
25.3.	Рост бедности населения	78,0
25.4.	Трудные жизненные ситуации	67,0
25.5.	Отсутствие постоянной работы и низкий заработок	63,0
25.6.	Криминализация различных сфер жизни и деятельности	63,0
25.7.	Недостатки воспитания в семье	49,0
25.8.	Влияние псевдорелигиозной экстремистской литературы, радикальных религий	56,0
25.9.	Влияние воинствующего национализма	29,0
25.10.	«Исламский фактор» и подрывная деятельность иностранных террористических организаций	61,0
25.11.	Отсутствие веры в своё будущее и жизненные перспективы при существующем общественно-политическом строе	36,0
25.12.	Наличие этнических, национальных, религиозных противоречий в обществе	37,0
25.13.	Отсутствие эффективной государственной антитеррористической политики	28,0
25.14.	Неэффективная работа по идеологическому воспитанию молодёжи	61,0
25.15.	Недостаточная профилактическая работа по противодействию терроризму	32,0
25.16.	Отсутствие веры в то, что можно добиться справедливости в рамках существующего закона	35,0
25.17.	Наличие ярких лидеров и пропагандистов террористической деятельности	26,0
25.18.	Нежелание граждан сотрудничать с правоохранительными органами в деле борьбы с терроризмом	39,0
25.19.	Явное или скрытое сочувствие граждан идеям террористических организаций	15,0
25.20.	Затрудняюсь ответить	1,0
25.21.	Другое (укажите)	1,0

26. На фоне значительного числа причин, которые, по мнению экспертов, влияют на интерес граждан к идеологии терроризма, повышенный интерес представляют возможные направления усиления противодействия пропаганде идеологии терроризма в регионе, которым следует уделить первостепенное внимание (табл. 26).

Эксперты в числе данных направлений на первую позицию поставили улучшение взаимодействия гражданского общества с правоохранительными органами (49,9%). Вторым по значимости направлением эксперты видят улучшение всей системы воспитания молодёжи и работы с семьями (44,0%). На третьей позиции – повышение влияния гражданского общества (39,0%).

Таким образом, эксперты видят пути усиления противодействия пропаганде идеологии терроризма не в укреплении силовой составляющей, реализуемой правоохранительными органами, а в реализации гражданских технологий, в совершенствовании воспитательной работы с молодёжью, улучшении профилактической работы с лицами, подверженными идеологии терроризма, формировании у населения антитеррористического сознания.

Таблица 26

Какому из основных направлений усиления противодействия пропаганде идеологии терроризма в регионе следует уделить первостепенное внимание? (Не более 3 вариантов ответа) %

26.1.	Повышение влияния гражданского общества	39,0
26.2.	Улучшение взаимодействия гражданского общества с правоохранительными органами	49,0
26.3.	Повышение уровня бюджетного финансирования на цели анти-террористической деятельности	19,0
26.4.	Совершенствование деятельности правоохранительных органов	26,0
26.5.	Улучшение всей системы воспитания молодежи и работы с семьями	44,0
26.6.	Улучшение профилактической работы с лицами, подверженными идеологии терроризма	31,0
26.7.	Совершенствование законодательной базы, направленной на эффективное проведение антитеррористической государственной политики	14,0
26.8.	Осуществление мер по формированию у населения антитеррористического сознания	30,0
26.9.	Совершенствование мер информационно-пропагандистского характера и защиты от идеологии терроризма	27,0
26.10.	Расширение полномочий спецслужб и проведение самой жёсткой силовой политики борьбы с любыми проявлениями терроризма, причём как с непосредственными участниками подготовки и проведения террористических актов, так и с теми, кто занимается идеологическим обоснованием и пропагандой терроризма	30,0
26.11.	Затрудняюсь ответить	1,0
26.12.	Другое (укажите)	1,0

27. В числе первоочередных мер, которые необходимо предпринять, чтобы снизить уязвимость молодежи от воздействия идеологии терроризма (табл. 27), эксперты указали активизацию работы по противодействию идеологии терроризма в информационном пространстве, в том числе в социальных интернет-сетях (60,0%), системное проведение на базе образовательных организаций антитеррористических воспитательных и культурно-просветительских мероприятий (59,05), реализацию мер, направленных на формирование религиозной, межнациональной терпимости, в том числе с помощью организации молодежных межрегиональных образовательных форумов (48,0%).

Таблица 27

Как Вы считаете, что необходимо предпринять, чтобы снизить уязвимость молодежи от воздействия идеологии терроризма?

(Не более 3 вариантов ответа)

%

		%
27.1.	Системно проводить на базе образовательных организаций соответствующие воспитательные и культурно-просветительские мероприятия	59,0
27.2.	Привлекать к работе с молодежью религиозных лидеров и авторитетных политиков, несмотря на их оппозиционность	23,0
27.3.	Вовлекать молодежь в практическую работу по подготовке проектов антитеррористической направленности	33,0
27.4.	Создавать условия для эффективной социальной адаптации молодежи, противодействующей асоциальному поведению молодых людей	35,0
27.5.	Активизировать работу по противодействию идеологии терроризма в информационном пространстве молодежи, в том числе в социальных интернет-сетях	60,0
27.6.	Повысить эффективность противодействия терроризму в молодежной среде путём обучения кадров, участвующих в противодействии терроризму, информационному противостоянию в сети Интернет, организации на базе образовательных организаций высшего образования научных семинаров, тренингов, курсов повышения квалификации	35,0
27.7.	Формировать религиозную, межнациональную терпимость, патриотизм, здоровый образ жизни, в том числе с помощью организации молодежных межрегиональных образовательных форумов	48,0
27.8.	Затрудняюсь ответить	1,0
27.9.	Другое (укажите): ✓ В том числе обеспечение выпускников учебных заведений рабочими местами ✓ Обеспечение обязательной занятости молодежи учёбой, работой, спортом, интересными делами, проектами	4,0

Заслуживают внимания предложения о вовлечении молодёжи в практическую работу по подготовке и реализации проектов антитеррористической направленности; привлечении к работе с молодёжью религиозных лидеров и авторитетных политиков, несмотря на их оппозиционность; развитии системы обучения молодых кадров, участвующих в противодействии терроризму, информационному противостоянию в сети Интернет, системной организации на базе образовательных организаций высшего образования научных семинаров, тренингов, курсов повышения квалификации.

28. Оценивая виды идеологии терроризма, представляющие наибольшую опасность (табл. 28), эксперты поставили на первую ранговую позицию идеологию радикального ислама (87,0%), далее следуют идеология, связанная с попытками инспирирования «цветных революций» (61,0%), и праворадикальная, фашистская и расистская идеология (40,0%).

Таблица 28

Какой вид идеологии терроризма Вы считаете имеющим наибольшую опасность для Вашего региона? (Не более 3 вариантов ответа) %

28.1.	Связанный с радикальным исламом	87,0
28.2.	Связанный с радикальными направлениями в христианстве	32,0
28.3.	Связанный с иными радикальными религиозными течениями	29,0
28.4.	Связанный с политическими идеологиями антикапиталистического и коммунистического толка	11,0
28.5.	Связанный с анархистской идеологией	9,0
28.6.	Связанный с праворадикальной, фашистской и расистской идеологией	40,0
28.7.	Связанный с попытками инспирирования «цветных революций»	61,0
28.8.	Затрудняюсь ответить	9,0
28.9.	Другое (укажите): ✓ Региональный сепаратизм	2,0

29. Следует положительно оценить, что 93% экспертов готовы не только советовать, но и оказать содействие, как граждане, сотрудникам правоохранительных органов в противодействии пропаганде идеологии терроризма (табл. 29).

Таблица 29

Готовы ли Вы оказать содействие, как гражданин, сотрудникам правоохранительных органов в противодействии пропаганде идеологии терроризма? %

29.1.	Готов	74,0
29.2.	Скорее, готов	19,0
29.3.	Скорее, не готов	2,0
29.4.	Не готов	2,0
29.5.	Затрудняюсь ответить	3,0

30. В завершении социологического опроса в числе причин, снижающих эффективность работы по противодействию идеологии терроризма (табл. 30), эксперты указали недостаточное взаимодействие государственных структур и общественных организаций, недостаточное международное сотрудничество, формализм, недостаточный профессионализм ответственных лиц, заниженный уровень ответственности должностных лиц за допущенные просчёты.

Таблица 30

Что, на Ваш взгляд, мешает эффективной работе по противодействию идеологии терроризма?

%

30.1.	Недостаточное взаимодействие государственных структур и общественных организаций	56,0
30.2.	Недостаточное взаимодействие между ведомствами	4,0
30.3.	Недостаточное взаимодействие между центром и регионами	11,0
30.4.	Недостаточное международное сотрудничество	21,0
30.5.	Другое (укажите): <ul style="list-style-type: none"> ✓ Формализм в организации работы государственных структур, нацеленность на написание отчёта, получение «галочки» ✓ Недостаточная подготовка работников, отвечающих за данное направление деятельности, недостаточное понимание сути проявлений идеологии терроризма ✓ Отсутствие должного контроля медиа пространства ✓ Низкий уровень взаимодействия госструктур и общественных отношений ✓ Заниженный уровень ответственности должностных лиц за допущенные просчёты ✓ Проблемы системного характера, такие как коррупция и слабая экономика ✓ Нет понимания простыми обывателями сути деятельности спецслужб на данном направлении, решений государственных структур 	8,0

Выводы

Полагаем, что материалы проведённого социологического исследования могут быть использованы в целях повышения уровня организации деятельности по противодействию идеологии терроризма, совершенствования кадрового, аналитического, организационно-технического и финансового обеспечения предупредительно-профилактической работы на данном направлении антитеррористической деятельности.

Список литературы

1. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации : указ Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683. – URL: <https://www.mchs.gov.ru/dokumenty/ukazy-prezidenta-rf/2933> (дата обращения: 19.12.2019).
2. Воронцов, С. А. О необходимости совершенствования государственной политики и управления в сфере безопасности // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. – 2013. – Т. 6, № 4. – С. 6–18.
3. Терроризм – крайняя форма экстремизма и современная угроза национальным интересам России. 21.12.2016. – URL: <https://nic-pnb.ru/terrorism-ekstremizm-separatizm/terrorism-krajnyaya-forma-ekstremizma/> (дата обращения: 19.12.2019).
4. Портал правовой статистики Генпрокуратуры РФ. – URL: <http://crimes.tat.ru/> (дата обращения: 19.12.2019).
5. Кириленко, В. П. Противодействие идеологии современного терроризма / В. П. Кириленко, Г. В. Алексеев // Управленческое консультирование. – 2018. – № 5. – С. 8–18.
6. On the need to improve approaches to ensuring russia's national security in the media sphere / S. Vorontsov, A. Goloborodko, A. Ponedelkov, A. Steinbuh, O. Kravets // Медиаобразование. – 2018. – № 2. – С. 61–70.
7. Комплексный план противодействия идеологии терроризма в Российской Федерации на 2013–2018 годы : утв. Президентом Российской Федерации 26 апреля 2013 г. № Пр-1069. URL: https://www.nstu.ru/static_files/40742/file/Komplex_plan.pdf (дата обращения: 19.12.2019).
8. Комплексный план противодействия идеологии терроризма в Российской Федерации на 2019–2023 годы, утвержденного Президентом Российской Федерации от 28 декабря 2018 г/ № Пр-2665. – URL: <http://nac.gov.ru/terrorizmu-net/kompleksnyu-plan-protivodeystviya-ideologii-terrorizma-v.html> (дата обращения: 19.12.2019).
9. On improving of outreach work in the media sphere to counter the ideology of terrorism / S. A. Vorontsov, A. Yu. Goloborodko, A. V. Ponedelkov, A. G. Shteinbukh // Медиаобразование. – 2019. – Т. 59, № 3. – С. 454–460.

References

1. *On the National Security Strategy of the Russian Federation: Decree of the President of the Russian Federation dated December 31, 2015 No. 683.* Available at: <https://www.mchs.gov.ru/dokumenty/ukazy-prezidenta-rf/2933> (accessed 19 December 2019). (In Russian).

2. Vorontsov S. A. O neobkhodimosti sovershenstvovaniya gosudarstvennoi politiki i upravleniya v sfere bezopasnosti [On the need to improve public policy and management in the field of security]. *Problemnyi analiz i gosudarstvenno-upravlencheskoe proektirovanie*, 2013, vol. 6, no. 4, pp. 6–18.

3. *Terrorism is an extreme form of extremism and a modern threat to Russia's national interests*. 12.21.2016. Available at: <https://nic-pnb.ru/terrorizm-ekstremizm-separatizm/terrorizm-krajnyaya-forma-ekstremizma/> (accessed 12 December 2019). (In Russian).

4. Portal of legal statistics of the Prosecutor General of the Russian Federation. URL: <http://crimestat.ru/> (accessed 12 December 2019). (In Russian).

5. Kirilenko V. P., Alekseev G. V. Protivodeistvie ideologii sovremennogo terrorizma [Opposition to the ideology of modern terrorism]. *Upravlencheskoe konsul'tirovanie*, 2018., no. 5, pp. 8–18.

6. Vorontsov S., Goloborodko A., Ponedelkov A., Steinbuh A., Kravets J. On the need to improve approaches to ensuring Russia's national security in the media sphere. *Mediaobrazovanie*, 2018, no. 2, pp. 61–70.

7. *A comprehensive plan to counter the ideology of terrorism in the Russian Federation for 2013–2018: approved The President of the Russian Federation on April 26, 2013 No. Pr-1069*. Available at: https://www.nstu.ru/static_files/40742/file/Komplex_plan.pdf (accessed 12 December 2019). (In Russian).

8. *A comprehensive plan to counter the ideology of terrorism in the Russian Federation for 2019–2023, approved by the President of the Russian Federation dated December 28, 2018 No. Pr-2665*. – Available at: <http://nac.gov.ru/terrorizmu-net/kompleksnyy-plan-protivodeystviya-ideologii-terrorizma-v.htm> (accessed 12 December 2019). (In Russian).

9. Vorontsov S. A., Goloborodko A. Yu., Ponedelkov A. V., Shteinbukh A. G. On improving of outreach work in the media sphere to counter the ideology of terrorism. *Mediaobrazovanie*, 2019, vol. 59, no. 3, pp. 454–460.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ LEGAL REGULATION

УДК 342.843:342.4

DOI dx.doi.org/10.24866/1813-3274/2019-4/91-107

К. В. Арановский¹, Конституционный Суд Российской Федерации,
г. Санкт-Петербург; Дальневосточный федеральный университет,
г. Владивосток, Россия
E-mail: kap@dvfu.ru

С. Д. Князев², Конституционный Суд Российской Федерации,
г. Санкт-Петербург; Дальневосточный федеральный университет,
г. Владивосток, Россия
E-mail: kap@dvfu.ru

КОНСТИТУЦИОННЫЕ СТАНДАРТЫ ВЫБОРОВ В ДЕМОКРАТИЧЕСКОМ ПРАВОВОМ ГОСУДАРСТВЕ (ИЗ ПРАКТИКИ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ)

Аннотация. В статье на основе решений Конституционного Суда Российской Федерации анализируются конституционная природа выборов и их роль в обеспечении народного представительства. Опираясь на сформулированные этим Судом правовые позиции, авторы исследуют конституционные стандарты выборов в демократическом правовом государстве, не оставляя без внимания наиболее «узкие»

¹ Константин Викторович Арановский, доктор юридических наук, заслуженный юрист Российской Федерации, Судья Конституционного Суда Российской Федерации, г. Санкт-Петербург; профессор кафедры конституционного и административного права Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, Россия.

² Сергей Дмитриевич Князев, доктор юридических наук, заслуженный юрист Российской Федерации, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, Судья Конституционного Суда Российской Федерации, профессор, профессор кафедры административного и финансового права Санкт-Петербургского государственного университета, г. Санкт-Петербург; заведующий кафедрой конституционного и административного права Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, Россия.

Для цитирования: Арановский К. В., Князев С. Д. Конституционные стандарты выборов в демократическом правовом государстве (из практики Конституционного Суда Российской Федерации) // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика и право. 2019. № 4. С. 91–107.

места современной российской избирательной системы. Так, авторы рассматривают проблемы реализации как активного, так и пассивного избирательного права, такие как «муниципальный фильтр» на выборах высшего должностного лица субъектов Российской Федерации, информатизация избирательного процесса, использование избирательного залога, создание избирательных блоков, судебное обжалование результатов выборов по обращениям избирателей.

Ключевые слова: Конституционный Суд Российской Федерации, выборы, избирательная система, народное представительство, избирательные права граждан, публичная власть, избирательный процесс, избирательный залог, обжалование, результаты выборов, избиратель, муниципальный фильтр, избирательный блок.

Konstantin V. Aranovsky¹, Constitutional Court of the Russian Federation,
St. Petersburg; Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia
E-mail: kap@dvfu.ru

Sergey D. Knyazev², Constitutional Court of the Russian Federation,
St. Petersburg; Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia
E-mail: kap@dvfu.ru

CONSTITUTIONAL STANDARDS OF ELECTIONS IN A DEMOCRATIC STATE OF LAW (FROM THE PRACTICE OF THE CONSTITUTIONAL COURT OF THE RUSSIAN FEDERATION)

Abstract. This article is based on the decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation; it analyzes the constitutional nature of elections and their role in ensuring popular representation. Based on the legal positions formulated by this Court, the authors examine the constitutional standards of elections in a democratic state based on the rule of law, without disregarding the most bottlenecks in the modern Russian electoral system. Thus, the authors have reviewed the problems of realizing both active and passive voting rights such as the “municipal filter” in elections of top official of the constituent

¹ Konstantin V. Aranovsky, Doctor of Law, Honored Lawyer of the Russian Federation, Judge of the Constitutional Court of the Russian Federation, St. Petersburg; Professor of the Department of Constitutional and Administrative Law of the Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

² Sergey D. Knyazev, Doctor of Law, Honored Lawyer of the Russian Federation, Honored Worker Science of the Russian Federation, Judge of the Constitutional Court of the Russian Federation, Professor, Professor of the Department of Administrative and Financial Law of St. Petersburg State University St. Petersburg; Head of the Department of Constitutional and Administrative Law of the Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

For citing: Aranovsky K. V., Knyazev S. D. Constitutional standards of elections in a democratic state of law (from the practice of the Constitutional Court of the Russian Federation) // PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law. 2019. No 4. P. 91–107.

entities of the Russian Federation, informatization of the electoral process, the use of electoral deposit, complaints creation of electoral blocs and judicial review of election results based on voters' complaints.

Keywords: Constitutional Court of the Russian Federation, elections, electoral system, popular representation, electoral rights of citizens, public authority, election process, electoral deposit, judicial review, election results, voter, municipal filter, electoral bloc.

Принятие Конституции Российской Федерации 1993 г., совпавшее по известным причинам с избранием Государственной Думы и Совета Федерации первого созыва, серьёзно изменило общее отношение к выборам. Именно под его влиянием протекало становление современной избирательной системы Российской Федерации, которое до настоящего времени продолжается в поиске и апробации процедур и модальностей осуществления избирательных прав граждан. При этом формирование и развитие законодательства о выборах и органах народного представительства охватывает собой все уровни власти – федеральный, региональный и муниципальный; в него вовлечены парламентские, президентские, правительственные структуры, избирательные комиссии. Не остался безучастным к электоральным основам народовластия с эффектами и дефектами избирательного законодательства и Конституционный Суд Российской Федерации, который, следуя Конституции России в оценке различных законоположений, создал ряд концептуальных правовых позиций, касающихся право-политической природы выборов и способов их юридического обеспечения.

В Конституции Российской Федерации – не в пример советским предшественницам – нет отдельной главы об избирательной системе, но конституционные стандарты выборов определённо следуют из многих её положений¹. Это – положения статьи 1 (о демократическом правовом государстве с республиканской формой правления), статьи 2 (о высшей ценности прав и свобод человека и гражданина), статьи 3 (о признании референдума и свободных выборов высшим непосредственным выражением власти народа), статьи 13 (об идеологическом и политическом многообразии и многопартийности), статьи 17 (о значении общепризнанных принципов и норм международного права для гарантирования прав и свобод человека и гражданина), статьи 18 (о непосредственном действии прав и свобод человека и гражданина, определяющих смысл, содержание и применение законов, деятельность публичной – законодательной, исполнительной, судебной и муниципальной –

¹ Отсутствие в российской Конституции отдельных разделов, посвящённых выборам (референдуму), в общем-то не расходится с интернациональной логикой конституционного регулирования. Как следствие, страны, выделяющие в структуре своих учредительных актов соответствующие главы (например, Перу, Узбекистан и др.), встречаются крайне редко.

власти), статьи 19 (о юридическом равноправии российских граждан) и, конечно, статьи 32 (о праве граждан участвовать в управлении делами государства как непосредственно, так и через своих представителей, избирать и быть избранными в органы государственной власти и органы местного самоуправления).

Данные конституционные нормы закрепляют фундаментальные и универсальные постулаты, которые – безотносительно к типовой дифференциации российских выборов – должны непременно господствовать над всеми избирательными формулами, дефинициями, процедурами и правилами – и в том, как они изложены, и в том, как их понимать и следовать им в подготовке и проведении выборов. Они собой не исчерпывают, естественно, всех электоральных конституционных установок, тех, например, что касаются конкретных видов избирательных кампаний. Поэтому полное и всестороннее представление о конституционной парадигме российских выборов невозможно без обращения к конституционным положениям, автономно оговаривающим базовые параметры президентских, парламентских и муниципальных выборов (статьи 81, 84, 96, 97, 102 и 130).

К тому же, принимая во внимание системную взаимосвязь основных прав и свобод, а тем самым и конституционного их регулирования, отметим, что немало важное значение для адекватного (корректного) уяснения конституционных стандартов выборов имеют положения Конституции Российской Федерации, гарантирующие свободу слова и массовой информации (статья 29), свободу деятельности общественных объединений (статья 30), свободу мирных собраний (статья 31), государственную, в том числе судебную, защиту прав и свобод (статьи 45 и 46), а равно определяющие конституционные критерии допустимых ограничений прав и свобод человека и гражданина (статья 55).

Наконец, поскольку федеративное устройство и самостоятельность местного самоуправления относятся к основам конституционного строя России, то конституционная природа выборов не может не испытывать на себе и влияния федерализма, и организационно-правовой обособленности органов местного самоуправления от системы органов государственной власти, включая разграничение предметов ведения (вопросов) и полномочий между федеральными, региональными и муниципальными властями в регулировании и защите прав и свобод граждан, в определении порядка формирования федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления (статьи 11, 12, 71, 72, 73, 76, 77 и 131 Конституции Российской Федерации).

Интегративная и кумулятивно-прикладная интерпретация положений перечисленных и коррелирующих им конституционных статей привела Конституционный Суд России в череде принятых решений к выводам принципиального значения относительно конституционного алгоритма выборов в демократическом правовом

государстве. Это следует, в том числе, из ряда его постановлений (от 30 апреля 1997 г. № 7-П, от 25 апреля 2002 г. № 7-П, от 11 июня 2002 г. № 10-П, от 25 февраля 2004 г. № 4-П, от 16 июля 2007 г. № 11-П, от 19 декабря 2013 г. № 28-П, от 1 июля 2015 г. № 18-П, от 13 апреля 2017 г. № 11-П, от 15 ноября 2018 г. № 42-П и др.), в которых Конституционный Суд Российской Федерации констатировал, что:

значение избирательных прав граждан не может сводиться лишь к их свободному участию в качестве избирателя в голосовании на выборах, так как данные права служат законным средством участия граждан в управлении делами государства через своих представителей, вследствие чего лишь граждане своими актами и результатами избирательного волеизъявления должны определять персональный состав выборного органа публичной власти, легитимируя народное представительство;

граждане, которые не голосовали вообще или голосовали за иных кандидатов, чем те, кто стал депутатом, не лишены представительства в сформированных путём выборов органах, а потому все законно избранные депутаты Государственной Думы, законодательных (представительных) органов субъектов Российской Федерации и представительных органов муниципальных образований являются представителями народа (населения) и, следовательно, всех граждан, которые вправе участвовать в управлении делами государства через законно избранных представителей;

демократические и справедливые выборы диктуют необходимость их проведения с разумной периодичностью в условиях состязательности и открытости, что, в свою очередь, обязывает государство гарантировать избирательные права граждан так, чтобы это не допускало необоснованного их отстранения от участия в выборах органов народного представительства и искажения результатов электорального волеизъявления;

в регламентации электоральных правил федеральная законодательная дискреция позволяет самостоятельно осуществлять выбор того или иного вида избирательной системы по соображениям политической целесообразности с учётом особенностей общественно-политического состояния страны, не допуская, однако, отступления от принципов всеобщего, равного и прямого избирательного права при тайном голосовании, ограничения или отмены иных общепризнанных прав и свобод человека и гражданина;

одним из необходимых условий свободных выборов, без которых немыслимо существо избирательных прав, является их альтернативность, в связи с чем без проведения голосования по нескольким кандидатурам общие выборы теряют своё реальное электоральное содержание, а граждане фактически лишаются возможности полноценно реализовать принадлежащее им право избирать и быть избранными в органы государственной власти и местного самоуправления;

в интересах обеспечения прав граждан на участие в обязательных и справедливых выборах государство вправе установить в виде общего принципа макси-

мальные сроки полномочий выборных органов, что должно предотвращать отступление от реальной периодичности выборов, обеспечивая смену легислатур по решению избирателей в законные сроки;

изменение законом даты очередных выборов может быть объективно оправданным только при условии, что оно осуществляется в конституционно значимых целях, заблаговременно, не влечёт за собой отступления от разумной периодичности проведения очередных выборов и не нарушает непрерывности деятельности избираемых органов публичной власти;

участвуя в формировании независимых и самостоятельных органов власти, призванных обеспечивать в своей деятельности выражение интересов народа, не только избиратели и кандидаты, но и иные субъекты гражданского общества, прежде всего политические партии, вправе рассчитывать на законное проведение выборов на основе свободного осуществления избирательных прав, объективность и достоверность определения их итогов;

законодательное регулирование участия политических партий в выборах должно отвечать конституционным требованиям идеологического и политического плюрализма, многопартийности и равенства политических партий перед законом и судом и одновременно не допускать деформирования истинного смысла народовластия, искажения существа избирательных прав граждан, в том числе беспартийных, и умаления гарантированной им возможности быть исходным субъектом народовластия и осуществлять его совместно с другими гражданами;

свободное волеизъявление избирателей, его неискаженная фиксация в официальных итогах голосования, не совместимая с какими-либо нарушениями избирательного законодательства, возлагают на Российскую Федерацию конституционную обязанность – вне зависимости от уровня выборов и вида избирательной системы – создания законодательных, организационных и иных гарантий, направленных на защиту избирательных прав и обеспечение восприятия сформированных по результатам выборов органов народного представительства в качестве законных носителей публичной власти;

обладая большим общественным значением, выборы затрагивают интересы широкого круга российских граждан, имеющих право участвовать в управлении делами государства через своих законно избранных представителей, вследствие чего предусматриваемые в законодательстве основания, сроки и другие условия судебного контроля за итогами голосования и результатами выборов не должны ставить под сомнение гражданское доверие к избирательному процессу.

Приведённые правовые позиции не предназначены дать исчерпывающую (сплошную) инвентаризацию признаков (свойств) избирательного права, достойного конституционной нации, но в целом раскрывают ключевые (имманентные) характеристики выборов в обеспечении подлинного народовластия. Их непредвзятый

анализ свидетельствует о том, что в основе своей они вполне сообщаются с международными избирательными стандартами, получившими отражение не только в договорных международных актах (в частности, в Международном пакте о гражданских и политических правах, Конвенции о защите прав человека и основных свобод, Конвенции о стандартах демократических выборов, избирательных прав и свобод в государствах-участниках Содружества Независимых Государств и др.), но и в прецедентах наднациональных юрисдикций, включая Европейский Суд по правам человека.

В этом смысле кажутся удивительными те довольно известные в политике и доктрине мнения, что современная российская избирательная система вовсе не ассоциируется с подлинными выборами и мало имеет общего с электоральными процедурами, присущими устоявшимся демократическим традициям [10, с. 129–142; 12, с. 53, 99, 107, 273, 435 и др.; 3, с. С. 53, 110, 269, 274 и др.]. Ещё сомнительнее на этом фоне упреки в том, что она не выдерживает критики даже в сопоставлении с советским избирательным правом, которое, как считает, к примеру, член Центральной избирательной комиссии Российской Федерации Е. И. Колушин, имело гораздо больше демократического потенциала, оставленного без реализации лишь из-за тотального директивного руководства выборами со стороны партийного аппарата [8, с. 189].

Понятно, что в условиях идеологического и политического плюрализма было бы, наверное, наивно ожидать единодушия (в особенности комплементарного) в оценках актуального состояния института российских выборов, тем более что отечественная избирательная практика в самом деле не выглядит безупречной и вполне успешной¹. Всё это, тем не менее, не отменяет реального политико-юридического значения российских выборов, как и того, что в их проведении определённо перестали видеть лишь имитационно-пропагандистское мероприятие [1, с. 19]. Тому свидетельством даже электоральные нарушения, преступления и просто погрешности, которые вряд ли собирали бы вокруг себя столько внимания и страстей, будь выборы декоративной лишь формальностью. И странно, в самом деле, отталкиваясь лишь от имеющихся негативных электоральных проявлений, отказать российской избирательной системе в способности быть императивным каналом народовластия. Её нельзя считать безгрешной, разумеется, ибо во всяком правовом порядке водятся девиации, но и безнадежной эту систему видят лишь в направленной предвзятости, особенно когда оставляют в полном доверии те избирательные си-

¹ Чтобы удостовериться в этом, достаточно вспомнить, с какими осложнениями были сопряжены губернаторские выборы в Приморском крае (2018), думские выборы в Москве (2019) и муниципальные выборы в Санкт-Петербурге (2019).

стемы, где случаются время от времени очень сомнительные электоральные происшествия¹.

При таких обстоятельствах, исследуя конституционную природу выборов, состояние и вариации в перспективах российской избирательной системы, нельзя оставлять на виду лишь позитивные характеристики в её современном составе без внимания к наиболее «узким» местам электоральной демократии, привлекающим повышенное внимание не только политиков и учёных, но и организаторов выборов, кандидатов и избирателей.

В обозначенном контексте изначально нужно остановиться на некоторых нюансах реализации пассивного избирательного права, которое подразумевает, по совпадающему мнению Конституционного Суда Российской Федерации и Европейского Суда по правам человека, гарантии каждому гражданину возможности выдвигать свою кандидатуру на выборах². Действующее избирательное законодательство, как известно, устанавливает, что выдвижение кандидата (списка кандидатов) возможно от политической партии либо в порядке самовыдвижения, которое на губернаторских выборах допускается, если это прямо предусмотрено законом субъекта Российской Федерации³.

В дополнение к этим генеральным условиям решение о выдвижении кандидата требует, по общему правилу, поддержки избирателей, которую выражает, если иное не установлено федеральным законом, необходимое количество подписей из-

¹ Взять, например, такие скандально окрашенные случаи, как подведение итогов на выборах президента США во Флориде (2000) или третий тур президентских выборов на Украине (2004).

² Конституционный Суд России неоднократно отмечал, что предусмотренное статьёй 32 (часть 2) Конституции Российской Федерации право как одно из неотчуждаемых гражданских политических прав является, по своей юридической природе, индивидуальным, что предполагает при проведении любых выборов предоставление гражданам возможности лично участвовать в выдвижении кандидатов (постановления от 24 июня 1997 г. № 9-П, от 9 ноября 2009 г. № 9-П, от 7 июля 2011 г. № 15-П и др.). Схожим образом и Европейский Суд по правам человека твёрдо придерживается подхода, согласно которому статья 3 Протокола № 1 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод имеет не только «институционное» значение, но и имплицитно признаёт в качестве субъективных избирательных прав «право голоса» и «право выдвигать свою кандидатуру на выборах» (постановления от 2 марта 1987 г. по делу «Матье-Мозн (Mathien-Mohin) и Клерфейт (Klerfayt) против Бельгии», от 1 июля 1997 г. по делу «Гитонас (Gitonas) и другие против Греции» и др.).

³ До 2018 г. – пока предпочтением «провластных» кандидатов пользовалось партийное выдвижение – возможность самовыдвижения на выборах глав российских регионов допускалась лишь в Москве. В Определении от 14 января 2007 г. № 7-О Конституционный Суд Российской Федерации не усмотрел конституционной погрешности в запрете самовыдвижения, предусмотренного законом Новгородской области от 30 мая 2012 г. «О выборах Губернатора Новгородской области». Однако указанный судебный акт никак не может служить аргументом в пользу предпочтительности сосредоточения права выдвижения кандидатов на губернаторских выборах в руках политических партий, так как не объявляет его единственно возможным и не исключает выбора законодательной властью иного варианта нормативного регулирования соответствующих отношений.

бирателей¹. Этого, между тем, тоже может быть недостаточно для регистрации кандидата – на губернаторских выборах нужно пройти ещё и так называемый муниципальный фильтр², что требует сбора в поддержку выдвижения кандидата от 5 до 10 процентов подписей выборных должностных лиц (депутатов и глав) муниципальных районов и городских округов субъекта Российской Федерации, когда каждый такой подписант может поддержать лишь одного кандидата.

По таким правилам губернаторские выборы нередко проходят при явно сниженной состязательности между «отфильтрованными» кандидатами и плохо убеждают в том, что они действительно конкурентные (альтернативные), что едва ли способствует политическому плюрализму с многопартийностью, как их гарантирует Конституция Российской Федерации. И дело не только в поддержании равных электоральных возможностей политических партий, а в гораздо более сложном, по сравнению с ними, положении самовыдвиженцев, которым, кроме прохождения «фильтра», нужно ещё и представить для регистрации подписи от 0,5 до 2 процентов избирателей субъекта Российской Федерации.

Из этого ясно, почему в политической и академической среде всё тверже настаивают на решительном пересмотре самой конструкции муниципального фильтра. Позиция эта не лишена, видимо, оснований³, и потому заслуживает внимания предложение, которое оппозиционные парламентские партии заявили при поддержке Центризбиркома России в пользу «снижения» муниципального фильтра до 5 процентов [13]. И, думается, не повредило бы губернаторским выборам, если бы попутно обсудили ещё и отказ от правила «одно выборное должностное лицо местного самоуправления – одна подпись в поддержку кандидата», как и федеральное законодательное признание за самовыдвиженцами статуса субъектов выдвижения кандидатов с одновременным освобождением их от сбора подписей избирателей.

Говоря о пассивном избирательном праве, опрометчиво было бы умолчать о таких ранее хорошо известных, но уже на протяжении многих лет остающихся невостребованными институтах, как избирательные блоки и избирательный залог [5, с. 213, 252, 314]. Напомним, что включение законом в число субъектов, имею-

¹ Согласно Федеральному закону «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» на выборах представительных органов от сбора подписей избирателей освобождаются кандидаты (списки кандидатов), выдвинутые политической партией, получившей электоральную поддержку на предшествующих (последних) выборах того или иного уровня (статья 35.1).

² Зачастую введение такого фильтра «оправдывается» ссылками на французский опыт, где действительно некое его подобие используется на президентских выборах.

³ Здесь нелишне напомнить, что Конституционный Суд Российской Федерации, признавая муниципальный фильтр в качестве обязательного условия регистрации кандидатов на губернаторских выборах не противоречащим Конституции, всё же заметил в Постановлении от 24 декабря 2012 г. № 32-П, что его применение нельзя использовать как искусственное препятствие выдвижению кандидатов, предполагая возможность законодательного послабления в условиях замещения должности главы субъекта Российской Федерации.

щих право выдвижения кандидатов (списков кандидатов), избирательных блоков, позволяло политическим партиям (иным общественным объединениям) консолидировать силы в совместном участии в избирательных кампаниях с продвижением «общих» кандидатов¹, а избирательный залог служил некоторой, причем небезуспешной, альтернативой сбору подписей избирателей в поддержку кандидатов².

Предпринятый федеральным законодателем отказ от избирательных блоков был связан, если судить по объявленным целям, больше всего с тем, что их конструкция не поощряла укоренение политических партий в качестве самостоятельных и ответственных субъектов избирательного процесса и народного представительства, ослабляла фракционную (корпоративную) организацию депутатского корпуса, предсказуемость (последовательность) его поведения, партийно-парламентскую дисциплину. Избирательному же залогоу «инкриминировали», кажется, то, что он так или иначе вносил избыточные денежные мотивы в реализацию конституционного права граждан быть избранным³.

Не вдаваясь по этому поводу в глубокую оценку прежних обоснований и обстоятельств, заметим только, что теперь, когда состоялись серьёзные изменения в правилах создания партий и сбора подписей избирателей, отказ от блоков и залога выглядит не совсем убедительно. Так, несмотря на отказ от избирательного залога, трудно представить себе безденежный сбор подписей избирателей в поддержку выдвижения кандидатов или их списков. Напротив, расходы на эти сборы сегодня нередко в разы превышают размер отменённого избирательного залога, чем, несомненно, увеличивают финансовую «нагрузку» на кандидатов и риски отказа в регистрации. И вряд ли в силу этого по-прежнему уместно последовательно отвергать идею избирательного залога, как и возможность блокирования избирательных объединений, тем более что данные электоральные институты давно легализованы мировой практикой выборов. В противном случае статья 10 Конвенции о стандартах демократических выборов, избирательных прав и свобод в государствах-участниках Содружества Независимых Государств не воспринимала бы выборы в качестве справедливых только при предоставлении права выдвижения кандидатов (списка кандидатов), наряду с политическими партиями, и их коалициям, а статья

¹ Не касаясь напрямую оценки конституционности института избирательных блоков, Конституционный Суд России, пусть косвенно, но всё же «освятил» возможность выдвижения ими кандидатов (списков кандидатов) во многих своих решениях (постановления от 25 апреля 2000 г. № 7-П, от 30 октября 2003 г. № 15-П, от 25 февраля 2004 г. № 4-П и др.).

² В Определении от 10 июля 2003 г. № 264-О Конституционный Суд Российской Федерации не увидел каких-либо «пороков» в избирательном залоге, указав, что его внесение происходит исключительно на добровольной основе по инициативе самого кандидата; только от кандидата зависит, вносить ли избирательный залог, соглашаясь с указанным законом условием его возврата, или зарегистрироваться на основе сбора подписей избирателей.

³ Президент России Д. А. Медведев в ежегодном своём Послании Федеральному Собранию Российской Федерации 2008 г. увязывал отмену избирательного залога с тем, что «участвовать в выборах или нет – должны решать не деньги, а мнение людей, репутация партии и доверие избирателей к её программе».

1.3 утверждённых Европейской комиссией за демократию через право (Венеция, 5–6 июля 2002 г.) Руководящих принципов относительно выборов не допускала применения избирательного залога, даже если его сумма не чрезмерна и он подлежит обязательному возврату при получении внесшим его кандидатом (партией) на выборах определённого процента голосов избирателей.

Много разногласий связано также с вопросом участия граждан в голосованиях, которые состоятся в день, когда избиратель отлучится с места жительства¹. Ещё недавно в России его традиционно решали досрочным голосованием, открепительными удостоверениями или голосованием почтой². Сейчас же Центральная избирательная комиссия Российской Федерации больше склоняется, видимо, к использованию в указанных целях электронного (цифрового) голосования, которое получило то или иное распространение в Австралии, Индии, Канаде, Лихтенштейне, США, Финляндии, Швейцарии, Эстонии и других странах.

Действительно, электоральное будущее, в том числе не столь отдалённое, нельзя представить вне цифровых технологий³. Вместе с тем, пока в государстве и обществе не так много доверия, чтобы обойтись без гарантий тайны голосования и достоверности его результатов, всеобщее электронное голосование (при всём уважении к правам «мобильных» избирателей) не кажется вполне своевременным⁴. Не просто так Федеральный конституционный Суд Германии ещё в 2009 г. как раз по этим соображениям вынес вердикт о неконституционности применения на выборах в Бундестаг ФРГ (2005 г.) электронных машин для голосования, поскольку оно не

¹ Таковую проблему знают чуть ли не все государства, хотя иные из них в этой части не считают необходимой «избыточную» заботу об избирателях. Так, в Венгрии вовсе нет процедур голосования вне места жительства и принято считать, что заинтересованный гражданин спланирует свои перемещения так, чтобы они ему не помешали голосовать.

² Если досрочное голосование и голосование по открепительным удостоверениям могло применяться на всех уровнях выборов, то голосование по почте допускалось, как, впрочем, и сейчас, только на региональных и муниципальных выборах и лишь тогда, когда оно было предусмотрено законом соответствующего субъекта Российской Федерации. «Сдержанное» отношение к «почтовому» голосованию объясняется тем, что его организация крайне трудоёмка и, к тому же, в большей – в сравнении с иными видами голосования – степени подвержена риску электоральных спекуляций. Не случайно Конституционный Суд Австрии ещё в 1985 г. вынужден был обратить внимание на существенные нарушения принципов тайного и личного голосования, вероятность которых многократно возрастает в процессе голосования по почте.

³ По мнению В. Д. Зорькина, развитие и активное проникновение новых цифровых технологий во все сферы жизни общества неизбежно потребуют существенной правовой модернизации и наряду с этим актуализируют проблемы обеспечения конституционной безопасности личности, общества и государства [4].

⁴ Конституционный Суд России из этого исходил в Постановлении от 15 апреля 2014 г. № 11-П, полагая, что дополнительные (субсидиарные) способы осуществления активного избирательного права (голосование по доверенности, по почте и по сети «Интернет») должны надёжно гарантировать соблюдение принципов свободных выборов и адекватное отображение волеизъявления избирателей. Подробнее см.: Князев С. Д., Хохрякова О. С. Досрочное голосование на российских выборах: за и против (Краткий комментарий к Постановлению Конституционного Суда Российской Федерации от 15 апреля 2014 г. № 11-П) [7, с. 24–31].

гарантировало возможности эффективного контроля за избирательной процедурой и итогами выборов¹.

Не стоит забывать и о том, что переход на электронное голосование не будет бесплатным и неминуемо повлечёт за собой значительные бюджетные расходы, а также с неизбежностью потребует изыскания новых форм осуществления общественного наблюдения за таким голосованием с контролем за достоверностью его итогов, внятных и вполне убедительных решений, которых российская избирательная система пока, увы, предложить не в состоянии.

И ещё один момент. Не вызывает сомнения, что легитимность выборов, доверие к официальным их результатам серьёзно можно осложнить, если избиратель не вправе оспорить электоральные результаты в суде. До 2013 г. российское законодательство, как и судебная практика, не признавали за гражданами, если те не были зарегистрированы избирательными комиссиями в качестве кандидатов, возможности обжалования в суде итогов голосования и результатов выборов. Постановлением от 22 апреля 2013 г. № 8-П Конституционный Суд Российской Федерации изменил такое положение – граждане получили право оспаривать итоги голосования на «своём» избирательном участке, благодаря чему судебный за ними контроль перестал быть привилегией условно «активных» субъектов избирательного процесса – кандидатов и партий, которые их выдвигают.

Что касается результатов выборов, то судебное их оспаривание до сих пор избирателям недоступно. Конституционный Суд, между тем, пусть и не нашёл прямых нарушений Конституции Российской Федерации в том, что избиратель не может обжаловать в суде результаты выборов, в то же время заметил, что законодательная дискреция вполне позволяет наделить голосующих граждан этим правом. Поощряет к тому не только, по сути, общеевропейская практика (Венгрия, Германия, Италия, Польша, Португалия, Сербия, Финляндия, Чехия, Швейцария и др.), но и рекомендации, изложенные в упоминавшихся уже Руководящих принципах относительно выборов (Венеция, 5-6 июля 2002 г.)². Имея это в виду, Конституционный Суд ободряющим образом заключил, что поступательному развитию народного представительства такое право граждан не помешало бы, допустив при этом введение коллективной жалобы избирателей в суд на результаты выборов при разумных условиях относительно числа заявителей.

¹ Подробнее об использовании в зарубежных избирательных системах новых технологий голосования см.: Чимаров Н. С. Проблемы реализации правовых избирательных стандартов новых технологий голосования в Российской Федерации и зарубежных странах: конституционно-правовое исследование : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. (Санкт-Петербург, 2017) [14, с. 22–23].

² В соответствии со статьей 3.3 названных принципов все кандидаты и избиратели, зарегистрированные по соответствующему избирательному округу, должны иметь право на обжалование; в отношении поступающих от избирателей заявлений об обжаловании результатов выборов могут устанавливаться разумные требования в отношении минимального числа избирателей.

Отсрочка в признании права на судебное оспаривание результатов выборов избирателями несомненно сказывается на настроениях электората, его уверенности в том, что государству и вправду нужны открытость и прозрачность на выборах. Ведь пока нет права оспорить результаты выборов, объявленные избирательной комиссией, в публичных процедурах беспристрастного суда и разрешить в них сомнения по поводу законности и достоверности выборов, избиратели, в лучшем случае, оставят при себе никому не нужные переживания относительно справедливости и честности выборной власти, а в худшем – будут вовлекать в неприятие итогов других сограждан, чем существенно осложнят восприятие выборов в качестве демократического канала формирования представительной власти¹.

Несложно представить возражения против зачисления избирателей в состав истцов по спорам о результатах выборов, начиная с того, что суды и так их проверят по жалобам деятельных заинтересованных лиц избирательного процесса, конкурирующих между собой, в частности, зарегистрированных кандидатов и партий, выдвинувших зарегистрированных кандидатов. Но вряд ли этого хватит, чтобы обеспечить устойчивое верифицируемое доверие к избирательной системе и легитимность выборного народного представительства. Во-первых, административный иск указанных субъектов зависит лишь от них, а не от избирателей, которые на их процессуальные решения влиять не могут. Во-вторых, российское законодательство не запрещает выборов при одном зарегистрированном кандидате², что и подавно исключает судебный контроль в отношении их результатов даже по сугубо формальным основаниям.

Соответственно, законодательным властям нелишне было бы заново изучить проблему судебного обжалования результатов выборов по обращениям избирателей. Её решение может быть разным, в том числе в зависимости от вида выборов, предмета спора, иных критериев. Главное – она не должна остаться без решения, будет ли оно законодательным или же каким-нибудь иным. Без такого решения граждане, чего бы не хотелось, время от времени получают веские поводы, чтобы думать, будто на выборах происходит нечто решающее, но закрытое для них, будто аксиома «доверяй, но проверяй» не относится к избирателям, и если нельзя «проверить», то и «доверять» вовсе не обязательно.

Российская избирательная система, как теперь она есть, при всех издержках и погрешностях остаётся со значительным демократическим потенциалом под властью принципов, получивших международное признание. Как бы спорно и странно

¹ Трудно не согласиться с В. В. Комаровой в том, что социальная ценность выборов обусловлена их ролью в политическом самоутверждении граждан и политической самоорганизации гражданского общества, обеспечивающими практическое осуществление юридически признанной за гражданами и их политическими объединениями возможности быть субъектами государственной власти [9, с. 177–178].

² Согласно пункту 35 статьи 38 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» голосование по одной кандидатуре допускается при проведении повторного голосования, а также (если это предусмотрено законом субъекта Российской Федерации) на выборах депутатов представительных органов муниципальных образований.

ни выглядел порой персональный состав электоральной реальности от кандидатов до избирателей, как бы ни влияло это на избирательные события и результаты, но кроме выборной законной власти, и это многократно подтверждено историей, остаётся лишь власть незаконная – узурпаторская, криминальная или революционная. Есть, правда, монархическая законная власть, но эту опору держат в Старом и Новом свете лишь стойкие демократии без перерывов на социализм и фашизм среди англосаксов, скандинавов, фламандцев, а тем, кто дотла её разорил, монархия вряд ли пойдёт уже впрок, и разве что обнадёжит какую-нибудь хрупкую реставрацию или какой-нибудь новодел с неясной весьма судьбой¹. Есть и власть законного назначения², но, чтобы законно назначать, предварительно самому нужно быть законно назначенным или избранным.

В итоге России остаётся выбрать лишь между честно избранной властью и властью незаконной, может быть вдохновляющей, но скорее всего сверхавторитарной³. На этот выбор можно смотреть с оптимизмом, но ещё вернее видеть в нём безысходную неизбежность электоральной конституционной демократии с той альтернативой, что иначе придётся принести в жертву не только выборы, но и другие конституционные ценности. Законные выборы, конечно, не исчерпывают собой всего, что нужно человеку, и сами по себе конституционного благополучия и правопорядка не принесут, но можно быть твёрдо уверенными в том, что без них в России реальному конституционализму состояться будет нельзя.

Конституционные обещания электоральных перспектив довольно надёжны, но не отменяют, а, напротив, – вменяют гражданам и властям сбережение избирательного права с отдельными уместными улучшениями, чтобы выборы под надзором суда убеждали стабильностью правил, честностью результатов⁴, и чтобы справедливая их законность освящала легитимное народное представительство.

¹ В. Е. Чуров, будучи председателем Центральной избирательной комиссии Российской Федерации (2007–2016 гг.), неоднократно в высшей степени положительно высказывался о монархии как форме правления, попутно сожалея о том, что в российских условиях её реализовать чрезвычайно трудно и после долгого перерыва попросту невозможно.

² Нам уже доводилось писать о том, что назначение *a priori* не выглядит несостоятельным способом обеспечения публичного представительства даже в сравнении с выборами. В конце концов назначения не сторонится и сама избирательная система России, предусматривая с его помощью формирование избирательных комиссий [6, с. 26].

³ Демократический ресурс выборов важно не утратить, поскольку они позволяют удовлетворительным образом узаконить политическую, административную, вообще публичную, власть, ибо выборную власть обычно признают законной [2, с. 14–19].

⁴ Больше века тому назад известный германский государствовед Г. Мейер поучительно замечал, что избирательное право в конкретном государстве нужно устанавливать не с предвзятых принципиальных точек зрения, а по соображениям политической целесообразности с обязательным соблюдением того требования, что избранные лица (органы) обязаны руководствоваться общим благом и сохранять политическую нейтральность [12, с. 2, 18].

Список литературы

1. Арановский, К. В. Конституция и безопасность / К. В. Арановский, С. Д. Князев // Государство и право. 2018. № 1. С. 17–28.
2. Бондарь, Н. С. Конституционная ценность избирательных прав граждан России / Н. С. Бондарь, А. А. Джагарян. Москва.: «Формула права», 2005. 336 с.
3. Денисов, С. А. Имитация конституционного строя: в 4-кн. Кн. 1 / С. А. Денисов. Екатеринбург: Гуманитарный университет, 2018. 281 с.
4. Зорькин, В. Право в цифровом мире. Размышление на полях Петербургского международного юридического форума / В. Зорькин // Российская газета. 2018. 29 мая (№ 115).
5. Князев, С. Д. Российское избирательное право : учебник / С. Д. Князев. – Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 2001. – 448 с.
6. Князев, С. Д. Политическое представительство и выборы: публично-правовая природа и соотношение / С. Д. Князев, К. В. Арановский // Конституционное и муниципальное право. – 2007. – № 16. – С. 21–34.
7. Князев, С. Д. Досрочное голосование на российских выборах: за и против (Краткий комментарий к Постановлению Конституционного Суда Российской Федерации от 15 апреля 2014 года № 11-П) / С. Д. Князев, О. С. Хохрякова // Журнал конституционного правосудия. – 2014. – № 5. – С. 24–31.
8. Колюшин, Е. И. Конституционное право России : курс лекций / Е. И. Колюшин. – Москва : Норма: ИНФРА – М, 2015. 416 с.
9. Комарова, В. В. Механизм непосредственной демократии современной России (система и процедуры) / В. В. Комарова. – Москва : Формула права, 2006. – 560 с.
10. Краснов, М. А. Российская система власти: треугольник с одним углом / М. А. Краснов, И. Г. Шаблинский. – Москва : Институт права и публичной политики, 2008. – 232 с.
11. Мейер, Г. Избирательное право / Г. Мейер. – Москва : Издание В. М. Саблина, 1906. – Книга II. – 245 с.
12. Право избирать и быть избранным в российских политических реалиях: основные конституционно-правовые проблемы / рук. авт. кол. и отв. ред. С. А. Авакьян. – Москва : Юстицинформ, 2015. – 680 с.
13. Прокшин, Н. Муниципальный фильтр покажут президенту / Н. Прокшин, А. Галанина // Коммерсантъ. – 2019. – 24 октября, № 195.
14. Чимаров, Н. С. Проблемы реализации правовых избирательных стандартов новых технологий голосования в Российской Федерации и зарубежных странах: конституционно-правовое исследование : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Н. С. Чимаров. – Санкт-Петербург, 2017. – 27 с.

References

1. Aranovsky K.V., Knyazev S.D. *Konstitutsiya i bezopasnost'* [Constitution and Security]. *Gosudarstvo i parvo*, 2018, no. 1, pp. 17–28. (In Russian).
2. Bondar N.S., Dzhagaryan A.A. *Konstitutsionnaya tsennost' izbiratel'nykh prav grazhdan Rossii* [The constitutional value of the electoral rights of Russian citizens]. Moscow: Formula prava Publ., 2005. 336 p. (In Russian).
3. Denisov S.A. *Imitatsiya konstitutsionnogo stroya* [Imitation of the constitutional order]. Ekaterinburg: Gumanitarnyi universitet Publ., 2018. 281 p. (In Russian).
4. Zor'kin V. Pravo v tsifrovom mire. Razmyshlenie na polyakh Peterburgskogo mezhdunarodnogo yuridicheskogo foruma [Law in the digital world. Reflection on the sidelines of the St. Petersburg International Legal Forum]. *Rossiiskaya gazeta*, 2018, May, 29 (no. 115). (In Russian).
5. Knyazev S.D. *Rossiiskoe izbiratel'noe pravo* [Russian electoral law. Textbook] Vladivostok: Far Eastern Federal University Publishing House, 2001. 448 p. (In Russian).
6. Knyazev S.D., Aranovsky K.V. Politicheskoe predstavitel'stvo i vybory: publichno-pravovaya priroda i sootnoshenie [Political representation and elections: public law nature and correlation]. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo*, 2007, no. 16, pp. 21–34. (In Russian).
7. Knyazev S.D., Hohryakova O.S. Dosrochnoe golosovanie na rossiiskikh vyborakh: za i protiv (Kratkii kommentarii k Postanovleniyu Konstitutsionnogo Suda Rossiiskoi Federatsii ot 15 aprelya 2014 goda № 11-P) [Early voting in the Russian elections: for and against (Brief comment on the Decree of the Constitutional Court of the Russian Federation of April 15, 2014 No. 11-P)]. *Zhurnal konstitutsionnogo pravosudiya*, 2014, no. 5, pp. 24–31. (In Russian).
8. Kolyushin E.I. *Konstitutsionnoe pravo Rossii : kurs leksii* [Constitutional law of Russia: a course of lectures]. Moscow: Norma: INFRA–M Publ., 2015. 416 p. (In Russian).
9. Komarova V.V. *Mekhanizm neposredstvennoi demokratii sovremennoi Rossii (sistema i protsedury)* [The mechanism of direct democracy of modern Russia (system and procedures)]. Moscow: Formula prava Publ., 2006. 560 p. (In Russian).
10. Krasnov M.A., Shablinsky I.G. *Rossiiskaya sistema vlasti: treugol'nik s odnim uglom* [Russian power system: a triangle with one angle]. Moscow: Institute of Law and Public Policy, 2008. 232 p. (In Russian).
11. Meyer G. *Izбирatel'noe pravo* [Electoral law]. Moscow: Izdanie V.M. Sablina, 1906. Book II. 245 p. (In Russian).
12. Avakyan S.A., ed. *Pravo izbirat' i byt' izbrannym v rossiiskikh politicheskikh realiyakh: osnovnye konstitutsionno-pravovye problemy* [The right to elect and be elected in Russian political realities: basic constitutional and legal problems]. Moscow: Yustitsinform Publ., 2015. 680 p. (In Russian).

13. Prokshin N., Galanina A. Munitsipal'nyi fil'tr pokazhut prezidentu [Municipal filter will be shown to the president]. *Kommersant*", 2019, October, 24 (no. 195). (In Russian).

14. Chimarov N.S. *Problemy realizatsii pravovykh izbiratel'nykh standartov novykh tekhnologii golosovaniya v Rossiiskoi Federatsii i zarubezhnykh stranakh: konstitutsionno-pravovoe issledovanie* [Problems of the implementation of legal electoral standards of new voting technologies in the Russian Federation and foreign countries: constitutional and legal research]. Cand. Diss. (Legal Sci.). Synopsis. St. Petersburg, 2017. 27 p. (In Russian).

УДК 341.9:347.736(470+73)

DOI dx.doi.org/10.24866/1813-3274/2019-4/108-115

Н. Г. Присекина¹

Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия

E-mail: prisekina.ng@dvfu.ru

Е. Е. Замулина²

Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, Россия

E-mail: zamulina.ekaterina.g@gmail.com

ПРИНЦИП ВЗАИМНОСТИ И ОГОВОРКА О ПУБЛИЧНОМ ПОРЯДКЕ В ИНСТИТУТЕ ТРАНСГРАНИЧНОГО БАНКРОТСТВА ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РОССИИ И США

Аннотация. Вопрос о разрешении проблем, касающихся проведения процедуры трансграничного банкротства, является одним из самых актуальных на сегодняшний день в международном правоприменении. С одной стороны, затрагивается сугубо специальная область юриспруденции, вызывающая немалые вопросы даже в отечественном порядке, банкротство. С другой стороны, вызывают вопросы ключевые аспекты и понятия международного частного права, в частности принцип взаимности и оговорка о публичном порядке. В предлагаемой статье авторами произведен сравнительно-правовой анализ законодательства и правоприменения Соединенных Штатов Америки (США) и Российской Федерации (РФ), в результате которого выявлены отдельные проблемы трансграничного банкротства, а также смоделированы возможные пути их решения.

Ключевые слова: банкротство, трансграничное банкротство, международное частное право, оговорка о публичном порядке, принцип взаимности, арбитражный управляющий, признание и приведение в исполнение судебных решений иностранных государств.

¹ Присекина Наталья Геннадьевна, LL.M., кандидат юридических наук, профессор кафедры международного публичного и частного права Юридической школы Дальневосточного федерального университета, партнёр и руководитель Дальневосточного отделения юридической компании «Пепеляев Групп», Владивосток, Россия.

² Замулина Екатерина Евгеньевна, студентка Юридической школы Дальневосточного федерального университета, Владивосток, Россия.

Для цитирования: Присекина Н. Г., Замулина Е. Е. Принцип взаимности и оговорка о публичном порядке в институте трансграничного банкротства по законодательству России и США // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика и право. 2019. № 4. С. 108–115.

Natalia G. Prisekina¹

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia

E-mail: prisekina.ng@dvfu.ru

Ekaterina E. Zamulina²

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia

E-mail: zamulina.ekaterina.g@gmail.com

THE PRINCIPLE OF RECIPROCITY AND A CLAUSE ON PUBLIC POLICY AT THE INSTITUTE OF CROSS-BORDER BANKRUPTCY UNDER THE LAWS OF RUSSIA AND THE USA

Abstract. The discussion of resolving issues to transnational bankruptcy proceedings is one of the most actual subjects in the international enforcement today. On the one hand, it is a breach upon a special sphere of jurisprudence causing a considerable question in domestic law – bankruptcy. On the flip side, key aspects and definitions of the international private law, particularly the principle of reciprocity and public policy clause, raise questions. In the present article the authors produce a comparative legal analysis of legislation and law enforcement practice of the United States of America (USA) and the Russian Federation (RF), the results of which identify certain issues of cross-border bankruptcies and model possible ways of their resolution.

Keywords: bankruptcy, transnational bankruptcy, international private law, public policy clause, the principle of reciprocity, arbitration (commercial) manager, recognition and enforcement of foreign judicial decisions.

Процедура несостоятельности (банкротства), в рамках её экономического потенциала, является многоступенчатым механизмом по реанимации юридических лиц, находящихся в убыточной производственной деятельности, а также их ликвидации, в случае невозможности погасить имеющиеся задолженности. Преимущества банкротства для современного экономического рынка очевидны и не подвергаются существенной критике. В совокупности с этим, с XX века наблюдается уси-

¹ Natalia G. Prisekina, LL.M., Ph.D. in Law, Professor of International Public and Private Law, School of Law, Far Eastern Federal University, Partner and Head of the Far Eastern Office of a law firm “Pepeliaev Group”, Vladivostok, Russia.

² Ekaterina E. Zamulina, student, School of Law, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

For citing: Prisekina N. G., Zamulina E. E. The principle of reciprocity and a clause on public policy at the institute of cross-border bankruptcy under the laws of Russia and the USA // PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law. 2019. No 4. P. 108–115.

ленный рост глобализационных процессов, влияющих на все сферы жизнедеятельности общества, особенно на экономику.

Указанные факторы стали толчком для зарождения такого института международного частного права, как трансграничная несостоятельность (банкротство). Под банкротством в рамках российского законодательства, а именно, абз. 2 ст. 2 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», далее – ФЗ РФ «О несостоятельности (банкротстве)», понимается признанная российским арбитражным судом неспособность должника в полном объёме удовлетворить требования кредиторов. Всё это сохраняется и в дефиниции трансграничного банкротства, но усложняется несколькими элементами. В связи с этим, можно определить, что трансграничное банкротство – это признанная государственным судом любого государства неспособность должника удовлетворить требования отечественных либо иностранных кредиторов из своего имущества, которое может находиться как на территории своего государства, так и иностранного.

Несмотря на очевидные перспективы, правоприменение сталкивается с рядом существенных проблем, и главной из них является вопрос о приведении в исполнение актов иностранных судов по делам о банкротстве, особенно эта проблема прослеживается в российской судебной практике. В этой связи в настоящей статье подлежат детальному анализу положения ч. 6 ст. 1 ФЗ РФ «О несостоятельности (банкротстве)». Первый аспект заключается в том, что указанная статья регламентирует признание решений иностранных судов по делам о банкротстве на территории Российской Федерации в соответствии с международными договорами, а при их отсутствии – на началах взаимности. В соответствии с правовым смыслом ч. 1 ст. 167 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (далее – АПК РФ) решением арбитражного суда разрешается дело по существу. Следовательно, только решения могут быть признаны и приведены в исполнение судом. Указанная концепция жизнеспособна и может быть эффективна везде, кроме дел о банкротстве. Банкротство – сложная процедура, большинство важных вопросов, касающихся сохранения конкурсной массы, разрешаются по российскому законодательству определениями суда – промежуточными актами – и не подходят под признаки, которыми обладают судебные решения. Из всего вышеперечисленного можно сделать вывод, что указанная норма по существу является «мёртвой», потому как она невозможна и нецелесообразна для реализации, а также изначально противоречит смыслу российского законодательства и имеющимся правовым нормам. К примеру, первая стадия банкротства – процедура наблюдения – вводится определением суда. В случае, если определение суда невозможно признать по российскому законодательству, тогда возникает риск утраты имущества, подлежащего поступлению в конкурсную массу, механизмы защиты имущества в таком случае работать не будут. Законодательство должно содержать процедуры, реализуемые в рамках хотя бы отечественного право-

порядка, а если оно невозможно для исполнения внутри системы в целом, то и речи о транснациональном правоприменении не может быть.

Рассмотрим указанную проблему на примере США. В соответствии с главой 15 Свода Законов США, при рассмотрении вопроса о признании иностранного разбирательства и удовлетворении исковых требований необходимо, чтобы результат, полученный в рамках иностранной процедуры банкротства, был идентичен результату, который был бы получен в США [1]. Прецеденты показывают ситуацию, при которой иностранные судебные решения признаются, даже если они не идентичны процедуре банкротства США, а лишь ей не противоречат. «Although the foreign distribution scheme need not be identical to Title 11, it must be comparable» [2] (хотя иностранная схема распространения не должна быть идентичной разделу 11, она должна быть с ним сопоставимой). Ч. в ст. 1515 Свода Законов США регламентирует, что заявление о признании должно содержать заверенную копию решения о возбуждении иностранного разбирательства, свидетельство от иностранного суда, подтверждающее наличие такого разбирательства, либо любое другое подтверждение существования разбирательства и назначения иностранного представителя (эквивалент арбитражного управляющего по российскому законодательству). Следовательно, очевидно, что понятие решения «decision» по американскому законодательству носит собирательный характер и включает в себя все судебные акты по делу. Это означает, что признание в США всех судебных актов по делу о банкротстве возможно и происходит повсеместно.

П. 6 ч. 1 ФЗ РФ «О несостоятельности (банкротстве)» является первой процессуальной правовой нормой, закрепляющей возможность признания дел о банкротстве на основе принципа взаимности. Российские суды понимают верность и правильность применения указанного принципа, который является проявлением общепризнанного принципа равенства и сотрудничества государств, выступающего нормой *jus cogens*¹ и подлежащего в силу ч. 4 ст. 15 Конституции Российской Федерации непосредственному применению, но они не обладают инструментарием по его применению [3].

Делом, косвенно касающимся банкротства, но фактически показывающим ситуацию с признанием и приведением в исполнение решений иностранных судов в Российской Федерации на основе принципа взаимности, является дело № А40-738/06 и завершившее его Определение Высшего Арбитражного суда (ВАС) от 19.05.2008 №5105/08 [4]. Заявитель утверждал, что суды первой и второй инстанции, отказывая в признании и приведении в исполнение судебного решения, нарушили его права и свободы, подтверждённые международными актами, и нарушили, самое главное, принцип взаимности. Суд отказал в пересмотре дела в порядке надзора, ссылаясь на тот факт, что ч. 1 ст. 241 АПК РФ в качестве основания для признания и приведения в исполне-

¹ *Jus cogens* – императивная норма международного права.

ние решения иностранного суда названо существование международного договора и федерального закона. Их отсутствие делает невозможным признание и приведение в исполнение решения иностранного суда. В свою очередь, суд указал, что доказательств принципа взаимности заявителем не предоставлено. В этой ситуации имеет смысл рассмотреть концепцию позитивизма, ведь именно она предполагает расширительное, точнее, системное толкование норм права. В данном случае судьи не систематизируют и не руководствуются нормами *jus cogens*, Конституцией Российской Федерации, Законом о банкротстве как специальной нормой, и именно это показывает, что в Российской Федерации действует фактическая взаимность – она не используется, пока не установлены конкретные факты по исполнению этой обязанности другим государством по данной категории споров. На наш взгляд, подобный механизм несёт отрицательный эффект на международное правоприменение в целом, так как признание и исполнение ставится в прямую зависимость от действия другого государства, которого может и не быть по тем же основаниям.

Что касается законодательства США, то здесь также нет однозначной позиции. В соответствии с ч. b ст. 1507 Свода законов США суд США рассматривает вопрос о содействии в соответствии с принципами взаимности: справедливое отношение ко всем держателям прав в отношении имущества должника, заинтересованным лицам, защиту требований кредиторов США, предотвращение преференциальных или мошеннических сделок по отчуждению имущества и т.д. Следовательно, очевидно, что в США действует принцип презюмируемой взаимности: она предоставляется, пока не будут доказаны факты, делающие такое представление невозможным.

Кроме того, представляется необходимым рассмотреть ситуацию, существовавшую в США до принятия Свода Законов. В основном ситуация разрешалась на основе прецедента *Victrix S.S. Co, S.A. v. Salen Dry Cargo A.B* (1987). В указанном деле, а именно в ч. 714, указывалось, что в соответствии с общими принципами взаимности федеральные суды будут признавать иностранные процедуры банкротства, только если иностранное законодательство приведено в соответствие с принципами справедливого правосудия и объективного рассмотрения требований местных кредиторов. В данном случае американское правоприменение строилось больше на принципе фактической взаимности, чем на презюмируемой [5]. Кроме того, необходимо отметить, что вероятно судья смешивает два разных понятия, не давая им регламентации, – это принцип взаимности и оговорка о публичном порядке.

Оговорка о публичном порядке предполагает, что норма иностранного права, подлежащая применению, в исключительных случаях не применяется, когда последствия её применения явно бы противоречили основам правопорядка государства. По смыслу позиции ВАС РФ, ссылка на противоречие публичному порядку должна являться экстраординарным основанием для отказа в признании и приведении в исполнение иностранных судебных решений, к которому суды должны при-

бегать лишь в исключительных случаях при наличии веских оснований [3]. Документом, обобщающим судебную практику по данному вопросу, является Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 26.02.2013 № 156.

Ввиду отсутствия информации по судебным делам о банкротстве, осложнённым оговоркой о публичном порядке, приведём пример из общей практики. Таким примером судебного решения по вышеуказанному Информационному письму может служить ситуация, когда суд сослался на оговорку о публичном порядке из-за того, что решением иностранного суда была просужена договорная неустойка, сильно превышающая сумму основного долга. Российский суд указал на то, что неустойка согласно гражданскому законодательству должна носить компенсаторный характер, а не карательный, и, следовательно, решение суда противоречит основам правопорядка Российской Федерации. Рассмотренные дела имеют схожие конструкции, которые могут быть применены при ведении судами дел о банкротстве.

Глава 15 Свода Законов США также прямо предполагает возможность отказа в признании и приведении в исполнение решений иностранных судов, в случае если это прямо противоречит публичному порядку США. Кроме того, в деле *Lou*, ч. 432 говорится, что при регулировании дел о трансграничной несостоятельности Конгресс должен соблюсти баланс интересов, включая интересы иностранных кредиторов и интересы внутренних кредиторов. Следовательно, в США предусмотрен механизм, защищающий права и интересы отечественных кредиторов. Здесь речь идёт не об императивных мерах государства по защите, а о создании определенных условий, только в случае выполнения которых возможно признание иностранного судебного решения по делу о банкротстве. К таким мерам можно отнести обеспечение уведомления местных кредиторов о возбужденном деле, дополнительный срок для предъявления их требований. Таким образом возникает вопрос, будет ли государственный суд, в котором ведётся дело о банкротстве, предоставлять преференции местным кредиторам в обход своих? Ведь российским законодательством установлен срок для включения в реестр требований кредиторов – 2 месяца с момента публикации сообщения о банкротстве в СМИ. Следовательно, если дело возбуждено в российском суде и арбитражный управляющий обращается в американский суд за содействием, к примеру, при поступлении информации о нахождении имущества на территории США, то ему может быть отказано из-за нарушения прав местных кредиторов, так как у них истёк срок для включения в реестр в государственном суде дела о банкротстве. Имеется точка зрения, что это не является нарушением, кредиторы должны наблюдать за финансовым состоянием своего должника, предвидеть его возможное банкротство и, в случае чего, ходатайствовать о восстановлении срока для включения в реестр. Нам же видится рациональным возложить обязанности по опубликованию сообщений о банкротстве в иностранном государстве на арбитражного управляющего иностранным судом и включить в

ФЗ РФ «О несостоятельности (банкротстве)» исключения для срока включения иностранных кредиторов в реестр кредиторов – с момента публикации в СМИ их государства. Однако в этом случае встаёт проблема о повышенной ответственности арбитражного управляющего, что является темой для отдельного исследования.

В завершение сравнительно-правового анализа норм о банкротстве в двух противоположных правовых системах можно сделать вывод о том, что российское законодательство имеет некоторые существенные пробелы, решение которых можно заимствовать, к примеру, из законодательства США. Принцип взаимности, как основа для признания и приведения в исполнение иностранных судебных решений, должен быть включён в АПК РФ, а в п.6 ч. 1 ФЗ РФ «О несостоятельности (банкротстве)» должна произойти замена словосочетания «судебные решения» на «судебные акты». В отношении же оговорки о публичном порядке – возможно также предусмотреть механизм защиты местных кредиторов для процедур, проводимых за рубежом, а также внести изменения в сроки для включения в реестр кредиторов – для возможности реализации взаимодействия государств в сфере трансграничного банкротства юридических лиц.

Список литературы

1. Брукс, С. Трансграничная несостоятельность 2016: обновленное руководство по вопросам трансграничного банкротства / С. Брукс, И. Д. Бёрнберг, Р. Д. Лэнц ; пер. А.Э. Лиджановой // Право и бизнес. Приложение к журналу «Предпринимательское право». – 2016. – № 4. – С. 2–30.
2. Дело Schimmelpenninck – 183 F.3d п. 365. – URL: <https://casetext.com> (дата обращения: 13.03.2020). – Режим доступа: по подписке.
3. Кулинич, Е. А. Трансграничное исполнение судебных решений в России: в плену устоявшихся стереотипов или поступательное движение вперед? // Закон. – 2015. – № 5. – С. 147.
4. Определение Высшего Арбитражного суда от 19.05.2008 №5105/08 по делу № А40-73830/06-25-349. – URL: <https://www.lawmix.ru/vas/91131> (дата обращения: 13.03.2020).
5. Дело Victrix S. S. Co, S. A. v. Salen Dry Cargo A. B. Ч. 714. – URL: <https://casetext.com> (дата обращения: 13.03.2020). – Режим доступа: по подписке.
6. Солдатова, А. Е. Проблемы признания в России судебных актов, вынесенных по делам о трансграничной несостоятельности // Арбитражный и гражданский процесс. – 2016. – № 1. – С. 19–22.
7. Гражданский кодекс Российской Федерации (Часть третья). от 26.11.2001 № 146-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 49. – Ст. 4552.
8. О несостоятельности (банкротстве) : Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 43. – Ст. 4190.

9. United States Bankruptcy Code. Ed. 2019. – URL: <https://www.usbankruptcycode.org> (дата обращения: 13.03.2020).

10. Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 26.02.2013 № 156. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_144311/ (дата обращения: 13.03.2020).

References

1. Brooks S., Burnberg E.J., Lentz R.D. Transgranichnaya nesostoyatel'nost' 2016: obnovennoe rukovodstvo po voprosam transgranichnogo bankrotstva [Cross-Border Insolvency 2016: An Updated Guide to Cross-Border Bankruptcy]. *Pravo i biznes. Prilozhenie k zhurnalu «Predprinimatel'skoe pravo»*, 2016, no. 4, pp. 2–30. (In Russian).

2. *Case Schimmelpenninck – 183 F.3d n. 365*. Available at: <https://casetext.com> (accessed 13 March 2020).

3. Kulinich E.A. Transgranichnoe ispolnenie sudebnykh reshenii v Rossii: v plenu ustoyavshikhsya stereotipov ili postupatel'noe dvizhenie vpered? [Cross-border enforcement of court decisions in Russia: captive of established stereotypes or progressive movement forward?]. *Zakon*, 2015, no. 5, pp. 147.

4. *The act of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation dated 05.19.2008 No. 5105/08 in the case No. A40-73830/06-25-349*. Available at: <https://www.lawmix.ru/vas/91131> (accessed 13 March 2020). (In Russian).

5. *Case Victrix S.S. Co, S.A. v. Salen Dry Cargo A.B. Part 714*. Available at: <https://casetext.com> (accessed 13 March 2020).

6. Soldatova A. Problemy priznaniya v Rossii sudebnykh aktov, vnesennykh po delam o transgranichnoi nesostoyatel'nosti [Problems of recognition in Russia of judicial acts issued in cross-border insolvency cases]. *Arbitrazhnyi i grazhdanskii protsess*, 2016, no. 1, pp. 19–22.

7. *Civil Code of Russian Federation (part 3) dated 26.11.2001 No. 146-FZ*. Collection of Legislation of the Russian Federation, 2001, no. 49, art. 4552. (In Russian).

8. Federal Law of Russian Federation «On Insolvency (Bankruptcy)» dated 10.26.2002 No. 127-FZ. *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 2002, no. 43, art. 4190. (In Russian).

9. *United States Bankruptcy Code*. Available at: www.usbankruptcycode.org (accessed 13 March 2020).

10. *Information letter of the Presidium of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation dated February 26, 2013 No. 156*. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_144311/ (accessed 13 March 2020). (In Russian).

УДК 341.9

DOI dx.doi.org/10.24866/1813-3274/2019-4/116-123

С. С. Чекулаев¹

Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, Россия

E-mail: chekulaev_ss@dvfu.ru

КОЛЛИЗИОННЫЕ ВОПРОСЫ РАЗРЕШЕНИЯ КОРПОРАТИВНЫХ КОНФЛИКТОВ, ОСЛОЖНЁННЫХ ИНОСТРАННЫМ ЭЛЕМЕНТОМ

Аннотация. При разрешении корпоративных конфликтов, осложненных иностранным элементом, отдельной проблемой может стать определение права, подлежащего применению к правам, обязанностям и ответственности сторон. Анализ российского и зарубежного законодательства позволил сделать вывод о том, что неопределённость в этом вопросе обусловлена несколькими факторами: неоднозначностью законодательных подходов к способу определения *lex societatis*; риском существования конкуренции коллизионных привязок в отдельных аспектах корпоративных отношений, прежде всего, договорных и деликтных; возможностью использования различных правовых средств, обеспечивающих возможность вмешательства государства во внутренние дела корпорации, включая императивные предписания относительно различных аспектов деятельности корпорации, оговорку о публичном порядке, отнесение отдельных вопросов деятельности корпорации к другой правовой сфере для исключения возможности выбора права.

Ключевые слова: корпоративный конфликт, конкуренция коллизионных норм, конфликт квалификаций, *lex societatis*, *lex delicti*, оговорка о публичном порядке, интерлокальные коллизии, псевдоиностранные корпорации, доктрина "внутренних дел" корпорации.

¹ Сергей Сергеевич Чекулаев, ассистент кафедры гражданского права и процесса Юридической школы, Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, Россия.

Для цитирования: Чекулаев С. С. Коллизионные вопросы разрешения корпоративных конфликтов, осложнённых иностранным элементом // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика и право. 2019. № 4. С. 116–123.

Sergey S. Chekulaev¹

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia

E-mail: chekulaev_ss@dvfu.ru

COLLISIONAL ISSUES OF RESOLVING CORPORATE CONFLICTS COMPLICATED BY A FOREIGN ELEMENT

Abstract. When resolving corporate conflicts complicated by a foreign element, a separate problem may be caused by the definition of the law to be applied to the rights, duties and responsibilities of the parties. The analysis of the Russian and foreign legislation allowed to draw a conclusion that uncertainty in this question is caused by several factors: ambiguity of legislative approaches to a way of definition of *lex societatis*; risk of existence of competition of conflict bindings in separate aspects of the corporate relations, first of all, contractual and tort; the possibility of using various legal means that provide for the possibility of state intervention in the internal Affairs of the Corporation, including mandatory regulations on various aspects of the Corporation's activities, a reservation on public policy, the assignment of certain issues of the Corporation's activities to another legal sphere to exclude the possibility of choice of law.

Keywords: corporate conflict, competition of conflict of laws, conflict of qualifications, *lex societatis*, *lex delicti*, public policy clause, interlocal collisions, pseudo-foreign corporations, doctrine of the "internal" corporation.

Разрешение корпоративных конфликтов, осложнённых иностранным элементом, требует определения права, подлежащего применению к ним. В связи с этим нельзя не отметить, что в этом вопросе доминирует доктрина «внутренних дел», базирующаяся на представлении о подчинении корпоративных отношений личному закону юридического лица (*lex societatis*), что отчётливо демонстрирует действующее законодательство, в том числе российское. В частности, из положений ст. 1202 ГК РФ следует, что им определяются вопросы создания, реорганизации и ликвидации юридического лица, в том числе вопросы правопреемства, внутренние отношения, включая отношения юридического лица с его участниками, вопросы ответственности его учредителей (участников) по обязательствам. Однако нельзя не учитывать существование проблемы конфликта квалификаций, являющейся следстви-

¹ Sergey S. Chekulaev, assistant of the Department of Civil Law and Process Law, Law School, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

For citing: Chekulaev Sergey S. Collisional issues of resolving corporate conflicts complicated by a foreign element // PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law. 2019. No 4. P. 116–123.

ем отсутствия унифицированного подхода к пониманию сущности корпоративных отношений, приводящего к тому, что в различных правовых порядках одни и те вопросы могут относиться к смежным правовым институтам (институту несостоятельности, деликтному праву, договорному праву и т.п.). При этом нельзя исключать как искусственного сужения, так и расширения сферы корпоративных отношений в стремлении избежать возможности выбора иностранного права.

В частности, государства могут принять решение о дополнении правил иностранного *lex societatis*, когда речь идёт об интересах третьих лиц или более широких общественных интересах, и ситуация, соответственно, может рассматриваться как выходящая за рамки чисто внутренних дел компании. Это может быть случай, когда: законные представители корпорации действуют за пределами предоставленных полномочий, что приводит к правовым последствиям, которые могут быть концептуально охарактеризованы как корпоративное или договорное право; директора компаний, зарегистрированных в другом государстве, ведут себя так, чтобы это соответствовало определённым правилам ответственности, предусмотренным законодательством о компаниях принимающего государства; или принимающее государство считает, что представительство групп заинтересованных сторон в совете директоров или совете директоров в соответствии с заранее определёнными критериями является необходимым для достижения определенных социальных целей.

Изначально доктрина «внутренних дел» рассматривалась в контексте разрешения вопроса о юрисдикции, а не выбора права, поскольку считалось, что суды не обладают юрисдикцией в отношении действий, связанных с внутренними делами иностранных корпораций. После того, как это препятствие было устранено, встал вопрос о том, следует ли суду сохранить юрисдикцию в отношении споров, вытекающих из внутренних дел корпорации, или отказаться от судопроизводства со ссылкой на доктрину *forum non conveniens*, предусматривающую право суда по требованию ответчика отказаться от рассмотрения подсудного ему дела при наличии более «удобного» суда за пределами страны. Позднее акценты сместились в сторону материального права, вследствие чего законодательством было установлено, что «внутренние дела» в корпорации (например, конфликты между акционерами и органами управления) будут регулироваться корпоративными уставами и правом государства, где корпорация была создана, то есть подчинены *lex incorporalis* [1, с. 162], который нередко воспринимается юристами как логически неизбежный вследствие удобства и предсказуемости применения, поскольку установить государство, которому корпорация обязана своим правовым существованием, легче, чем другие юрисдикции, с которыми она и её составляющие могут иметь связи, особенно в условиях глобализации.

Однако её применение не бесспорно, поскольку теория инкорпорации не является универсальной для решения вопроса о личном законе юридического лица.

В странах континентальной Европы она заменяется теорией оседлости, в ряде других стран (Алжир, Индия, Сирия) – теорией эффективного местопребывания (основного места деятельности), что может привести к появлению корпораций, фактически утративших свою национальность, имеющих двойную национальность либо приобретающих одностороннюю (неполную) национальность, особенно если последствия транснациональной миграции компаний законодателем не урегулированы. В этом смысле заслуживает внимания бельгийский Кодекс международного частного права 2004 г. [см.: 5], согласно которому, в случае перенесения основного коммерческого предприятия на территорию другого государства, статус юридического лица определяется правом последнего с момента такого перенесения (ст. 112). Одновременно оговаривается, что этот процесс происходит без прерывания, только на условиях, допускаемых правом этих государств.

Ситуация с выбором права усугубляется в случае создания групп компаний, учитывая, что большинство государств, в отличие от немецкого *Konzernrecht*, не формируют отдельного свода правил для них. Достаточно распространенным является мнение о том, что компании, входящие в группу, в принципе должны рассматриваться в международном частном праве как отдельные юридические лица, которые, соответственно, регулируются их собственным *lex societatis*, хотя из этого правила могут устанавливаться исключения, в частности, для защиты миноритарных акционеров и кредиторов контролируемого предприятия (т. е. обычно дочернего предприятия).

Дополнительной проблемой может стать существование интерлокальных коллизий, обусловленных передачей нормотворческих полномочий в регулировании соответствующих правоотношений на уровень субъектов федерации или сильных автономий в государствах унитарного типа. Показательно в этом смысле законодательство США, где каждый штат вправе принимать своё корпоративное законодательство. В результате, в одних (например, в штате Дэлавер [см.: 6]) сформировались «корпоративные убежища», в которых провозглашается принцип нераспространения юрисдикции штата на внутренние дела иностранной компании, определяемые ее личным законом, в других (в частности, в штатах Нью-Йорк и Калифорния) созданы предпосылки для активного вмешательства в них без изменения базового принципа *lex societatis*. Так, Нью-Йоркский Закон о коммерческой корпорации [см.: 7] закрепляет право акционеров, являющихся резидентами штата, осуществлять проверку деятельности иностранной компании, действующей на его территории, посредством направления письменного запроса о предоставлении ею отчёта о своих акционерах с указанием имён и адресов всех акционеров, количества и типа акций, принадлежащих каждому из них, а также даты, когда они соответственно стали их владельцами (§ 1315), а также устанавливает ответственность директоров за пренебрежение или иное нарушение их обязанностей по управлению делами

корпорации и санкционирование незаконных дивидендов, выкупов акций и займов на тех же основаниях, что и для директоров и должностных лиц национальной корпорации (§ 1317). Подобная практика не распространяется лишь на те корпорации, которые соответствуют критериям, установленным в § 1320, в частности, являются эмитентами акций, котирующихся на национальной бирже ценных бумаг.

Дифференциация в решении вопроса о праве, применимом к корпоративным отношениям, прослеживается и в европейском законодательстве. В частности, в уже упоминавшемся бельгийском Кодексе международного частного права в качестве общего правила закрепляется *lex solutionis*, трактуемый как право государства, на территории которого находится его основное предприятие с момента его создания (ст. 110). Однако, при осуществлении публичной эмиссии ценных бумаг, права, вытекающие из них, могут регулироваться по выбору держателя ценных бумаг, либо правом, применимым к юридическому лицу, либо правом государства, на территории которого состоялась публичная эмиссия [см.: 5], что можно рассматривать как меру по защите прав инвесторов. Аналогичный подход реализуется и в швейцарском законодательстве, где публичность размещения акций связывается со способом доведения соответствующей информации (с помощью листовок, циркуляров или иных подобных публикаций – ст. ст. 155–156 Швейцарского федерального закона о международном частном праве 1987 г. [см. 8]).

В большинстве юрисдикций вопрос о распространении национального права на отдельные аспекты деятельности иностранной корпорации ставится в зависимости от степени интеграции в национальную экономику. Так, согласно ст. 2115 Кодекса калифорнийских корпораций [см.: 9], к числу иностранных компаний, на которые распространяется действие его положений, относятся те, где половина голосующих акций принадлежит резидентам, а также те, что ведут в Калифорнии 50% своего бизнеса (исходя из показателей стоимости активов, объёмов продаж и коэффициента заработной платы). В частности, калифорнийское законодательство устанавливает для такой иностранной корпорации требования относительно ежегодного переизбрания всех директоров, порядка голосования, обязанностей директоров перед корпорацией. Кроме того, они подпадают под действие норм, ограничивающих корпоративную компенсацию должностным лицам и директорам (так называемых «золотых парашютов»), регулирующих реорганизацию и продажу активов и закрепляющих права акционеров, не согласных с указанными корпоративными сделками.

В странах ЕС характер связи с государством, дающий право в той или иной степени вмешиваться во внутренние дела корпорации, определяется по-разному. В одних случаях речь идёт о размещении определенных активов или, по меньшей мере, получении дохода от источника в принимающем государстве, в других – создании филиала или ведении основной деятельности. Так, весьма распространённой

является практика подчинения национальному законодательству филиалов иностранных компаний (ст. 160 Швейцарского федерального закона о международном частном праве), которая может охватывать требования к резидентству руководящих лиц.

Отдельной проблемой являются псевдоиностранные корпорации, осуществляющие всю или значительную часть своей деятельности в стране, отличной от государства регистрации. В Евросоюзе она в значительной мере утратила свою остроту ввиду формирования единого экономического пространства, хотя выход из ситуации каждое государство ищет по-своему. В одних странах приоритет отдаётся теории оседлости с оглядкой на возможность инкорпорации в иное государство. Так, в Бельгии и Люксембурге закрепляется опровержимая презумпция того, что центральная администрация компании находится там, где учреждена. В Австрии дополнительно оговаривается, что правило относительно применения права, определяемого местом нахождения основных органов управления компании, не распространяется на компании, зарегистрированные в ЕС. В других государствах-членах ЕС, придерживаясь теории инкорпорации, предусматривают альтернативную опору на место пребывания, если регистрация не является предварительным условием создания корпорации или оно не может быть определено по другим причинам (Болгария, Венгрия и Нидерланды), если место принятия решений или центр деловых операций компании находятся на территории, охватываемой юрисдикцией суда, рассматривающего дело, то будет применяться корпоративное законодательство страны суда (Эстония, Италия и Испания), либо просто предоставляют отдельным субъектам (как правило, третьим лицам) право в конкретных случаях опираться на закон места фактического местонахождения (Хорватия, Франция и Португалия) [2, с. 134–136].

Рассматривая коллизионные аспекты разрешения корпоративных конфликтов, нельзя не учитывать, что в некоторых из них *lex societatis* неизбежно будет конкурировать с другими коллизионными привязками, использование которых будет вытекать из специфики спорного правоотношения.

Показателен в этом смысле выбор права, применимого к различным корпоративным договорам. Как следует из положений ст. 1224 ГК РФ, приоритет отдаётся автономии воли сторон, пределом реализации которой является действие императивных норм права страны места учреждения юридического лица. Последнее одновременно признается правом, подлежащим применению к договору о создании юридического лица и к договору, связанному с осуществлением прав участника юридического лица, при отсутствии соответствующего соглашения сторон. Подобная практика характерна и для зарубежного законодательства.

Однако в науке она подвергается критике ввиду неопределённости пределов применения двух коллизионных статутов [3, с. 31–42]. Некоторые учёные видят в потенциальной возможности применения права иностранного государства к корпо-

ративному договору риск внедрения иностранного права в российское, учитывая, что только последнее может определять правовое положение корпораций в России, и настаивают на недопустимости подобной практики даже вопреки нормам ст. 1210 ГК РФ [4, с. 23–31], не устанавливающей подобных ограничений.

Не менее значимым для разрешения корпоративных конфликтов является вопрос о конкуренции *lex societatis* и *lex delicti*, хотя в странах, ориентирующихся на теорию оседлости, это не составляет проблемы ввиду совпадения места принятия решений, квалифицируемых как нарушения корпоративного законодательства, и центра управления ею, если только *lex delicti* не трактуется как право страны, где произошел факт, ставший основанием для возникновения требования, либо право страны места возникновения вреда.

В ЕС ориентиром для разграничения *lex societatis* и *lex delicti* является Регламент N 864/2007 Европейского парламента и Совета Европейского Союза «О праве, подлежащем применению к внедоговорным обязательствам («Рим II»)), исключивший из сферы его действия внедоговорные обязательства, вытекающие из правового регулирования таких вопросов, как учреждение путём регистрации или иным путём, правоспособность, внутреннее функционирование и роспуск обществ, ассоциаций и юридических лиц, индивидуальная ответственность участников и органов по долгам общества, ассоциации или юридического лица, индивидуальная ответственность перед обществом или перед его органами аудиторов, на которых возложена официальная проверка бухгалтерских документов (ст. 1). Однако решение рассматриваемого вопроса становится менее очевидным, когда вопросы ответственности связаны с необходимостью «прокалывания корпоративной вуали». Ещё больше ситуация осложняется, если нормы деликтного права сформулированы настолько широко, что позволяют применять их в различных ситуациях, тесно связанных с процессами внутри корпораций, в частности, для установления ответственности директоров за неверное раскрытие корпоративной информации.

Следует отметить, что вопросы ответственности директоров в большинстве правопорядков охватываются одновременно нормами корпоративного, конкурсного и деликтного права. Корпоративный характер таких отношений признают большинство стран ЕС (Болгария, Эстония, Хорватия, Германия, Греция, Италия, Польша, Португалия, Румыния и Великобритания), хотя в некоторых государствах квалификация их в качестве деликтных признается более уместной (Испания, Нидерланды, Чешская Республика).

Таким образом, при разрешении корпоративных конфликтов, осложнённых иностранным элементом, отдельной проблемой может стать определение права, подлежащего применению к правам, обязанностям и ответственности сторон. Неопределённость в этом вопросе обусловлена:

- 1) неоднозначностью законодательных подходов к способу определения *lex societatis*;
- 2) риском существования конкуренции коллизионных привязок в отдельных аспектах корпоративных отношений, прежде всего, договорных и деликтных;
- 3) возможностью использования различных правовых средств, обеспечивающих возможность вмешательства государства во внутренние дела корпорации, включая императивные предписания относительно различных аспектов деятельности корпорации, оговорку о публичном порядке, отнесение отдельных вопросов деятельности корпорации к другой правовой сфере для исключения возможности выбора права.

Список литературы

1. De Mott Deborah A. Perspectives on choice of law for corporate internal affairs // *Law and Contemporary Problems*. 1985. Vol. 48: № 3. P. 162. (P. 16–192).
2. Study on the Law Applicable to Companies: Final Report. – Luxembourg : Publications Office of the European Union, 2016. – 364 p.
3. Асосков, А. В. Коллизионное регулирование договоров об осуществлении корпоративных прав (корпоративных договоров) // *Закон*. – 2014. – № 8. – С. 31–42.
4. Лаптев, В. А. Корпоративный договор в системе источников регулирования корпоративных отношений // *Предпринимательское право*. – 2016. – № 1. – С. 23–31.
5. Loi portant le Code de droit international privé de 16 juillet 2004. – URL: https://www.ejustice.just.fgov.be/cgi/article_body.pl?language=fr&caller=summary&pub_date=2004-07-27&numac=2004009511#top (дата обращения: 13.03.2020).
6. General Corporation Law: Legislative Council, General Assembly State of Delaware. – URL: <https://delcode.delaware.gov/title8/title8.pdf> (дата обращения: 13.03.2020).
7. New York Consolidated Laws, Business Corporation Law - BSC § 1315. Record of shareholders. – URL: <https://codes.findlaw.com/ny/business-corporation-law/bsc-sect-1315.html> (дата обращения: 13.03.2020).
8. Loi fédérale sur le droit international privé du 18 décembre 1987 (Etat le 1er janvier 2019). – URL: <https://www.admin.ch/opc/fr/classified-compilation/19870312/> (дата обращения: 13.03.2020).
9. 2005 California Corporations Code Sections 2100-2117.1 Chapter 21. Foreign corporations. – URL: <https://law.justia.com/codes/california/2005/corp/2100-2117.1.html> (дата обращения: 13.03.2020).

References

1. De Mott Deborah A. Perspectives on choice of law for corporate internal affairs. *Law and Contemporary Problems*, 1985, vol. 48, no. 3, pp. 161–192.
2. *Study on the Law Applicable to Companies: Final Report*. Luxembourg: Publications Office of the European Union, 2016. 364 p.
3. Asoskov A.V. Kollizionnoe regulirovanie dogovorov ob osushchestvlenii korporativnykh prav (korporativnykh dogovorov) [Collective regulation of agreements on the exercise of corporate rights (corporate agreements)]. *Zakon*. 2014, no. 8, pp. 31–42.
4. Laptev V.A. Korporativnyi dogovor v sisteme istochnikov regulirovaniia korporativnykh otnoshenii [Corporate agreement in the system of sources regulating corporate relations]. *Predprinimatel'skoe pravo*. 2016, no. 1, pp. 23–31.
5. *Loi portant le Code de droit international privé de 16 juillet 2004*. Available at: https://www.ejustice.just.fgov.be/cgi/article_body.pl?language=fr&caller=summary&pub_date=2004-07-27&numac=2004009511#top (accessed 13 March 2020).
6. *General Corporation Law: Legislative Council, General Assembly State of Delaware*. Available at: <https://delcode.delaware.gov/title8/title8.pdf> (accessed 13 March 2020).
7. *New York Consolidated Laws, Business Corporation Law - BSC § 1315. Record of shareholders*. Available at: <https://codes.findlaw.com/ny/business-corporation-law/bsc-sect-1315.html> (accessed 13 March 2020).
8. *Loi fédérale sur le droit international privé du 18 décembre 1987 (Etat le 1er janvier 2019)*. Available at: <https://www.admin.ch/opc/fr/classified-compilation/19870312/> (accessed 13 March 2020).
9. *2005 California Corporations Code Sections 2100-2117.1 Chapter 21. Foreign corporations*. Available at: <https://law.justia.com/codes/california/2005/corp/2100-2117.1.html> (accessed 13 March 2020).

УДК 343.546

DOI dx.doi.org/10.24866/1813-3274/2019-4/124-135

А. В. Макаров¹, Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия
E-mail: Jus-chita@yandex.ru

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ПОЛОВОЙ СВОБОДЫ И ПОЛОВОЙ НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ

Аннотация. Работа посвящена анализу ряда проблем, связанных с законодательной регламентацией преступлений против половой свободы и половой неприкосновенности в российском и зарубежном уголовном законодательстве. Статья содержит анализ различных подходов к определению объектов сексуальных посягательств на несовершеннолетних, выявляя сущностные черты таких объектов, как половая свобода и половая неприкосновенность. Автор приходит к выводу, что половая свобода несовершеннолетнего, не достигшего возраста согласия на вступление в половую связь, возникает у лица с момента рождения и подлежит уголовно-правовой охране, однако реализовать данное право лицо не может до достижения установленного законом возраста согласия. Автор критически относится к высказанной в специальной литературе позиции относительно утраты лицом половой неприкосновенности при достижении им совершеннолетия или возраста полового согласия, полагая, что половая неприкосновенность представляет собой гарантированный законом запрет вступать в половой контакт с другим лицом при его несогласии на осуществление сексуального контакта или вопреки его воле. Статья содержит комплексный компаративный анализ норм российского и зарубежного законодательства относительно решения наиболее сложной проблемы при конструировании составов преступлений, предусматривающих уголовную ответственность за сексуальные посягательства на несовершеннолетних, – проблемы возрастного рубежа, с которого несовершеннолетний вправе самостоятельно распоряжаться своей половой свободой. Автор делает вывод о том, что размер уголовных санкций,

¹ Андрей Владимирович Макаров, доктор юридических наук, профессор, декан юридического факультета Забайкальского государственного университета, Чита, Россия.

Для цитирования: Макаров А. В. Уголовная ответственность за преступления против половой свободы и половой неприкосновенности несовершеннолетних в России и за рубежом // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика и право. 2019. № 4. С. 124–135.

предусмотренных за незаконное половое сношение с несовершеннолетним, в современных уголовно-правовых системах варьируется в чрезвычайно широком диапазоне, что свидетельствует о различной оценке степени общественной опасности данного деяния национальными законодателями. Кроме того, на взгляд автора, российскому законодателю следует учесть зарубежный опыт о введении в уголовный закон такого квалифицирующего признака, как совершение деяний, направленных на половую свободу, близкими родственниками.

Ключевые слова: права несовершеннолетних, физическое и психическое развитие малолетних лиц, уголовная ответственность, половая свобода, половая неприкосновенность, объект уголовно-правовой охраны, возраст согласия, конкуренция уголовно-правовых норм, российское уголовное законодательство, зарубежный опыт, компаративный анализ.

Andrey V. Makarov¹

Zabaykalskiy State University, Chita, Russia

E-mail: Jus-chita@yandex.ru

CRIMINAL LIABILITY FOR CRIMES AGAINST SEXUAL FREEDOM AND SEXUAL INVIOABILITY OF MINORS IN RUSSIA AND ABROAD

Abstract. The work is devoted to the analysis of a number of problems related with legislative regulation of liability for crimes against sexual freedom and sexual immunity in Russian and foreign criminal legislation. The article contains the analysis of different approaches to defining the objects of sexual abuse of minors, revealing the essence of such objects as sexual freedom and sexual immunity. The author concludes that the sexual freedom of a minor who has not reached the age of consent to sexual intercourse arises in a person from birth and is subject to criminal protection, but a person cannot exercise this right until the age of consent established by law has been reached. The author criticizes the position expressed in the special literature regarding the loss of sexual inviolability by a person when he reaches the age of majority or age of sexual consent. The author believes that sexual inviolability is a legally guaranteed prohibition to have sexual intercourse with another person in case of his disagreement with sexual intercourse or against his will. The article contains a comprehensive comparative analysis of the norms of Russian and foreign legislation concerning the solution of the most difficult problem in

¹ Andrey V. Makarov, Doctor of Law, Professor, Dean of Law Department, Zabaykalskiy State University, Chita, Russia.

For citing: Makarov A. V. Criminal liability for crimes against sexual freedom and sexual inviolability of minors in Russia and abroad // PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law. 2019. No 4. P. 124–135.

the construction of the elements of crimes that provide for criminal liability for sexual abuse of minors – the problem of the age limit from which a minor is entitled to exercise his or her sexual freedom independently. The author concludes that the level of criminal sanctions for illegal sexual intercourse with a minor varies enormously in modern criminal law systems, which demonstrates the different assessment of the degree of public danger of this act by national legislators. In addition, in the author's view, the Russian legislator should take into account foreign experience in introducing into the criminal law such a qualifying feature as committing acts aimed at sexual freedom by close relatives.

Keywords: juvenile rights, physical and mental development of minors, criminal liability, sexual freedom, sexual inviolability, the object of criminal law protection, age of consent, competition of criminal law norms, Russian criminal law, foreign experience, comparative analysis.

Одной из характерных особенностей конструирования рассматриваемых норм в законодательстве зарубежных стран является повышенная ответственность за преступления сексуальной направленности, совершённые в отношении несовершеннолетних родственником, законным представителем или иным лицом, от которого несовершеннолетний находился в зависимом положении. Указанный аспект в настоящее время является особо актуальным в связи с растущими показателями совершения аналогичных преступлений, в том числе и в России, а также необходимостью противодействия социальной проблеме – добровольному инцесту.

Половые преступления относятся к категории многообъектных. С точки зрения социальной стратегии основным объектом сексуальных посягательств на несовершеннолетних надлежит считать интересы их нормального (физиологического, психического, нравственного, полового) развития, а дополнительными или факультативными – половую неприкосновенность и половую свободу. Главу 18 Уголовного кодекса Российской Федерации составляют деяния против половой свободы и половой неприкосновенности личности, что применительно к несовершеннолетним потерпевшим сужается до одного объекта охраны – половой неприкосновенности.

Вместе с тем УК РФ содержит главу 25 «Преступления против здоровья населения и общественной нравственности», в которой ст. ст. 240, 241, 242¹ и 242² УК РФ имеют в качестве непосредственного объекта охраны общественную нравственность в сфере половой неприкосновенности несовершеннолетних [20]. Таким образом, нормы, расположенные в главах 18 и 25 УК РФ, имея разные виды объектов уголовно-правовой охраны, фактически направлены на защиту половой неприкосновенности несовершеннолетних лиц. Половая свобода определяется как свобода сексуального самоопределения человека, право самостоятельно, без принуждения выбирать половых партнёров.

Данный термин принято применять к лицам, достигшим совершеннолетнего возраста [22, с. 301].

Половая неприкосновенность является составляющей частью половой свободы личности, уголовным законом охраняется половая неприкосновенность малолетних, несовершеннолетних лиц.

Важность такой охраны обусловлена особенностями формирования и становления личности, физического, психоэмоционального развития лиц, не достигших совершеннолетия. Половая неприкосновенность как объект охраны норм о сексуальных преступлениях также неоднозначно трактуется в уголовно-правовой доктрине. Так, под ней понимается моральный и правовой запрет вступать в сексуальные отношения с лицом, не обладающим половой свободой, поскольку указанное лицо не способно понимать значение и последствия совершаемых в отношении него действий сексуального характера и, соответственно, руководить своими действиями в сфере удовлетворения своих половых потребностей.

Согласно данной позиции половой неприкосновенностью обладают только несовершеннолетние. В научной литературе также существует точка зрения о том, что половая неприкосновенность – абсолютный запрет на совершение каких-либо действий сексуального характера в отношении личности [9, с. 8]. Есть и мнение о том, что половая неприкосновенность – это право личности на защищённость от сексуальных посягательств со стороны других лиц [13, с. 54].

Половая свобода и половая неприкосновенность как объекты уголовно-правовой охраны трактуются неоднозначно ввиду того, что законодатель не дал легального определения данных понятий.

Исходя из приведённых мнений, стоит отметить, что большинство авторов считают половую свободу объектом уголовно-правовой охраны в случаях совершения сексуальных преступлений в отношении лиц, достигших совершеннолетия, то есть взрослые мужчина и женщина обладают только половой свободой и не имеют половой неприкосновенности. Соответственно, половая неприкосновенность является объектом уголовно-правовой охраны только в случаях совершения сексуальных посягательств в отношении несовершеннолетних, которые до достижения половой зрелости половой свободой не обладают, то есть не могут самостоятельно решать вопросы вступления в половое общение с другими лицами, выбора способов удовлетворения сексуальных потребностей с данными лицами. Не обладают половой свободой, согласно данным воззрениям, и лица, находящиеся в беспомощном состоянии, например, вследствие какого-либо заболевания, из-за которого лицо не способно понимать характер и последствия совершаемых с ним действий.

Указанные мнения достаточно спорны. Половая свобода – это естественное неотчуждаемое право человека, принадлежащее ему с момента рождения [9, с. 8].

Половая свобода является одной из составляющих конституционного права человека на свободу. Половая неприкосновенность, соответственно, также является неотъемлемым естественным правом человека, присущим ему с рождения, а также частью конституционно охраняемой личной неприкосновенности. С этих позиций половой неприкосновенностью и половой свободой обладают как взрослые половозрелые лица, так и несовершеннолетние лица.

Представляется неясным, почему все несовершеннолетние не обладают половой свободой, потому как законодателем в статье 134 УК РФ возраст полового согласия установлен в шестнадцать лет, и по достижении данного возраста половые контакты с данным лицом перестают быть общественно опасными, а несовершеннолетними, согласно гражданскому законодательству, считаются лица, не достигшие восемнадцатилетнего возраста. В случае совершения сексуального преступления в отношении лица, не достигшего совершеннолетия, страдает как половая свобода, так и половая неприкосновенность. Половая свобода несовершеннолетнего, не достигшего возраста согласия на вступление в половую связь, как право самостоятельного определения полового партнёра и способов удовлетворения потребности, как право решать вопрос вступления в половой контакт или отказа от него подобна правоспособности и дееспособности: лицо обладает половой свободой с момента рождения, но реализовать данное право не может до достижения указанного возраста ввиду неспособности осознавать характер и последствия сексуальных действий и причинения вреда физическому и психическому развитию вследствие таковых.

Реализация данного права возможна лишь в случае принятия им решения об отказе вступления в сексуальный контакт.

Также неясна позиция относительно утраты лицом половой неприкосновенности при достижении им совершеннолетия или возраста полового согласия и приобретения с данного момента половой свободы [11, с. 74].

При совершении полового преступления в отношении взрослого половозрелого лица страдает, помимо половой свободы, половая неприкосновенность как «гарантия, обеспечивающая половую свободу», то есть гарантированный законом запрет вступать в половой контакт с другим лицом при его несогласии на осуществление сексуального контакта или вопреки его воле [15, с. 306].

Что касается лиц, находящихся в беспомощном состоянии, также указывалось на то, что объектом охраны в данном случае является только половая неприкосновенность, потому как самостоятельно осуществлять своё право на половую свободу они не могут в силу невозможности осознавать фактический характер действий, совершаемых с ними, и их последствия. Данная позиция представляется односторонней, поскольку беспомощность может быть физической и психической. Если в силу психической беспомощности потерпевшие не в состоянии осознавать характер и

последствия действий сексуального характера, следовательно, руководить своими действиями в половой сфере, то в состоянии физической беспомощности (например, в силу физического недуга, лишаящего потерпевшего возможности оказать сопротивление) они прекрасно осознают характер действий и их последствия, могут выразить согласие или отказ на их осуществление. Данные лица имеют все основания решать вопросы своей сексуальной жизни. Поэтому вопрос о том, что является объектом в случае осуществления сексуальных посягательств в отношении беспомощных лиц, зависит от вида беспомощного состояния потерпевшего.

Особое внимание следует уделить тому, что в случаях совершения преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности в отношении лиц, не достигших шестнадцатилетнего возраста, страдает физическое и психическое здоровье несовершеннолетнего. Половые преступления наносят вред здоровью, нормальному физическому и психическому развитию малолетних и несовершеннолетних. Психика данных лиц в подростковый период достаточно неустойчива, а такие эмоциональные потрясения для неё могут стать отправной точкой в развитии психических отклонений. Помимо отрицательного влияния на нравственное формирование, преждевременного нездорового интереса к половым отношениям, нравственной деформации личности, следствием совершения исследуемых преступлений нередко становится самоубийство в результате депрессивного состояния и угнетённой эмоциональной сферы подростка.

Не менее опасным образом сексуальное насилие и иные половые посягательства сказываются на физическом развитии несовершеннолетнего потерпевшего. В подростковый период половая система несовершеннолетнего находится в стадии развития, и раннее вмешательство в половую сферу оказывает неблагоприятное влияние на дальнейшее развитие, способствуя появлению различных болезней и патологий. С этих позиций критерий достижения половой зрелости, то есть полной готовности индивида к половым отношениям, как в физическом, так и в психическом аспектах, более объективно позволяет определить наличие вреда здоровью, нежели возрастной критерий.

Необходимо отметить, что половая свобода и половая неприкосновенность являются объектами охраны при совершении изнасилования, насильственных действий сексуального характера и понуждении к действиям сексуального характера, а при совершении данных деяний в отношении несовершеннолетних, не достигших возраста согласия на вступление в сексуальную связь, объектом выступает их нормальное физическое и психическое развитие. При половом сношении и иных действиях сексуального характера с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста, объектом является половая неприкосновенность как запрет на вступление в половое общение с лицом, не достигшим половой зрелости, и нормальное физическое и психическое развитие несовершеннолетних, как и при развратных действиях.

При совершении деяний, имеющих признаки составов, предусмотренных статьями 134 и 135 УК РФ, в отношении лиц, не достигших двенадцатилетнего возраста (согласно примечанию к статье 131 УК РФ они квалифицируются по статьям 131 и 132 УК РФ), объектом уголовно-правовой охраны выступает половая неприкосновенность, а также нормальное физическое и психическое развитие малолетних лиц.

Таким образом, ненасильственные деяния, объектом которых выступает нормальное физическое и психическое здоровье несовершеннолетнего, половая неприкосновенность, приравниваются к насильственным преступлениям. Такая позиция, может быть, и обеспечивает правовую охрану несовершеннолетних, но не совсем отвечает требованиям квалификации и юридической техники.

Наиболее сложной проблемой при конструировании состава рассматриваемого преступления является определение законодателем возрастного рубежа, с которого несовершеннолетний вправе самостоятельно распоряжаться своей половой свободой. Этот рубеж получил название «возраст согласия».

На протяжении всей истории цивилизаций в каждом из обществ (либо даже на уровне этнических и социальных групп) происходила постоянная эволюция взглядов на пределы допустимого в области сексуальной жизни.

Так, например, стремясь вести борьбу с выдачей замуж девочек в раннем возрасте, УК Индии 1860 г. первоначально предусматривал, что половое сношение с женой, не достигшей 10-летнего возраста, является изнасилованием. В 1925 г. этот возраст был повышен до 13 лет, а в 1949 г. – до 15 лет [12, с. 13].

С одной стороны, акселерация и общая либерализация половой морали привели к резкому падению возрастных границ начала половой жизни, с другой – в развитых странах развернулась широкомасштабная кампания по борьбе с педофилией, которая уже привела к ужесточению законодательства в некоторых государствах.

В мусульманских и многих других развивающихся странах также наметилось противоречие в рассматриваемой сфере. Древние традиции, освященные нормами религии, поощряют очень раннее вступление в брак и начало половой жизни. В шариате брачный возраст установлен в 12 лет для мужчин и 9 лет для женщин. В то же время, государство в этих странах стремится обеспечить правовую защиту несовершеннолетних в соответствии с современными социальными воззрениями и требованиями международного права. Так, в Иордании, Йемене, Тунисе, Марокко законодатель определил минимальный брачный возраст для женщин в 15 лет, в других арабских странах он ещё выше.

В настоящее время минимальный возраст согласия на вступление в гетеросексуальные половые отношения, если один из участников сексуальных отношений является совершеннолетним, составляет: 12 лет – Зимбабве, Испания, Колумбия, Куба, Мексика, Нидерланды, Новая Зеландия, Панама, Филиппины, Чили; 13 лет – Буркина-Фасо, Гайана, Нигерия, Республика Корея, Таиланд; 14 лет – Австрия,

Болгария, Венгрия, Германия, Иран, Исландия, Италия, Канада, КНР, Молдова, Парагвай, Перу, Португалия, Сан-Марино, Сербия, Словения, Того, Хорватия, Черногория, Эстония; 15 лет – Гвинея, Дания, КНДР, Коста-Рика, Кот-д’Ивуар, Ливан, Марокко, Польша, Румыния, Сирия, Словакия, Танзания, Франция, Чехия, Швеция, Эфиопия; 16 лет – страны СНГ (кроме Молдовы, Украины), Алжир, Андорра, Бельгия, Великобритания, Венесуэла, Вьетнам, Израиль, Индия, Камбоджа, Кения, Латвия, Литва, Люксембург, Македония, Мали, Непал, Норвегия, Сальвадор, Сингапур, Тайвань, Уругвай, Финляндия, Швейцария, ЮАР, Япония; 17 лет – Австралия (некоторые штаты), Индонезия, Ирландия, Кипр; 18 лет – Гаити, Гватемала, Доминиканская Республика, Египет, Ирак, Мальта, ОАЭ, Руанда, Свазиленд, Турция, Уганда, Эритрея; 20 лет – Тунис; 21 год – Мадагаскар [7, с. 216].

В США возраст согласия различается в зависимости от штата: 16 лет – Алабама, Аляска, Гавайи, Джорджия, Канзас, федеральный округ Колумбия и др.; 17 лет – Иллинойс, Луизиана, Небраска, Техас; 18 лет – Аризона, Калифорния, Орегон.

В Российской Федерации возраст согласия определен содержанием ст. 134 УК РФ. Указанная норма подлежит применению за половое сношение с лицом, не достигшим 16-ти лет [19].

Характерно, что почти нигде в мире при конструировании состава рассматриваемого деяния не используется категория «достижение половой зрелости», как это имело место в советском (РСФСР) уголовном праве и в уголовном праве РФ до 1997 г. (ст. 119 УК РСФСР «Половое сношение с лицом, не достигшим половой зрелости») [22, с. 55].

Во многих странах мира допустимость (легальность) половых отношений с несовершеннолетними определяется не только возрастными (психофизиологическими), но и социальными критериями. В этом случае законодатель устанавливает нижние и верхние границы возраста, в котором несовершеннолетний может легально вступать в половые отношения при наличии некоторых дополнительных условий. Говоря точнее, законодатель указывает обстоятельства, при которых половая связь с несовершеннолетним, достигшим возраста условной допустимости согласия, будет считаться уголовно наказуемой.

Наиболее часто к таким обстоятельствам законодатель относит следующие: внебрачный характер половой связи; вступление в половую связь с использованием обмана; злоупотребление неопытностью или доверием несовершеннолетнего; виновный является родственником по восходящей линии или имеет какую-либо власть над потерпевшим в силу своего положения; покупка сексуальных услуг несовершеннолетнего.

Современный законодатель уделяет всё большее внимание правовой охране несовершеннолетних от сексуальных злоупотреблений со стороны тех лиц, которые

в силу родственных связей, отношений опеки или служебного положения должны их воспитывать и проявлять иную заботу. Считается, что такие лица не вправе вступать в половую связь со своими подопечными. Подобная связь образует самостоятельный состав преступления по уголовному законодательству Андорры (в отношении несовершеннолетних в возрасте 16–18 лет), Аргентины (12–16 лет), Великобритании (13–18 лет), Гватемалы (12–18 лет), Германии (14–18 лет), Гондураса (12–18 лет), Дании (15–18 лет), Исландии (14–18 лет), Италии (14–16 лет), Коста-Рики (12–18), Кубы (12–16 лет), Румынии (15–18 лет), Сальвадора (14–18 лет), Финляндии (16–18 лет), Франции (15–18 лет), Чехии (15–18 лет), Швеции (15–18 лет) [22, с. 56–57].

Размер уголовных санкций, предусмотренных за незаконное половое сношение с несовершеннолетним, в современных уголовно-правовых системах варьируется в чрезвычайно широком диапазоне, что свидетельствует о различной оценке степени общественной опасности данного деяния национальными законодателями. Максимальные сроки лишения свободы за основной состав рассмотренного преступления, то есть половое сношение с лицом, не достигшим возраста согласия, без квалифицирующих признаков, составляют: 1,5 года – Венесуэла; 2 года – Армения, Франция; 3 года – Азербайджан, Грузия, Кыргызстан, Монголия, Парагвай, Узбекистан, Украина, Эстония; 4 года – Беларусь, Россия, Финляндия, Швеция; 5 лет – Болгария, Венгрия, Вьетнам, Казахстан, Люксембург, Молдова, Таджикистан, Швейцария; 6 лет – Андорра, Дания, Коста-Рика; 7 лет – Ямайка; 8 лет – Австралия (Новый Южный Уэльс); 9 лет – Индонезия; 10 лет – Австрия, Бельгия, Ирак, Маврикий, Польша, Португалия, Румыния; 12 лет – Исландия; 14 лет – Великобритания, Кения, Новая Зеландия; 15 лет – Албания, Ливан; 25 лет – Перу. Вплоть до пожизненного заключения данное деяние наказуемо в Замбии, Ирландии и на Кипре [10, с. 24].

В некоторых странах уголовный закон предусматривает возможность назначения наказаний, альтернативных лишению свободы. Так, по УК Азербайджана, Казахстана, РФ и Украины указанное деяние может наказываться ограничением свободы на срок до трёх лет, по УК Армении, Узбекистана – исправительными работами до двух лет. УК Германии допускает «в менее тяжких случаях» назначение даже денежного штрафа вместо лишения свободы [8, с. 34–35].

В последние годы в нормы о противодействии преступлениям против половой неприкосновенности несовершеннолетних неоднократно вносились изменения, что, помимо желания законодателя максимально привести в соответствие нормы материального права с объективной реальностью, свидетельствует и о несовершенстве самих норм. Кроме того, в ст. 73 «Условное осуждение» Общей части российского УК Федеральным законом № 14-ФЗ от 29.02.2012 внесено примечание, что к преступлениям против половой неприкосновенности несовершеннолетних, не достиг-

ших четырнадцатилетнего возраста, относятся преступления, предусмотренные ст. 131–135, 240, 241, 242¹ и 242² УК РФ. Тем самым и законодатель объединяет рассматриваемые деяния, содержащиеся в главах 18 и 25 УК РФ, что представляется справедливым [14, с. 36–39].

Законодательства зарубежных стран по-разному подошли к формированию круга деяний, составляющих преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних. Содержание норм против половой неприкосновенности несовершеннолетних в различных странах существенно различается, в связи с чем отметим лишь некоторые их аспекты. В большинстве рассмотренных уголовных законодательств зарубежных стран преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности объединены в рамках одной главы (или иной структурной единицы) с преступлениями, сопряжёнными с оборотом порнографической продукции и вовлечением в занятие проституцией.

Так, в уголовном законодательстве Австрии в десятом разделе «Преступные деяния против нравственности» объединены воедино такие деяния, как «Изнасилование» (201), «Сексуальное принуждение» (202), «Развратные действия в отношении малолетних» (207) и «Порнографические изображения с несовершеннолетними» (207 а) [18, с. 204]. Помимо указанных норм в данном разделе имеется ст. 203 «Совершение преступных деяний в браке или при совместном проживании», что является мерой повышенной защиты от актов домашнего насилия [17, с. 98]. В уголовном законодательстве Испании преступления против половой свободы (разд. 8) включают преступления, непосредственно направленные на половую свободу личности, и незаконные действия по вовлечению в занятие проституцией и связанные с порнографической продукцией [18, с. 97].

Уголовный кодекс Швейцарии содержит Раздел 5 «Преступления против половой неприкосновенности», в котором указан ряд самостоятельных групп деяний: «действия, наносящие угрозу развитию несовершеннолетних», «посягательство на сексуальную свободу и честь», «использование сексуальных действий» (содействие занятию проституцией, торговля людьми), «порнография», «нарушения половой неприкосновенности». Наличие в рассматриваемом уголовном законодательстве группы «действия, наносящие угрозу развитию несовершеннолетних» свидетельствует об определённом новаторстве при подходе к систематизации половых преступлений. Выделение в самостоятельную структурную единицу половых преступлений в отношении несовершеннолетних позволяет точнее сформулировать особенности деяний против указанной группы потерпевших [20, с. 137].

Следует отметить наказуемость для лиц, которые не совершают сексуальные действия, а склоняют или вовлекают в них несовершеннолетнего. При этом согласно ст. 187 деяние не является наказуемым, если разница в возрасте между участвующими лицами составляет не более трёх лет [20, с. 92].

В законодательстве ФРГ Раздел 13 «Преступные деяния против полового самоопределения» начинается ст. 174 «Сексуальные действия в отношении опекаемых», далее следует ещё ряд норм, предусматривающих ответственность за совершение сексуальных действий с лицом, находящимся в зависимом от виновного положении, затем изнасилование, содействие занятию проституцией, торговля людьми, распространение порнографических изданий и прочее.

Вместе с тем, в указанном законодательстве имеется квалифицирующий признак – совершение деяний, направленных на половую свободу, родными в результате усыновления или через отношения свойства.

Характеризуя указанный раздел уголовного законодательства ФРГ, А. Безверхов отмечает дифференциацию ответственности в зависимости от категории потерпевших (малолетние, несовершеннолетние, опекаемые лица, заключённые, больные и лица, нуждающиеся в помощи, беззащитные лица), субъектов преступлений (должностное лицо, лицо, осуществляющее консультацию, лечение или наблюдение), общественно опасных последствий (наступление смерти), а не в зависимости от тех или иных «физиологических» способов сексуального возбуждения и удовлетворения половой страсти» [5, с. 18–24].

Преимущества указанной позиции заключаются в наличии разработанных юридических критериев, которые, безусловно, должны быть при конструкции правовой нормы в приоритете.

Среди стран, в законодательстве которых преступления, сопряжённые с порнографической продукцией, расположены отдельно от преступлений против половой свободы личности, следует отметить Бельгию, Австралию, Австрию, штат Техас США, и некоторые другие.

Уголовное законодательство Бельгии содержит Главу 6 «О совращении молодежи и проституции». Содержание указанной главы свидетельствует о наличии конкретных, строго прописанных в законе запретов на действия, сопряжённые с вовлечением в проституцию и её организацию, а также мер ответственности, включающих наказание осуждённых за данные деяния, конфискацию имущества (даже в том случае, если вещь не принадлежит осуждённому на праве собственности), закрытие предприятия, где были совершены правонарушения, и прочее. Кроме того, помимо назначения наказания осуждённому может быть отказано в занятии определёнными видами деятельности, в том числе в «занятии деятельностью, которая ставит осуждённого в отношения доверия или авторитета к несовершеннолетним» [17, с. 106].

О необходимости криминализации инцеста между совершеннолетними лицами и установления повышенной ответственности за педофильный инцест неоднократно высказывались такие авторы, как А. П. Дьяченко и Е. И. Цымбал [6, с. 1304–1315].

Разделяя указанную позицию, представляется необходимым, в первую очередь, предусмотреть в нормах российского законодательства повышенную уголов-

ную ответственность за инцест с участием несовершеннолетнего, а также рассмотреть вопрос введения уголовной ответственности за инцест с лицом, достигшим 16-летнего возраста. Выявлению случаев насильственного инцеста должен способствовать анализ данных медицинских учреждений, в случае, если жертва обратилась, например, по поводу телесных повреждений, нанесённых ей во время сексуального насилия.

В США медицинские работники обязаны сообщать обо всех подозрениях, связанных с сексуальным насилием [4, p. 215].

Как отмечено в литературе, полицейские больше интересуются мелкими преступлениями, нежели проступками, совершёнными родственниками, друзьями, соседями или знакомыми жертвы насилия [1, pp. 733–748].

Вместе с тем, повышение ответственности за инцест с участием несовершеннолетнего должно привлечь внимание правоприменителей. В действительности насильственные преступления сексуального характера внутри семьи совершаются лицом, занимающим активную позицию, как правило, мужчиной. Роль матери пассивна, она чаще всего длительное время не замечает происходящего. В ряде случаев она понимает, что ребёнок вовлечён в сексуальные отношения, но не способна прекратить их и защитить ребенка. Отсутствие у матери способности защитить ребенка от насилия традиционно связывают с наличием у женщины депрессии или считают следствием страха, вызванного агрессивным поведением мужа и низкой самооценкой [2, pp. 69–72].

Таким образом, одной из характерных особенностей конструирования рассматриваемых норм в законодательстве зарубежных стран является повышенная ответственность за преступления сексуальной направленности, совершённые в отношении несовершеннолетних родственником, законным представителем или иным лицом, от которого несовершеннолетний находился в зависимом положении. Указанный аспект в настоящее время является особо актуальным в связи с растущими показателями совершения аналогичных преступлений, в том числе и в России, а также необходимостью противодействия социальной проблеме – добровольному инцесту.

Список литературы

1. Black D. Production of crime rates // *American Sociological Review*. – 1970. – Vol. 35, no. 4. – P. 733–748.
2. Browning, D. H. Incest: child at risk / D. H. Browning, B. Boatman // *American Journal of Psychiatry*. – 1977. – Vol. 134. – P. 69–72.
3. Draucker, C. B. *Counseling survivors of childhood sexual abuse* / C. B. Draucker. – 3rd ed. – [London] : Sage Publication, 2006. – 176 p.

4. Gerbert, B. Physicians response to victims of domestic violence: Toward a model of care / B. Gerbert, J. Moe, N. Caspers // *Domestic violence and health care: Policies and prevention* / ed. by C. Reyes, W.J. Rudman, C.R. Hewitt. – New York : CPC Press, 2002. – P. 1–22.
5. Безверхов, А. К. О некоторых вопросах квалификации насильственных преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности // *Уголовное право*. – 2014. – № 5. – С. 18–24.
6. Дьяченко, А. П. Уголовно-правовая охрана детей от сексуальных посягательств: опыт России и зарубежных стран / А. П. Дьяченко, Е. И. Цымбал // *Lex russica*. – 2014. – № 11. – С. 1304–1315.
7. Малиновский, А. А. Сравнительное уголовное право : учебник. – Москва : Юлитинформ, 2016. – 592 с.
8. Малиновский, А. А. Уголовно-правовые системы: вопросы классификации // *Международное уголовное право и международная юстиция*. – 2008. – № 3. – С. 34–35.
9. Маслак, С. Н. Насильственные преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности: проблемы уголовно-правового регулирования и квалификации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / С. Н. Маслак. – Краснодар, 2013. – 27 с.
10. *Международное уголовное право : учебник для бакалавриата и магистратуры* / А. В. Бриллиантов [и др.] – Москва : Юрайт, 2018. – 358 с.
11. Никитина, М. А. Соотношение половой свободы и половой неприкосновенности несовершеннолетних в сфере государственно-правовой защиты их прав и свобод // *Молодые учёные*. – 2014. – № 5. – С. 72–78.
12. Никифоров, Б. С. Уголовное законодательство Республики Индия / Б. С. Никифоров. – Москва : ГИЮЛ, 1958. – 279 с.
13. Пантюхина, И. В. Понятие преступлений против половой свободы и половой неприкосновенности личности // *Юридическая наука*. – 2011. – № 1. – С. 52–54.
14. Пачулия, Г. Т. Насильственные и ненасильственные преступления против половой неприкосновенности как проблемы современного государства и основные средства противодействия ей // *Российский судья*. – 2017. – № 9. – С. 36–39.
15. *Полный курс уголовного права : в 5 т. Т. 2* / под ред. А. И. Коробеева. – Санкт-Петербург : Юрид. центр-Пресс, 2008. – 682 с.
16. *Уголовный кодекс Австрии* / под ред. Ю. Н. Волкова. – Санкт-Петербург : Юридический центр Пресс, 2002. – 366 с.
17. *Уголовный кодекс Бельгии* / под ред. А. В. Серебряковой. – Санкт-Петербург : Юридический центр Пресс, 2003. – 217 с.
18. *Уголовный кодекс Испании* / под ред. Н. Ф. Кузнецовой, Ф. М. Решетникова. – Москва : Зерцало, 1998. – 218 с.

19. Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон [от 13 июня 1996 № 63–ФЗ (с посл. изм. и доп.)] // Собр. законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.
20. Уголовный кодекс Швейцарии / под ред. Ю. Н. Волкова. – Санкт-Петербург : Юридический центр Пресс, 2002. – 366 с.
21. Чучаев, А. И. Уголовное право России. Общая и Особенная части: учебник / А. И. Чучаев, Ю. В. Грачева. – Москва : Контракт, 2017. – 384 с.
22. Щерба, С. П. Сравнительное уголовное право. Особенная часть : монография / С. П. Щерба. – Москва : Юрлитинформ, 2010. – 544 с.

References

1. Black D. Production of crime rates. *American Sociological Review*, 1970, vol. 35, no. 4, pp. 733–748.
2. Browning D. H., Boatman B. Incest: child at risk. *American Journal of Psychiatry*, 1977, vol. 134, pp. 69–72.
3. Draucker C. B. *Counseling survivors of childhood sexual abuse*. 3rd ed. London: Sage Publication, 2006. 176 p.
4. Gerbert B. B. Moe J., Caspers N. Physicians response to victims of domestic violence: Toward a model of care. In: Reyes C., Rudman W.J., Hewitt C.R. *Domestic violence and health care: Policies and prevention*. New York: CPC Press, 2012, pp. 1–22.
5. Bezverkhov A. K. О некотorykh voprosakh kvalifikatsii nasil'stvennykh prestuplenii protiv polovoі neprikosnovennosti i polovoі svobody lichnosti [On some issues of qualification of violent crimes against sexual integrity and sexual freedom of a person]. *Ugolovnoe pravo*, 2014, no. 5, pp. 18–24.
6. Dyachenko A. P., Tsymbal E. I. Ugolovno-pravovaya okhrana detei ot seksual'nykh posyagatel'stv: opyt Rossii i zarubezhnykh stran [Criminal protection of children from sexual assault: the experience of Russia and foreign countries]. *Lex russica*, 2014, no. 11, pp. 1304–1315.
7. Malinovsky A. A. *Sravnitel'noe ugolovnoe pravo* [Comparative Criminal Law: Textbook]. Moscow: Yulitinform, 2016. 592 p.
8. Malinovsky A. A. Ugolovno-pravovye sistemy: voprosy klassifikatsii [Criminal Law Systems: Classification Issues]. *Mezhdunarodnoe ugolovnoe pravo i mezhdunarodnaya yustitsiya*, 2008, no. 3, pp. 34–35.
9. Maslak S. N. *Violent crimes against sexual inviolability and sexual freedom of the individual: problems of criminal regulation and qualifications*. Cand. Diss. (Legal Sci.). Synopsis. Krasnodar, 2013. 27 p.
10. Brilliantov A. V. *Mezhdunarodnoe ugolovnoe pravo* [International criminal law: a textbook for undergraduate and graduate programs]. Moscow: Yurait Publ., 2018. 358 p.

11. Nikitina M. A. Sootnoshenie polovoi svobody i polovoi neprikosnovennosti nesovershennoletnikh v sfere gosudarstvenno-pravovoi zashchity ikh prav i svobod [Correlation of sexual freedom and sexual inviolability of minors in the field of state legal protection of their rights and freedoms]. *Molodye uchenye*, 2014, no. 5, pp. 72–78.

12. Nikiforov B. S. *Ugolovnoe zakonodatel'stvo Respubliki Indiya* [Criminal legislation of the Republic of India]. Moscow: State Publishing House of Legal Literature, 1958. 279 p.

13. Pantyukhina I. V. Ponyatie prestuplenii protiv polovoi svobody i polovoi neprikosnovennosti lichnosti [The concept of crimes against sexual freedom and sexual integrity of the person]. *Yuridicheskaya nauka*, 2011, no. 1, pp. 52–54.

14. Pachulia G. T. Nasil'stvennye i nenasil'stvennye prestupleniya protiv polovoi neprikosnovennosti kak problemy sovremennogo gosudarstva i osnovnye sredstva protivodeistviya ei [Violent and non-violent crimes against sexual integrity as a problem of the modern state and the main means of counteracting it]. *Rossiiskii sud'ya*, 2017, no. 9, pp. 36–39.

15. Korobeev A. I., ed. *The full course of criminal law: in 5 vol. Vol. 2*. St. Petersburg: Yuridicheskii tsentr-Press, 2008. 682 p.

16. Volkova Yu. N., ed. *Ugolovnyi kodeks Avstrii* [Criminal Code of Austria]. St. Petersburg: Yuridicheskii tsentr-Press, 2002. 366 p.

17. Serebryakova A. V., ed. *Ugolovnyi kodeks Bel'gii* [The Criminal Code of Belgium]. St. Petersburg: Yuridicheskii tsentr-Press, 2003. 217 p.

18. Kuznetsova N. F., Reshetnikova F. M. *Ugolovnyi kodeks Ispanii* [The Penal Code of Spain]. Moscow: Zertsalo Publ., 1998. 218 p.

19. *The Criminal Code of the Russian Federation: Feder. the law of June 13, 1996 No. 63-FZ (with the last amendment and additional)*. Collection of the legislation of the Russian Federation, 1996, no. 25, art. 2954. (In Russian).

20. Volkova Yu. N., ed. *Ugolovnyi kodeks Shveysarii* [Penal Code of Switzerland]. St. Petersburg: Yuridicheskii tsentr-Press, 2002. 384 p.

21. Chuchaev A. I., Gracheva Yu. V. *Ugolovnoe pravo Rossii. Obshchaya i Oso-bennaya chasty* [Criminal law of Russia. General and Special Parts: textbook]. Moscow: Contract, 2017. 384 p.

22. Shcherba S. P. *Sravnitel'noe ugolovnoe pravo* [Comparative criminal law. Special Part]. Moscow: Yurlitinform, 2010. 544 p.

УДК 343.533.6

DOI dx.doi.org/10.24866/1813-3274/2019-4/136-152

А. В. Даниловская¹, Хабаровский государственный университет экономики и права, г. Хабаровск; Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, Россия
E-mail: d_a_v@list.ru

ОСНОВАНИЯ СМЯГЧЕНИЯ И ИСКЛЮЧЕНИЯ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА КАРТЕЛИ НА ТОВАРНЫХ РЫНКАХ

Аннотация. Предупреждение и пресечение картелей как одной из угроз национальной безопасности является приоритетным направлением современной конкурентной политики государства. Однако картели на товарных рынках (исключение – сговоры на торгах) имеют особую природу, о чём свидетельствуют разные отношения к картелям в отдельные периоды времени, позиции некоторых экономических учений и современные взгляды. Так, представители австрийской школы выступают за отмену борьбы с картелями в принципе. В различных научных источниках встречаются предложения о признании на законодательном уровне экономической целесообразности картельных соглашений в сфере НИОКР, инноваций, при реализации проектов, направленных на модернизацию и структурную перестройку отраслей, о необходимости изменения отношения к картелям, о смягчении государственной политики в отношении соглашений такого рода. Современная антимонопольная политика характеризуется жёстким запретом картелей, заключение которых влечёт уголовную ответственность при наличии всех признаков преступления. Между тем проведённое исследование позволяет сделать вывод о том, что при наличии определённых обстоятельств заключение картеля может быть экономически полезным, а значит юридически обоснованным и оправданным, чему должна при необходимости даваться соответствующая уголовно-правовая оценка. УК РФ содержит необходимые инструменты для учёта многих обстоятельств деяния, со-

¹Анна Владимировна Даниловская, кандидат юридических наук, доцент юридического факультета Хабаровского государственного университета экономики и права, г. Хабаровск; докторант Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, Россия.

Для цитирования: Даниловская А. В. Основания смягчения и исключения уголовной ответственности за картели на товарных рынках // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика и право. 2019. № 4. С. 136–152.

держашего признаки преступления, при решении вопроса о привлечении к уголовной ответственности за картели.

Ключевые слова: уголовная ответственность, картель, ст. 178 УК РФ «Ограничение конкуренции», основания смягчения наказания, исключение ответственности, крайняя необходимость, экономический кризис.

Anna V. Danilovskaya¹, Khabarovsk State University of Economics and Law, Khabarovsk; Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia
E-mail: d_a_v@list.ru

FOUNDATIONS FOR MITIGATION AND EXCLUSION OF CRIMINAL LIABILITY FOR CARTELS IN COMMODITY MARKETS

Abstract. Prevention and suppression of cartels, as one of the threats to the national security, is a priority of the modern competitive policy of the state. However, cartels in commodity markets (with the exception of collusions at auction) have a special nature, as evidenced by different attitudes to cartels in certain periods of time, the positions of some economic doctrines and modern views. Therefore, representatives of the Austrian school are in favor of abolishing the fight against cartels in principle. In various scientific sources, there are proposals to recognize at the legislative level the economic feasibility of cartel agreements in the field of R&D, innovation, in the implementation of projects aimed at modernizing and restructuring industries, the need to change the attitude to cartels, and to soften state policy in relation to such agreements. Modern antitrust policy is characterized by a strict prohibition of cartels, the conclusion of which entails criminal liability if there are all signs of a crime. Meanwhile, the study allows us to conclude that in certain circumstances, the conclusion of a cartel can be economically useful, and therefore legally justified, which should, if necessary, be given an appropriate criminal legal assessment. The Criminal Code of the Russian Federation contains the necessary tools to take into account many circumstances of an act containing signs of a crime when deciding whether to prosecute cartels.

Keywords: criminal liability, cartel, article 178 of the criminal code of the Russian Federation "Restriction of competition", grounds for mitigation of punishment, exclusion of liability, extreme necessity, economic crisis.

¹ Anna V. Danilovskaya, Candidate of Law, Associate Professor of the Faculty of Law, Khabarovsk State University of Economics and Law, Khabarovsk; Doctoral student, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

For citing: Danilovskaya A. V. Grounds for mitigation and exclusion of criminal liability for cartels in commodity markets // PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law. 2019. No 4. P. 136–152.

Отношение к картелям было всегда неоднозначным. История антимонопольной политики в отдельных странах и в разные периоды свидетельствует о времени принудительной картелизации, разрешения экспортных картелей, создания с разрешения уполномоченных органов государства временных картелей для помощи пострадавшим от кризиса отраслям экономики, ослабления запретов на картели в условиях кризиса и ограничения на применение антимонопольных запретов, включая запреты на картели в отдельных сферах [1, с. 103; 2, с. 82–86; 3]. Такие подходы объясняются, с одной стороны, соответствующими политическими, экономическими и правовыми позициями относительно картелей, с другой – значением картелей для экономики страны в конкретный период времени в связи с их возможными положительными эффектами. Предложения об изменении существующей антимонопольной политики в сторону большей лояльности встречаются и на современном этапе экономического и правового развития [1, с. 103; 2, с. 82–86; 4, с. 35; 5, с. 91–100; 6, с. 53–64], который в России характеризуется жёстким запретом картелей без учёта каких-либо обстоятельств. Соглашения между конкурентами запрещены, если они привели или могут привести к последствиям, описанным в ч. 1 ст. 11 Федерального закона «О защите конкуренции», связанным с ценовой политикой, разделом рынка, прекращением производства и бойкотом отдельных продавцов или покупателей. Уголовная ответственность за картель установлена ст. 178 УК РФ «Ограничение конкуренции».

Противоречивость картелей, их жёсткий запрет явились поводом для проведения отдельного исследования возможности применения тех положений УК РФ, которые предусматривают основания смягчения ответственности, освобождения от неё или же её исключения, к лицам, в действиях которых усматриваются признаки указанного преступления, но чей картель был заключен при определённых, исключительных обстоятельствах. Результат такого исследования позволяет сделать вывод о наличии двух факторов – позитивного и негативного характера, детерминирующих появление картелей, которые могут стать основаниями как смягчения ответственности, так и освобождения от неё или исключения её вовсе при наличии необходимых правовых условий.

Значение картеля определяется целями, ради которых соглашение заключается, и способами их достижения. Несмотря на то, что существует множество видов картелей, общепризнано, что их целью является получение максимальной (дополнительной) прибыли путём ограничения конкуренции.

Однако представляется, что это не всегда так – спор об этом существовал в науке ещё в начале XX в. Некоторые из картелей, как видится из существа отдельных объединений хозяйствующих субъектов, преследуют несколько иные цели, чем просто получение прибыли, и поэтому появляются для решения задач другого рода. Так, среди задач экспортных картелей отмечаются: повышение конкуренто-

способности продукции на мировых рынках; поддержка деятельности компаний за счёт зарубежных заказов при ограниченном спросе на внутреннем рынке. В связи с тем, что такая деятельность хозяйствующих субъектов способствует единой государственной политике на международных рынках, защите национальных интересов государств-экспортёров, повышению доходной части бюджета за счёт экспортных пошлин, во многих странах экспортные картели признаны законными и выведены из-под действия антимонопольного законодательства [8, с. 269].

Отраслевые ассоциации выполняют такие позитивные функции, как ознакомление членов ассоциации с технологическими и иными достижениями в отрасли, информационное просвещение, совместная подготовка и обучение персонала, повышение квалификации, проведение совместных исследований рынка, спонсорских мероприятий [8, с. 269], стандартизация продукции.

Выделяют также другие картели, деятельность которых может быть признана не только не опасной, но и полезной обществу, например, картели, обладающие небольшой долей рынка, а также картели, созданные для освоения нового рынка [9], что нашло отражение в ряде антимонопольных законов, например, в законах Республики Корея [10], КНР [11], ФРГ [12], Великобритании [13], Франции [14].

Вышеизложенное можно оценить как позитивные факторы появления картелей, которые определяются перспективными целями деятельности хозяйствующих субъектов, связанными с развитием отрасли и повышением общественного благосостояния.

При решении вопроса о привлечении к уголовной ответственности за заключение и реализацию такого рода картелей на товарном рынке следовало бы учитывать положительные явления, возникшие именно в связи с существованием конкретного картеля. Явный позитивный характер значимых для общества экономических последствий картеля на товарном рынке может свидетельствовать об отсутствии общественной опасности деяния как таковой или её незначительности. Полагаем, вопрос об уголовной ответственности в таких случаях может решаться с позиции анализа общих признаков деяния как преступления согласно ст. 14 УК РФ. В случае превышения негативных последствий картеля над позитивными, при назначении наказания, указанные обстоятельства должны учитываться в качестве смягчающих в соответствии со ст. 61 или иных, перечисленных в ст. 64 УК РФ.

Другой вариант решения вопроса об ответственности за заключение картеля на товарном рынке видится в специальном основании освобождения в связи с экономически обоснованной полезностью картеля. Данное предложение могло бы быть реализовано путём включения соответствующей правовой нормы в примечание к ст. 178, в котором содержатся основания освобождения от ответственности за картель.

Между тем, обратим внимание на картели структурных кризисов («кризисные» картели), появление которых предопределено негативными факторами эко-

номического характера. Ими называют соглашения, которые должны обеспечить безболезненное свёртывание производственных мощностей при устойчивом, не обусловленном конъюнктурой сокращении сбыта. Такого рода картельные соглашения заключаются обычно во время циклических спадов производства, в условиях, когда баланс спроса и предложения на продукцию отрасли резко нарушен (имеются большие запасы непроданной продукции), цены падают ниже среднеотраслевой себестоимости и значительное число предприятий отрасли вынуждены прекратить производство. В этом случае компании согласовывают между собой масштабы снижения производства и недогрузки мощностей до тех пор, пока избыток продукции не будет продан [15, с. 104]. Такие картели разрешены, например, в Японии – соглашения заключаются на период резких спадов производства и действуют определённый срок с возможностью продления [16, с. 240]. Известно, что в 1950–1970 гг. легальные картели помогли выйти из затяжного кризиса японской чёрной металлургии, судостроению, химической, нефтеперерабатывающей и угледобывающей отраслям [16, с. 243]. Кризисные картели разрешены в Европе [16, с. 244], КНР, Республике Корея.

В российском законодательстве не существует оснований для каких-либо исключений из общего запрета на картели. Не отрицая необходимости ответственности, в том числе уголовной, за заключение картеля, полагаем важным учитывать обстоятельства, которые привели к его заключению на товарном рынке. В условиях, с одной стороны, экономического кризиса¹, когда фиксируется спад производства, с другой – острой конкурентной борьбы, хозяйствующие субъекты вынуждены объединять свои усилия в целях избежания неблагоприятных последствий. В их числе – вынужденное прекращение деятельности, включая банкротство, и сопутствующие этому негативные факторы как экономического, так и социального характера, связанные, например, с неуплатой налогов, иных обязательных выплат, увольнением работников.

Правовые нормы, предусматривающие особенности исключения ответственности лиц за деяния, повлекшие причинение вреда в особых условиях, представляют собой давно устоявшиеся и существующие в разных отраслях законодательства институты. С правовой позиции, заключение в условиях кризиса картеля по своему характеру представляет собой деяние, близкое по сути крайней необходимости. При этом, фактически, поведение лиц – представителей хозяйствующих субъектов, заключивших картель, может полностью соответствовать признакам, свойственным почти всем обстоятельствам, исключающим преступность деяния, перечисленным в гл. 8 УК РФ: 1) осознание лицом общественной полезности или социальной целесообразности причинения вреда, причинённый вред является вынужденным; 2) по-

¹ При этом под экономическим кризисом справедливо понимать внешние проблемы экономического характера, а не внутренние, обусловленные неэффективным управлением.

ведение лица является осознанным, волевым и целенаправленным; 3) деяние является общественно полезным или социально допустимым; 4) рассматриваемое поведение осуществляется в особой обстановке и при наличии соответствующего основания причинения вреда; 5) поведение соответствует определённым условиям правомерности причинения вреда [17, с. 31–33].

Особо значимым, в свете данного исследования, является такой признак, как общественная полезность и социальная допустимость картеля. Так, сохранение хозяйствующего субъекта как экономического агента, участвующего в процессах производства, распределения, обмена и потребления материальных благ, налогоплательщика, работодателя, имеющего социальную ответственность, обуславливает признание заключённого в условиях кризиса картеля не только социально допустимым, но и общественно полезным.

Факт общественной полезности и социальной допустимости картеля в определённых условиях подтверждается и отдельными современными экономическими исследованиями [4, с. 35]. Причём, речь может идти не только о кризисных картелях, но и экспортных, в сфере НИОКР и некоторых других.

Рассматривая условия крайней необходимости, характеризующие опасность и само деяние, можно сделать вывод о свойственности их критериев экономическим кризисам и соответствующему поведению лиц, направленному на заключение и реализацию картеля. Опасность экономических кризисов не вызывает сомнений – она носит действительный характер и всегда будет угрожать охраняемым интересам, является наличной и реальной, причём, как правило, имеет длительный временной характер. При этом под угрозу попадают правомерные экономические интересы государства, юридических лиц, граждан, гарантии и защита которых предусмотрены Конституцией РФ. К перечисленным лицам относятся и хозяйствующие субъекты, заключившие картель на товарном рынке, которые избрали именно такой способ защиты своих прав.

В свою очередь, такие условия правомерности поведения, как направленность деяния на защиту охраняемых интересов, невозможность осуществления защиты иным способом без причинения вреда охраняемым законом интересам, своевременность защиты, причинение вреда третьим лицам, имеют место при анализе поведения представителей хозяйствующих субъектов в рассматриваемой ситуации. При этом причинение вреда потребителям, организациям, государству обусловлено ограничением участниками картеля конкуренции, которое выступает как способ осуществления защиты экономических прав в условиях неопределённости в целях снижения её негативного эффекта.

Таким образом, условия, характеризующие опасность при крайней необходимости, и условия, определяющие само деяние, причиняющее вред во избежание этой самой опасности, могут полностью соответствовать нестабильной и опасной

ситуации экономического кризиса, спровоцированному им поведением, направленному на заключение картеля, и, как следствие, причинение путём ограничения конкуренции вреда потребителям, другим хозяйствующим субъектам, государству. Анализ таких условий и соответствующего им поведения субъектов выводит на вопрос о справедливости распространения жёсткого запрета на кризисные картели, в то время как такого рода соглашения являются, практически, естественным способом защиты частных интересов, основанном на объединении усилий для противостояния общей опасности.

Между тем, вопрос применения института крайней необходимости к преступлениям в сфере экономической деятельности редко поднимается в науке [18, с. 43–57], но не является забытым в правоприменении, правда, в основном при рассмотрении дел по налоговым преступлениям [19, 20]. Между тем, вопрос применения института крайней необходимости к преступлениям в сфере экономической деятельности редко поднимается в науке [18, с. 43–57], хотя и не является забытым в правоприменении, правда, в основном при рассмотрении дел по налоговым преступлениям [19, 20] и только с недавнего времени. Последнее обусловлено разъяснениями Конституционного Суда РФ, который указал на необходимость при квалификации деяний учитывать возможность причинения вреда охраняемым уголовным законом интересам в состоянии крайней необходимости в своём определении от 24.06.2014 г. №1346 «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Максименко Романа Викторовича на нарушение его конституционных прав статьёй 199.2 Уголовного кодекса Российской Федерации» [21].

Экономический кризис как основание освобождения от ответственности по гражданским и административным делам нередко становится предметом рассмотрения арбитражными судами – в решениях поднимается вопрос о возможности признания экономических кризисов обстоятельством непреодолимой силы. Арбитражная практика по данному вопросу является противоречивой – есть примеры решений, признающих экономические (финансово-экономические) кризисы, колебания курса валюты таковым обстоятельством [22–25], и есть противоположные [26–27]. С 2015 г. последних стало больше в связи с принятием Положения о порядке свидетельствования Торгово-промышленной палатой Российской Федерации обстоятельств непреодолимой силы (форс-мажор), согласно п. 1.3 которого финансово-экономический кризис не является непреодолимой силой [28], ставшего основой соответствующих выводов судей [29].

Между тем, развитие сферы предпринимательской деятельности, а значит увеличение количества хозяйствующих субъектов с неизбежностью ведёт не только к обострению конкурентной борьбы, но и к увеличению рисков быть подвергнутыми экономическим кризисам. Как показывает анализ экономической литературы, предотвратить экономические кризисы волевыми усилиями и в рамках моделей,

предложенных экономической теорией [30, с. 11–17, 33, с. 24–33], признанных экономистами по итогам последних лет провалами экономической науки и политики многих стран [31, с. 117], невозможно. Действующая система управления экономикой оказалась неспособной своевременно и эффективно реагировать на новые вызовы и угрозы [32, с. 198].

В связи с изложенным представляется, что решение вопроса об уголовной ответственности, включая справедливость и целесообразность мер наказания за картель, должно отражать взвешенную оценку всех обстоятельств на основе положений как Общей, так и Особенной частей УК РФ. Существующие уголовно-правовые средства позволяют минимизировать или исключить вовсе неблагоприятные последствия привлечения к уголовной ответственности за картели, появление которых может иметь благоприятные для экономики результаты.

Список литературы

1. Баринов, Н. А. Антимонопольное законодательство Российской Федерации (вопросы теории и практики) / Н. А. Баринов, М. Ю. Козлова. – Волгоград : Изд-во Волгоградского государственного университета, 2001. – 190 с.
2. Новиков, В. В. Перекрутили гайки: российский антитраст в конце своего первого двадцатилетия // Экономическая политика. – 2010. – № 2. – С. 82–86.
3. Мильнер, Б. З. Теория организации / Б. З. Мильнер. – Москва : ИНФРА-М, 2000. – URL: <http://www.bibliotekar.ru/teoriya-organizacii/136.htm> (дата обращения: 18.06.2018).
4. Клюзина, С. В. Монополия и локальная монополия как ее тип: история вопроса, методология, теория и практика : автореф. дис. ... д-ра. экон. наук / С. В. Клюзина. – Москва, 2005. – 424 с.
5. Кизилев, В. В. К вопросу о необходимости отмены антимонопольного законодательства / В. В. Кизилев, В. В. Новиков // Закон. – 2008. – № 2. – С. 91–100.
6. Андрященко, Е. К вопросу о методологии анализа картельных соглашений / Е. Андрященко, А. Заздравных // Вопросы экономики. – 2014. – № 9. – С. 53–64.
7. Венедиктов, А. В. Избранные труды по гражданскому праву. Т. 1 : Слияние акционерных компаний. – URL : <http://sud09.ru/bibliot/Elib/1618.html> (дата обращения: 26.02.2018).
8. Князева, И. В. Антимонопольная политика в России : учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «Национальная экономика» / И. В. Князева. – Москва : Омега-Л, 2006. – 505 с.
9. Энциклопедия экономиста. – URL: <http://www.grandars.ru/college/ekonomika-firmy/kartel.html> (дата обращения: 07.02.2020).
10. Monopoly regulation and fair trade act (Enforcevent date 29.03.2016: Act № 14137, 29.03.2016) // Комиссия по справедливой торговле Республики Корея :

офиц. сайт. – URL: http://www.ftc.go.kr/solution/skin/doc.html?fn=abe6ebfcffcd366c32a8cb91035bdfbee5ad625cdf007b29f88891153490137d1&rs=/fileupload/data/result/BBSMSTR_00000002411/# (дата обращения: 03.11.2019).

11. Закон КНР «О противодействии монополиям» : принят на 29 заседании Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей 10 созыва 30.08.2007 г. // Комитет по коммерческой работе со странами СНГ Китайско-европейской ассоциации технико-экономического сотрудничества : офиц. сайт. – URL: <http://www.cniru.ru/gjzlk/shownews.php?lang=ru&id=42> (дата обращения: 10.10.2019).

12. Gesetz gegen Wettbewerbsbeschränkungen in der Fassung der Bekanntmachung vom 26. Juni 2013 // Министерство юстиции и защиты прав потребителей ФРГ : офиц. сайт. – URL: <http://www.gesetze-im-internet.de/gwb/index.html> (дата обращения: 05.12.2019).

13. Competition Act 1998 // Правительственный веб-сайт Великобритании. – URL: <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/1998/41/contents> (дата обращения: 10.12.2019).

14. Code de commerce (version consolidée au 22 septembre 2018) // Официальный сайт ВОИС. – URL: <https://wipolex.wipo.int/en/text/485951> (дата обращения: 15.12.2019).

15. Корпоративное право: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / под ред. И. А. Еремичева, Е. А. Павлова. – 3-е изд. перераб. и доп. – Москва : ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2015. – 439 с.

16. Станковская, И. К. Экономическая теория: Полный курс МВА / И. К. Станковская, И. А. Стрелец. – М. : Рид Групп, 2016. – (Российское бизнес-образование). 480 с.

17. Орешкина, Т. Ю. Обстоятельства, исключаящие преступность деяния: учебное пособие для магистрантов / Т. Ю. Орешкина ; отв. ред. А. И. Парог. – Москва : Проспект, 2016. – 112 с.

18. Яни, П. С. Крайняя необходимость: непреступный вред экономического преступления // Закон. – 2000. – № 7. – С. 43–57.

19. Апелляционное постановление по уголовному делу № 22-670/2019 от 16.04.2019 г. Доступ с официального сайта суда Хабаровского края. – URL: https://kraevoy--hbr.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=15356907&delo_id=4&new=4&text_number=1 (дата обращения: 07.02.2020).

20. Апелляционное постановление по делу № 22-963 от 18.09.2018 г. Доступ с официального сайта Сахалинского областного суда. – URL: https://oblsud--sah.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=1276724&delo_id=4&new=4&text_number=1 (дата обращения: 07.02.2020).

21. Определение Конституционного Суда РФ от 24.06.2014 г. №1346 «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Максименко Романа Викторовича на нарушение его конституционных прав статьей 199.2 Уголовного кодекса РФ» // Правосудие: судебная практика России. – URL: <http://ksportal.garant.ru:8081/SESSION/PILOT/main.htm> (дата обращения: 15.06.2019). – Режим доступа: для авториз. пользователей.
22. Постановление ФАС Поволжского округа от 16.11.1999 г. по делу № А72-2217/99-з 165. – Режим доступа: СПС Гарант (дата обращения 26.10.2019).
23. Постановление ФАС Московского округа от 3.11.1999 г. по делу № КГ-А40/3612-99. – Режим доступа: СПС Гарант (дата обращения 26.10.2019).
24. Постановление Десятого арбитражного апелляционного суда от 4.09.2009 г. по делу № А41-13282/09. – URL: <https://kad.arbitr.ru/> (дата обращения: 22.03.2019). – Режим доступа: по подписке.
25. Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 23.10.2009 г. по делу №А56-24425/2009. – URL: <https://kad.arbitr.ru/> (дата обращения: 22.03.2019). – Режим доступа: для авториз. пользователей.
26. Определение ВАС РФ от 28.04.2012 г. № ВАС-4874/12 по делу № А12-12792/2011. – Режим доступа: СПС Гарант (дата обращения 26.10.2019).
27. Постановление ФАС Московского округа от 24.06.2011 г. № КГ-А41/5793-11 по делу № А-41-25302/10. – Режим доступа: СПС Гарант (дата обращения 26.10.2019).
28. Положение о порядке свидетельствования Торгово-промышленной палатой Российской Федерации обстоятельств непреодолимой силы (форс-мажор) : приложение к постановлению Правления Торгово-промышленной палаты РФ от 23 декабря 2015 г. № 173-14. – Режим доступа: СПС ГАРАНТ (дата обращения 22.03.2019).
29. Решение Арбитражного суда г. Москвы от 25.05.2016 г. по делу № А40-47328/2016. – Режим доступа: СПС Гарант (дата обращения 28.10.2019).
30. Куклина, Л. Н., Пономарева С. И. Мировой экономический кризис и модели посткризисного развития: макроэкономический анализ / Л. Н. Куклина, С. И. Пономарева // Известия УрГЭУ. – 2012. – № 1 (39). – С. 11–17.
31. Мартишин, Е. М. Современные экономические парадигмы и развитие экономической теории // Экономическая наука современной России. – 2011. – № 4 (55). – С. 117–122.
32. Российская экономика в 2015–2017 годах / А. Френкель, Б. Тихомиров, Я. Сергиенко, Л. Рощина // Экономическая политика. 2016. Т. 11. № 5. С. 198-233.
33. Андреев, М. Ю. Тенденции развития макроэкономических моделей / М. Ю. Андреев, А. В. Полбин // Управленческое консультирование. 2019. № 2. С. 24-33.

References

1. Barinov N. A., Kozlova M. Yu. *Antimonopol'noe zakonodatel'stvo Rossiiskoi Federatsii (voprosy teorii i praktiki)* [Antimonopoly legislation of the Russian Federation (theory and practice)]. Volgograd: Publishing House of Volgograd State University, 2001. 190 p.
2. Novikov V. V. Perekrutili gaiki: rossiiskii antitrust v kontse svoego pervogo dvadtsatiletiya [Tightened the nuts: Russian antitrust at the end of its first twenty years]. *Ekonomicheskaya politika*, 2010, no. 2, pp. 82–86.
3. Milner B. Z. *Teoriya organizatsii* [Theory of organization]. Moscow: INFRA-M, Publ. 2000. Available at: <http://www.bibliotekar.ru/teoriya-organizacii/136.htm> (accessed 18 June 2018).
4. Klyuzina S. V. *Monopoliya i lokal'naya monopoliya kak ee tip: istoriya voprosa, metodologiya, teoriya i praktika* [Monopoly and local monopoly as its type: history, methodology, theory and practice]. Dr. diss.(Econ. Sci). Synopsis. M., 2005. 424 p.
5. Kizilov V. V., Novikov V. V. K voprosu o neobkhodimosti otmeny antimonopol'nogo zakonodatel'stva [On the issue of the need to repeal antitrust laws]. *Zakon*, 2008, no. 2, pp. 91–100.
6. Andreyashchenko E., Zazdravnykh A. K voprosu o metodologii analiza kartel'nykh soglashenii [On the question of the methodology of the analysis of cartel agreements]. *Voprosy ekonomiki*, 2014, no. 9, pp. 53–64.
7. Venediktov A. V. *Izbrannye trudy po grazhdanskomu pravu. Tom 1. Sliyanie aktsionernykh kompanii* [Selected works on civil law. Vol. 1 Merger of joint stock companies]. Available at: <http://sud09.ru/bibliot/Elib/1618.html> (accessed 26 February 2018).
8. Knyazeva I. V. *Antimonopol'naya politika v Rossii* [Antitrust policy in Russia: textbook. A manual for university students enrolled in the specialty «National Economics»]. Moscow: Omega-L Publ, 2006. 550 p.
9. *Encyclopedia of an economist*. Available at: <http://www.grandars.ru/college/ekonomika-firmy/kartel.html> (accessed 7 February 2020). (In Russian).
10. *Monopoly regulation and fair trade act* (Enforcevent date 03/29/2016: Act No. 14137, 03/29/2016). Access from the official website of the Fair Trade Commission of the Republic of Korea. Available at: http://www.ftc.go.kr/solution/skin/doc.html?fn=abe6ebfcffd366c32a8cb91035bdb5ad625cdf007b29f88891153490137d1&rs=/fileupult_BSata/ (accessed 3.11.2019).
11. *The PRC Law «On Countering Monopolies»: adopted at the 29th meeting of the Standing Committee of the All-China Assembly of People's Representatives of the 10th convocation on 08/30/2007*. Access from the official website of the Committee on Commercial Work with the CIS Countries of the Sino-European Association of Technical and Economic Cooperation. Available at: <http://www.cniru.ru/gjzlk/shownews.php?lang=ru&id=42> (accessed 10.10.2019). (In Russian).

12. *Gesetz gegen Wettbewerbsbeschränkungen in der Fassung der Bekanntmachung vom 26. Juni 2013*. Access from the official website of the Ministry of Justice and Consumer Protection of Germany. Available at: <http://www.gesetze-im-internet.de/gwb/index.html> (accessed 5 December 2019). (In Germany).

13. *Competition Act 1998*. Access from the Government website of the UK. Available at: <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/1998/41/contents> (accessed 10 December 2019).

14. *Code de commerce (version consolidée au 22 septembre 2018)*. Access from the official WIPO website. Available at: <https://wipolex.wipo.int/en/text/485951> (accessed 15 December 2019).

15. Eremichev I. A., Pavlov E. A., eds. *Korporativnoe pravo* [Corporate law: textbook. manual for university students enrolled in the specialty "Jurisprudence"]. 3rd ed. reslave. and add. Moscow : UNITY-DANA Publ., 2015.443 p.

16. Stankovskaya I. K., Strelets I. A. *Ekonomicheskaya teoriya: Polnyi kurs MVA* [Economic theory: Full MBA course]. - Moscow: Reed Group, 2016. 480 p. (Russian business education). 17. Oreshkina T. Yu. *Obstoyatel'stva, isklyuchayushchie prestupnost' deyaniya* [Circumstances precluding crime acts: a textbook for undergraduates]. Moscow: Prospect Publ., 2016. 112 p.

18. Jani P. S. *Krainyaya neobkhodimost': neprestupnyi vred ekonomicheskogo prestupleniya* [Extreme need: the indestructible harm of an economic crime]. *Zakon*, 2000, no. 7, pp. 43–57.

19. *Appeal resolution in criminal case No. 22-670/2019 of 04.16.2019*. Access from the official site of the Khabarovsk Territory court. Available at: https://kraevoy-hbr.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=15356907&delo_id=4&new=4&text_number=1 (accessede 7 February 2020). (In Russian).

20. *Appeal resolution in the case No. 22-963 of September 18, 2018*. Access from the official website of the Sakhalin Regional Court. Available at: https://oblsud-sah.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=1276724&delo_id=4&new=4&text_number=1 (accessed 7 February 2020). (In Russian).

21. *The determination of the Constitutional Court of the Russian Federation of June 24, 2014 No. 1346 «On the refusal to accept for consideration a complaint of a citizen Maksimenko Roman Viktorovich on violation of his constitutional rights by Article 199.2 of the Criminal Code of the Russian Federation»*. Available at: <http://ksportal.garant.ru:8081/SESSION/PILOT/main.htm> (accessed 15 June 2019). (In Russian).

22. *Decision of the Federal Antimonopoly Service of the Volga Region of 11.16.1999 in the case No. A72-2217/99-z 165*. Available at: Reference and legal system Garant (accessed 26 October 2019). (In Russian).

23. *Resolution of the FAS of the Moscow District on November 3, 1999 in case No. KG-A40/3612-99*. Available at: Reference and legal system Garant (accessed 26 October 2019). (In Russian).

24. *The decision of the Tenth Arbitration Court of Appeal dated September 4, 2009 in case No. A41-13282/09*. Available at: <https://kad.arbitr.ru> (accessed 22 March 2019). (In Russian).

25. The ruling of the Thirteenth Arbitration Court of Appeal dated 10.23.2009 in the case No. A56-24425/2009. Available at: <https://kad.arbitr.ru/> (accessed 22 March 2019). (In Russian).

26. *Determination of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation of April 28, 2012 No. VAS-4874/12 in the case No. A12-12792/2011*. Available at: Reference and legal system Garant (accessed 26 October 2019). (In Russian).

27. *Decision of the FAS of the Moscow District dated June 24, 2011 No. KG-A41 / 5793-11 in the case No. A-41-25302/10*. Available at: Reference and legal system Garant (accessed 26 October 2019). (In Russian).

28. *Regulation on the procedure for witnessing force majeure circumstances by the Chamber of Commerce and Industry of the Russian Federation (force majeure): Appendix to Resolution of the Board of the Chamber of Commerce and Industry of the Russian Federation dated December 23, 2015 No. 173-14*. Available at: Reference and legal system Garant (accessed 26 October 2019). (In Russian).

29. *Decision of the Moscow Arbitration Court of May 25, 2016 in case No. A40-47328/2016*. Available at: Reference and legal system Garant (accessed 26 October 2019). (In Russian).

30. Kuklina L. N., Ponomareva S. I. Mirovoi ekonomicheskii krizis i modeli postkrizisnogo razvitiya: makroekonomicheskii analiz [The world economic crisis and models of post-crisis development: macroeconomic analysis]. *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta*, 2012, no. 1 (39), pp. 11–17.

31. Martishin E. M. Sovremennye ekonomicheskie paradigmy i razvitie ekonomicheskoi teorii [Modern economic paradigms and the development of economic theory]. *Ekonomicheskaya nauka sovremennoi Rossii*, 2011, no. 4 (55), pp. 117–122.

32. Frenkel A., Tikhomirov B., Sergienko Y., Roshchina L. Rossiiskaya ekonomika v 2015-2017 godakh [Russian economy in 2015-2017]. *Ekonomicheskaya politika*, 2016, vol. 11, no. 5, pp. 198–233.

33. Andreev M. Yu., Polbin A. V. Tendentsii razvitiya makroekonomicheskikh modelei [Trends in the development of macroeconomic models]. *Upravlencheskoe konsul'tirovanie*, 2019, no. 2, pp. 24–33.

УДК 341.234:347.173:342.7

DOI dx.doi.org/10.24866/1813-3274/2019-4/153-171

А. А. Шарапова¹, Дальневосточный федеральный университет,
г. Владивосток, Россия
E-mail: sharapova.aa@dvfu.ru

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПРАВОВОГО СТАТУСА КОРЕННЫХ НАРОДОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ПРИМЕРЫ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ

Аннотация. Исследуются отдельные вопросы правового статуса коренных малочисленных народов Российской Федерации и примеры судебной практики оспаривания реализации правомочий представителями коренных народов. Автор приводит сравнительный анализ понятия «коренные народы» в международном праве, «коренные малочисленные народы», «коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации» в российском праве, обосновывает необходимость применения Декларации Организации Объединенных Наций о правах коренных народов 2007 г. как акта непосредственного действия. В статье описана система правового регулирования статуса коренных малочисленных народов, сделан вывод о её многоуровневости и сложности. Автор отмечает практическую невозможность распространить действие названного международного акта на все коренные народы, населяющие территорию России. В работе исследуется судебная практика как судов общей юрисдикции, так и принятое в 2019 г. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации № 21-П по делу гражданина Щукина Г. К. Автор делает вывод, что выведенный конституционно-правовой смысл статьи 19 Федерального закона «Об охоте и о сохранении охотничьих ресурсов», которая наряду с другими законами и подзаконными актами имеет значение для закрепления правового статуса коренных малочисленных народов, поможет не только единообразному применению названного закона, но и послужит образцом для распространения его на иные сферы традиционного природопользования общин коренных малочисленных народов, рыболовство, которые ре-

¹ Анна Алексеевна Шарапова, старший преподаватель кафедры международного публичного и частного права Юридической школы Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, Россия.

Для цитирования: Шарапова А. А. Некоторые аспекты правового статуса коренных народов Российской Федерации и примеры судебной практики // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика и право. 2019. № 4. С. 153–171.

гулируются другими федеральными законами. Помимо проблем реализации правомочий, вытекающих из статуса коренных малочисленных народов, в судебном порядке зачастую устанавливается факт принадлежности к коренному народу в связи с отсутствием в Российской Федерации единого документа, подтверждающего национальность. В этой связи позитивным, по мнению автора, следует признать принятие 06.02.2020 изменений в Федеральный закон № 82-ФЗ «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации», которые устанавливают централизованную систему учёта представителей коренных малочисленных народов РФ. Этот акт пока не вступил в силу, настоящая статья впервые описывает новеллы законодательства.

Ключевые слова: коренные народы, коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации, права человека, Конституция, Декларация ООН о правах коренных народов, Конституционный Суд, ведение традиционного образа жизни и осуществление традиционной хозяйственной деятельности коренными народами.

Anna A. Sharapova¹, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia
E-mail: sharapova.aa@dvfu.ru

CERTAIN ASPECTS OF THE LEGAL STATUS OF THE INDIGENOUS PEOPLES OF THE RUSSIAN FEDERATION AND EXAMPLES OF JUDICIAL PRACTICE

Abstract. The article explores certain issues of the legal status of the small indigenous peoples of the Russian Federation and examples of judicial practice in exercising indigenous rights. The author makes the comparative analysis of the concept «indigenous people» of international law, «indigenous small-numbered peoples», «indigenous small-numbered peoples of the North, Siberia and the Far East of the Russian Federation» in Russian law, proves the necessity of applying the United Nations Declaration on the rights of indigenous peoples of 2007 (UNDRIP) as the act of direct action. The article describes the system of the legal regulation of the status of small-numbered indigenous peoples, the author concludes about its complexity. The author notes the practical impossibility of extending the application of the said international act to all indigenous peoples who inhabit the territory of Russia. The work examines the judicial practice of both the courts of general jurisdiction and the Decision of the Constitutional Court of the Russian

¹ Anna A. Sharapova, Associate Professor of Department of International Public and International Private Law, School of Law, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

For citing: Sharapova A. A. Certain aspects of the legal status of the indigenous peoples of the Russian Federation and examples of judicial practice // PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law. 2019. No 4. P. 153–171.

Federation No. 21-P of 2019 in the case of citizen Schukin G.K. The author concludes that the constitutional and legal meaning of article 19 of the Federal Law "On Hunting and Conservation of Hunting Resources," which, together with other laws and regulations, is relevant to the legal status of small-numbered indigenous peoples, not only will the uniform application of the Act, but it will also serve as a model for extending to other areas of traditional environmental management of small-numbered indigenous communities, fisheries regulated by the other federal laws. In addition to the problems of exercising the powers arising from the status of small-numbered indigenous peoples, the fact of belonging to an indigenous people is often established in court, because of the absence of the unified document confirming the nationality in the Russian Federation. In this regard as positive, according to the author, it is necessary to recognize acceptance on the 6th of February 2020 changes in federal law No. 82-FZ "About guarantees of the rights", which install the centralized system of accounting of representatives of indigenous small-numbered peoples of the Russian Federation. This act has not yet entered into force, but this article for the first time describes the innovations of the legislation.

Keywords: indigenous peoples, small-numbered indigenous peoples of the North, Siberia and the Far East of the Russian Federation, human rights, the Constitution, the United Nation Declaration on the Rights of Indigenous Peoples, the Constitutional Court, traditional lifestyles and traditional economic activities of indigenous peoples.

Коренные народы входят в состав населения многих государств, но не во всех странах их правовое положение обособлено. Так, например, в Индии и Бангладеш сложившееся в международной практике понятие «коренной народ» считается неприемлемым в силу полиэтничности этих государств и невозможности определить, какой из народов является более коренным [32]. В Российской Федерации – многонациональном государстве – коренные народы обладают специальным правовым статусом.

Права коренных народов являются объектом защиты как международного, так и внутригосударственного права. Несмотря на различия национальных правовых систем в этом вопросе, объясняемые историческими, культурными и иными причинами, которые в том числе повлияли на определение принадлежности лица к категории коренных [34, с. 71–72], заложенное Декларацией Организации Объединённых Наций о правах коренных народов, принятой резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН в 2007 г. (далее – Декларация), стандарты являются универсальными [33]. Эволюция подхода от полного отрицания и провозглашения политики ассимиляции до признания уникальности и необходимости содействовать сохранению и развитию характеризует отношение государств к защите прав коренных народов на протяжении относительно небольшого периода двадцатого столетия.

Декларация признаёт право на самоопределение, на автономию или самоуправление в вопросах, относящихся к местным делам, право для индивида без дискриминации принадлежать к общине или народности в соответствии с традициями, запрет принудительного перемещения с земель и территорий, право на соблюдение культурных традиций и обычаев, право на земли, территории и ресурсы, которыми коренные народы традиционно владели, использовали или занимали их и т.д. Определённые в Декларации права представляют собой минимальные стандарты для обеспечения выживания, уважения достоинства и благополучия коренных народов мира [19].

На сессии Генеральной Ассамблеи ООН в 2007 г. 144 государства проголосовали в поддержку резолюции, четыре (Австралия, Канада, Новая Зеландия, США) выступили против, а Российская Федерация в числе 11 других воздержалась. Позднее все голосовавшие против государства изменили свои позиции и выразили поддержку Декларации. Подробнее об истории принятия Декларации см.: [9].

Декларация Генеральной Ассамблеи ООН не является международным договором, не порождает аналогичных с ним международных обязательств, однако в литературе описывается как очень важный акт, кодифицирующий обычное международное право в сфере защиты прав коренных народов [32, с. 100; 31].

Для Российской Федерации значение Декларации можно прояснить через толкование положений части 4 статьи 15, части 1 статьи 17, статьи 69 Конституции Российской Федерации [5] и Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 октября 2003 г. № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» (далее – Постановление). Так, в Постановлении, в пункте первом находим: «...права и свободы человека согласно общепризнанным принципам и нормам международного права, а также международным договорам Российской Федерации являются непосредственно действующими в пределах юрисдикции Российской Федерации. Они определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием...

Под общепризнанной нормой международного права следует понимать правило поведения, принимаемое и признаваемое международным сообществом государств в целом в качестве юридически обязательного.

Содержание указанных ... норм международного права может раскрываться, в частности, в документах Организации Объединенных Наций и её специализированных учреждений» [13].

Поскольку, как мы отметили выше, в поддержку Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН (одного из главных органов ООН) выступили 148 государств (включая те четыре, которые изначально голосовали против), её положения соответству-

ют критериям общепризнанных норм международного права, указанным в Постановлении.

Права коренных народов, закреплённые в Декларации, относятся к коллективным правам человека, помимо прочего она определяет и индивидуальные права, например, право на гражданство, свободу, личную безопасность, физическую и психическую неприкосновенность лиц, относящихся к коренным [19]. Статья же 17 Конституции Российской Федерации определяет, что «...признаются и гарантируются права и свободы человека и гражданина согласно общепризнанным принципам и нормам международного права и в соответствии с Конституцией Российской Федерации». Более того, статья 69 гарантирует права коренных малочисленных народов в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права и международными договорами Российской Федерации [5]. Таким образом, и права человека являются предметом регулирования и Конституции, и Декларации, и конкретно права коренных народов. Следовательно, в Российской Федерации при определении статуса коренных народов должны непосредственно применяться положения общепризнанных норм международного права, которые содержатся в Декларации.

Однако на практике непосредственное применение Декларации о правах коренных народов в Российской Федерации затруднено. Специальные федеральные законы, имеющие предметом регулирования статус коренных народов в России, были приняты ранее Декларации, но несмотря на внесённые изменения, их положения не во всём соответствуют общепризнанным нормам, зафиксированным в Декларации. И это порождает множество вопросов, самый важный из которых – сама категория – коренные народы.

Отметим, что в тексте Декларации определения коренных народов нет. Единственным нормативно закреплённым можно считать понятие, которое содержится в статье 1 Конвенции о коренных народах и народах, ведущих племенной образ жизни в независимых странах (Конвенции 169 МОТ) [6]. Однако Российская Федерация участником данного международного договора не является, значит регулировать соответствующие отношения он не может. На доктринальном уровне наиболее авторитетным считается мнение Специального докладчика по проблеме дискриминации коренного населения Подкомиссии ООН по предупреждению дискриминации и защите меньшинств Хосе Мартинеса Кобо, который выделил критерии отнесения народа к коренному [4].

В Российской Федерации же важнейшим критерием является численность этноса, поэтому в законодательстве употребляется термин «коренные малочисленные народы». Статья 1 Федерального закона от 30.04.1999 № 82-ФЗ «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» определяет их как «народы, проживающие на территориях традиционного расселения своих предков,

сохраняющие традиционные образ жизни, хозяйственную деятельность и промыслы, насчитывающие в Российской Федерации менее 50 тыс. человек и осознающие себя самостоятельными этническими общностями» [22]. Таким образом, проживающие на исконных территориях Севера России коми, саха, например, не являются малочисленными и не имеют соответствующего статуса, не могут участвовать в работе Арктического Совета в качестве постоянного участника, поскольку Российскую Федерацию там представляет Ассоциация коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока (RAIPON) [2], в которую названные народы не проходят по критерию малочисленности. Только отнесение этноса к коренным малочисленным народам порождает для его представителей получение особого правового статуса: право на объединение в общины с особым статусом, на замену воинской службы альтернативной гражданской службой, на соблюдение традиций, защиту исконной среды обитания, ведение традиционного образа жизни, хозяйственной деятельности и промыслов, особую судебную защиту и т.п. [22]. Более того, в Постановлении Правительства РФ от 24.03.2000 № 255 (ред. от 25.08.2015) «О Едином перечне коренных малочисленных народов Российской Федерации» поименованы конкретные народы и субъекты Российской Федерации, на территориях которых проживают коренные малочисленные народы. Кроме этого, в обособленную группу выделены коренные народы, проживающие на Севере: их перечень закреплён Распоряжением Правительства РФ от 17.04.2006 № 536-р (ред. от 26.12.2011) «Об утверждении перечня коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации» [17].

Показательным является Апелляционное определение Верховного Суда Республики Башкортостан от 10 июня 2014 г. [1], которым было оставлено без изменения решение суда первой инстанции, признавшего необоснованной жалобу на нарушение порядка рассмотрения обращения. Суть жалобы касалась отказа в передаче Президенту Российской Федерации вопроса о ратификации Декларации ООН о правах коренных народов. Не обсуждая невозможность ратификации деклараций ООН в принципе в силу их особой правовой природы, обратим внимание на то, что заявителями выступали представители башкирского народа. Этим обращением они предполагали достичь цели признания за своим народом прав, которые признаются за коренными народами в соответствии с Декларацией ООН. Суд в своём решении отметил, что башкиры не включены в Единый перечень, «не могут быть отнесены к коренным малочисленным народам Российской Федерации, поскольку их численность, по данным Всероссийской переписи населения 2010 г., составляет 1 млн 584,6 тыс. человек» [1].

Таким образом, если лицо не относится к этносу, указанному в данном Постановлении Правительства и не проживает на территории, определённой в нём [10], то и его права как представителя коренного малочисленного народа не будут защищены на

соответствующем уровне. Более того, некоторые социальные гарантии, например, право для граждан из числа малочисленных народов Севера на социальную пенсию на льготных условиях [25], также зависят от включения конкретного народа в соответствующий перечень [12]. Как результат, возникают коллизии, которые мы наблюдаем в правоприменении. Так, в Верховный Суд РФ обратилась административный истец Патархеева Е. Д., которая является сойоткой – представителем коренного малочисленного народа Севера, включённого в Перечень народов, постоянно проживает на территории Окинского района Республики Бурятия, достигла возраста 50 лет. Решением Центра по установлению и выплате пенсий Пенсионного фонда РФ в Республике Бурятия ей было отказано в установлении социальной пенсии по старости в связи с тем, что Окинский муниципальный район, в котором она проживает, не входит в Перечень районов в целях установления социальной пенсии по старости. При этом сойоты входят Единый перечень коренных малочисленных народов Российской Федерации, упомянутый выше, и Перечень коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации. Окинский муниципальный район Республики Бурятия в числе других районов республики определён местом традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Российской Федерации согласно перечню таких мест [18]. Поскольку перечень для целей назначения социальной пенсии по старости не был приведён в соответствие с Единым перечнем, проживающие в названном районе сойоты были ограничены в реализации принадлежащих им прав. Верховный Суд РФ признал перечень, утверждённый постановлением Правительства РФ от 1 октября 2015 г. № 1049, не действующим со дня вступления решения в законную силу «в той мере, в какой данный перечень в системе действующего правового регулирования в целях установления социальной пенсии по старости не учитывает в составе районов проживания малочисленных народов Севера Окинский муниципальный район Республики Бурятия как место традиционного проживания коренного малочисленного народа Севера – сойотов» [20].

Очевидно, что подобные проблемы порождает разветвлённое законодательство, которое регламентирует правовое положение коренных народов в Российской Федерации. Помимо основополагающих конституционных норм, закреплённых статьями 69 и 26 [5], его основу составляют три специальных федеральных закона:

- Уже названный Федеральный закон от 30.04.1999 № 82-ФЗ «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» [22];
- Федеральный закон от 20 июля 2000 г. № 104-ФЗ «Об общих принципах организации общин коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации» (с изменениями и дополнениям) [23];
- Федеральный закон от 7 мая 2001 г. № 49-ФЗ «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями) [24].

Множество иных федеральных законов отчасти затрагивают статус коренных малочисленных народов в России. В качестве примеров можно указать названный ранее Федеральный закон «О государственном пенсионном обеспечении в Российской Федерации» [25]; Лесной кодекс РФ: его статья 48 устанавливает, что при использовании лесов обеспечивается защита исконной среды обитания коренных малочисленных народов [8]; Федеральный закон от 20 декабря 2004 г. № 166-ФЗ «О рыболовстве и сохранении водных биологических ресурсов»: статья 25 определяет, что рыболовство в целях обеспечения традиционного образа жизни и осуществления традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации без предоставления рыболовного участка осуществляется без разрешения на добычу [26]; Федеральный закон от 24 июля 2009 г. № 209-ФЗ «Об охоте и о сохранении охотничьих ресурсов»: определяет не только статус охотника, виды охоты, среди которых выделяет охоту в целях обеспечения ведения традиционного образа жизни лицами, относящимися к коренным малочисленным народам Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации, и их общинами, и закрепляет, что она осуществляется свободно (без каких-либо разрешений) в объёме добычи охотничьих ресурсов, необходимом для удовлетворения личного потребления [27]. Это лишь некоторые из существующих федеральных законов, регламентирующих права и обязанности коренных малочисленных народов Российской Федерации. Также в этой сфере принято большое число актов подзаконного характера, примерами которых можно назвать ранее описанные Постановления Правительства РФ. Помимо прочего, существуют и специальные акты на уровне субъектов федерации, например [11], поскольку статья 72 Конституции Российской Федерации относит к совместному ведению Российской Федерации и её субъектов «защиту исконной среды обитания и традиционного образа жизни малочисленных этнических общностей» [5].

Следовательно, можно сделать вывод о сложном многоуровневом закреплении правового положения коренных малочисленных народов в России. Однако многие вопросы, которые требуют урегулирования, к сожалению, не отражены в действующих актах, либо формулировки их недостаточно ясны, что создаёт возможности для их двоякого толкования.

Помимо необходимости этноса быть включённым в категорию «коренных малочисленных народов Российской Федерации», представителю такого народа бывает весьма затруднительно доказать, что он является таковым и, следовательно, обладает всеми правами, вытекающими из этого статуса. Отметки в паспорте гражданина Российской Федерации о национальности не делаются, но, если, как в случае с Республикой Саха (Якутия), на уровне субъекта принято решение о вкладыше к паспорту гражданина Российской Федерации со сведениями о национальной принадлежности [11], то это значительно облегчает решение вопроса. Однако в боль-

шинстве субъектов подобные меры не принимаются, поэтому отдельные представители коренных малочисленных народов отстаивают своё право называться коренными и пользоваться соответствующими правами в суде [21, с. 95].

Весьма иллюстративным подтверждением может быть дело Андрея Данилова, саамского активиста, который выступил истцом. В марте 2018 г. он обратился в Министерство природных ресурсов и экологии Мурманской области, чтобы ему в охотничьем билете поставили отметку о «возможности осуществления охоты в рамках ведения традиционного образа жизни», в чём ему было отказано [29]. Напомним, что упомянутый уже выше ФЗ «Об охоте и о сохранении охотничьих ресурсов» устанавливает право для лиц, принадлежащих к коренным малочисленным народам, свободно осуществлять охоту в объёме добычи охотничьих ресурсов, необходимом для удовлетворения личного потребления [27]. Однако для реализации этого права подзаконным актом предусмотрена необходимость проставления в охотничьем билете соответствующей отметки, а обязанность эта возложена на орган исполнительной власти субъекта федерации [16]. Минприроды Мурманской области мотивировал отказ проставить отметку в охотничий билет тем, что принадлежность Данилова к коренным малочисленным народам Севера не доказана. При этом в свидетельстве о рождении самого Андрея Данилова и его детей указана национальность саами. В августе 2019 г. Первомайский районный суд г. Мурманска отказал в удовлетворении иска, определив, что заявитель не относится к категории лиц, осуществляющих традиционную хозяйственную деятельность и занимающихся традиционными промыслами. Как прокомментировал это решение сам Данилов: «Для ведения традиционной охоты коренные народы должны проживать в тундре, в традиционных жилищах, пищу и всё для жителя добывать сами, не иметь другого дохода. В общем, назад в средневековье» [30].

Такое решение суд вынес исходя из положений части 1 статьи 3 Федерального закона «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации», где все лица, относящиеся к коренным малочисленным народам, поделены на две категории:

- постоянно проживающих в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности малочисленных народов, ведущих традиционный образ жизни, осуществляющих традиционную хозяйственную деятельность и занимающихся традиционными промыслами и
- лиц, которые ... постоянно проживают в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности малочисленных народов и для которых традиционная хозяйственная деятельность и занятие традиционными промыслами являются подсобными видами деятельности по отношению к основному виду деятельности в других отраслях народного хозяйства, социально-культурной сфере, органах государственной власти или органах местного самоуправления [22].

Следовательно, можно предположить, что закреплено неравенство правового статуса представителей коренного народа. Если одни из них занимаются традиционными промыслами в качестве подсобной деятельности или сезонно, или в силу возраста или состояния здоровья уже не могут сами, например, охотиться, рыбачить, то и доступ к продукции охоты, полученной при осуществлении традиционной охоты, для них закрыт?

Иногда и в отсутствие спора относительно национальной принадлежности лица может быть оспорено его право осуществлять гарантированные законами правомочия.

Конституционным Судом Российской Федерации в мае 2019 г. вынесено Постановление № 21-П по делу гражданина Щукина Г. К., которым выявлен конституционно-правовой смысл статьи 19 Федерального закона «Об охоте и о сохранении охотничьих ресурсов» [14], что, по нашему мнению, поможет единообразному применению положений названного закона, а также возможно распространению аналогичной практики на иные сферы традиционного природопользования общин коренных малочисленных народов, рыболовство, которые регулируются специальными федеральными законами.

Отмечается, что это первое решение с позитивным итогом, которое касается защиты прав коренных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока [7, с. 117].

Заявителем по делу выступал Геннадий Щукин, чья принадлежность к коренным народам не оспаривалась, поскольку он один из учредителей и председатель семейной (родовой) общины коренного малочисленного народа – долганов, а также президент местной ассоциации общественных объединений коренных малочисленных народов Севера Таймырского Долгано-Ненецкого муниципального района Красноярского края. Он был признан виновным в совершении преступления, предусмотренного частью четвертой статьи 33 и частью второй статьи 258 Уголовного кодекса Российской Федерации (подстрекательство к незаконной охоте, совершённой группой лиц по предварительному сговору).

Щукин на одном из собраний общины предложил произвести отстрел диких оленей, поручив добычу охотникам в объёме, рассчитанном на всех членов общины (при квоте восемь оленей на человека – 217 особей). Сам Геннадий имеет проблемы со здоровьем и выходить на охоту не может, как и некоторые члены общины в силу своего преклонного или слишком молодого возраста. По мнению Щукина, в интересах членов общины право на охоту можно передать другим охотникам, что он и сделал [15]. Отметим, что статья 19 ФЗ «Об охоте...» указывает, что охота как вариант ведения традиционного образа жизни и осуществления традиционной хозяйственной деятельности может осуществляться не только лицами, относящимися к коренным народам Севера, но и их общинами [27]. А Геннадий Щукин действовал именно как председатель родовой общины.

Однако, согласно позиции судов первой и апелляционной инстанций, право на охоту в целях обеспечения ведения традиционного образа жизни и осуществления традиционной хозяйственной деятельности в пределах нормативно установленных лимитов для удовлетворения личных нужд не может быть передано одними членами общины другим её членам. Поэтому Г. К. Щукину было назначено наказание в виде штрафа в размере ста двадцати тысяч рублей, от назначенного наказания он освобождён в связи с амнистией [14].

Заявитель указывал на противоречие положениям Конституции Российской Федерации норм названной статьи ФЗ «Об охоте...».

Конституционный суд с мнением Щукина не согласился, противоречий не признал, но выявил конституционно-правовой смысл статьи 19 указанного закона, который является общеобязательным, что исключает любое иное её истолкование в правоприменительной практике. А в резолютивной части в итоге поддержал позицию председателя родовой общины в части права каждого члена общины коренных малочисленных народов Севера пользоваться объектами животного мира в пределах установленных лимитов и поручать «одному или нескольким её членам, имеющим статус охотника, добычу охотничьих ресурсов в объёме, не превышающем сумму приходящихся на каждого члена общины лимитов использования объектов животного мира для удовлетворения личных нужд» [14].

В Постановлении Конституционный Суд подчеркнул, что «особые права на использование объектов животного мира предоставляются всем лицам, относящимся к коренным малочисленным народам Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации, а не только тем из них, кто имеет статус охотника, поскольку для всех указанных лиц вне зависимости от их фактической и юридической способности самостоятельно осуществлять добычу охотничьих ресурсов пользование объектами животного мира выступает основой их традиционного жизнеобеспечения в рамках традиционного образа жизни» [14].

6 февраля 2020 г. Президентом Российской Федерации подписан закон, вносящий изменения в федеральный закон № 82-ФЗ «О гарантиях прав коренных...», которым устанавливается система учёта граждан, относящихся к коренным малочисленным народам [28]. В течение двух лет будут созданы соответствующие списки. Основная нагрузка учёта будет возложена на муниципальные органы, а всю деятельность по выработке и реализации государственной национальной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере государственной национальной политики закон возложил на специальный федеральный орган исполнительной власти – Федеральное агентство по делам национальностей.

Вся система учёта в новой редакции закона описана весьма подробно, что исключает произвольное толкование, делает её понятной и прозрачной.

Самое большое достижение, закрепляющее гарантии статуса коренных малочисленных народов, на наш взгляд, сформулировано в статье 7.1 закона в новой редакции и касается того, что органы государственной власти, местного самоуправления используют сведения, содержащиеся в списке, «и не вправе требовать представления лицами, относящимися к малочисленным народам, документов, содержащих сведения об их национальности» [28]. Надеемся, этим будет положен конец той неразберихе, которая творится в органах государственной власти и местного самоуправления в части доказывания представителями коренных малочисленных народов своей национальности, а также опадет необходимость подтверждать этот факт через суд. Все меры в целом будут способствовать упрочению гарантий правового статуса коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации.

Список литературы

1. Апелляционное определение № 33-8161/2014 от 10 июня 2014 г. по делу № 33-8161/2014. – URL: https://sudact.ru/regular/doc/bMUF0juZ3VNx/?regular-txt=%D0%94%D0%B5%D0%BA%D0%BB%D0%B0%D1%80%D0%B0%D1%86%D0%B8%D1%8F+%D0%BE+%D0%BF%D1%80%D0%B0%D0%B2%D0%B0%D1%85+%D0%BA%D0%BE%D1%80%D0%B5%D0%BD%D0%BD%D1%8B%D1%85+%D0%BD%D0%B0%D1%80%D0%BE%D0%B4%D0%BE%D0%B2®ular-case_doc=®ular-lawchunkinfo=®ular-date_from=®ular-date_to=®ular-workflow_stage=®ular-area=®ular-court=%D0%92%D0%B5%D1%80%D1%85%D0%BE%D0%B2%D0%BD%D1%8B%D0%B9+%D0%A1%D1%83%D0%B4+%D0%A0%D0%B5%D1%81%D0%BF%D1%83%D0%B1%D0%BB%D0%B8%D0%BA%D0%B8+%D0%91%D0%B0%D1%88%D0%BA%D0%BE%D1%80%D1%82%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%B0%D0%BD+%28%D0%A0%D0%B5%D1%81%D0%BF%D1%83%D0%B1%D0%BB%D0%B8%D0%BA%D0%B0+%D0%91%D0%B0%D1%88%D0%BA%D0%BE%D1%80%D1%82%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%B0%D0%BD%29®ular-judge=&_=1581148262353&snippet_pos=5230#snippet (дата обращения: 09.02.2020).
2. Арктический Совет. Ассоциация коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации (АКМНСС и ДВ РФ/RAIPON). – URL: <https://arctic-council.org/index.php/ru/about-us/permanent-participants/raipon> (дата обращения: 09.02.2020).
3. Брицкая, Т. Доказывайте саами // Новая газета. – 2019. – 24 мая, № 55. – С. 3. – URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2019/05/24/80636-dokazyvayte-saami> (дата обращения: 10.02.2020).
4. Гарипов, Р. Ш. Понятие «коренной народ» и их статус в международном и внутригосударственном праве. – DOI: 10.7256/2226-6305.2013.3.5362 // Международное право и международные организации. – 2013. – № 3. – С. 408–420.

5. Конституция Российской Федерации (принята на всенародном голосовании 12 декабря 1993 г.) // Российская газета. – 1993. – 25 декабря, № 237.

6. Конвенция о коренных народах и народах, ведущих племенной образ жизни в независимых странах : принята 27 июня 1989 г. Генеральной конференцией Международной организации труда на её семьдесят шестой сессии – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/iol169.shtml (дата обращения: 09.02.2020).

7. Кряжков, В. А. Дело о традиционной охоте, или первый опыт защиты прав коренных малочисленных народов в Конституционном Суде России // Сравнительное конституционное обозрение. – 2019. – № 4. – С. 116–130.

8. Лесной кодекс Российской Федерации от 4 декабря 2006 г. № 200-ФЗ (с изменениями и дополнениями) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2006. – № 50. – Ст. 5278.

9. Департамент по экономическим и социальным вопросам ООН. Декларация ООН о правах коренных народов. – URL: <https://www.un.org/development/desa/in-digenous-peoples-ru/what-we-do/international-day-of-the-worlds-indigenous-peoples.html> (дата обращения: 08.02.2020).

10. О Едином перечне коренных малочисленных народов Российской Федерации : постановление Правительства РФ от 24.03.2000 № 255 (ред. от 25.08.2015) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2000. – № 14. – Ст. 1493; 2000. – № 41. – Ст. 4081 ; 2008. – № 42. – Ст. 4831.

11. Об утверждении Положения о вкладыше к паспорту гражданина Российской Федерации со сведениями о национальной принадлежности : постановление Правительства Республики Саха (Якутия) от 10 июня 2000 г. № 319. – URL: <https://www.lawmix.ru/zakonodatelstvo/2300581> (дата обращения: 09.02.2020).

12. Об утверждении перечня малочисленных народов Севера и перечня районов проживания малочисленных народов Севера в целях установления социальной пенсии по старости : постановление Правительства РФ от 1 октября 2015 г. № 1049 (с изменениями и дополнениями) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2015. – № 41 (часть III). – Ст. 5660.

13. О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 октября 2003 г. № 5 (с изменениями и дополнениями). – URL: <https://base.garant.ru/12132854/> (дата обращения: 09.02.2020).

14. Об охоте и о сохранении охотничьих ресурсов и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 28.05.2019 № 21-П по делу о проверке конституционности статьи 19 Федерального закона в связи с жалобой гражданина

Г. К. Щукина – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0010201905300042> (дата обращения: 10.02.2020).

15. Представитель общины долган оспорил в КС запрет передачи права на отстрел животных // ТАСС. – 2019. – 16 апреля. – URL: <https://tass.ru/obschestvo/6339895> (дата обращения: 10.02.2020).

16. Об утверждении Порядка выдачи и аннулирования охотничьего билета единого федерального образца, формы охотничьего билета : приказ Минприроды России от 20 января 2011 г. № 13 (ред. от 27 сентября 2016 г.) (Зарегистрировано в Минюсте России 21 марта 2011 г. № 20197). – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_112040/ (дата обращения: 09.02.2020).

17. Об утверждении перечня коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации : распоряжение Правительства РФ от 17 апреля 2006 г. № 536-р // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2006. – № 17 (часть II). – Ст. 1905.

18. Об утверждении перечня мест традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Российской Федерации и перечня видов их традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Российской Федерации : распоряжение Правительства РФ от 8 мая 2009 г. № 631-р (с изменениями на 29 декабря 2017 г.). – URL: <http://docs.cntd.ru/document/902156317> (дата обращения: 09.02.2020).

19. Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей 13 сентября 2007 г. 61/295. Декларация Организации Объединенных Наций о правах коренных народов. – URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/61/295> (дата обращения: 09.02.2020).

20. О признании частично не действующим Перечня районов проживания малочисленных народов Севера в целях установления социальной пенсии по старости : решение Верховного Суда РФ от 2 августа 2017 г. № АКПИ17-463, утв. постановлением Правительства РФ от 1 октября 2015 г. № 1049. – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71660760/> (дата обращения: 09.02.2020).

21. Тодышев, М. А. О проблемах документального подтверждения принадлежности граждан к коренным народам // Современное состояние и пути развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации / под ред. В. А. Штырова. – Москва : Издание Совета Федерации, 2013. – С. 1–292. – URL: <http://council.gov.ru/media/files/41d44f244940b60fdf20.pdf> (дата обращения: 09.02.2020).

22. О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации : Федеральный закон от 30 апреля 1999 г. № 82-ФЗ (ред. от 26.07.2019). – URL: <https://base.garant.ru/182356/> (дата обращения: 09.02.2020).

23. Об общих принципах организации общин коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации : Федеральный за-

кон от 20 июля 2000 г. № 104-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2000. – № 30. – Ст. 3122.

24. О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации : Федеральный закон от 7 мая 2001 г. № 49-ФЗ (с изменениями и дополнениями) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 20. – Ст. 1972.

25. О государственном пенсионном обеспечении в Российской Федерации : Федеральный закон от 15 декабря 2001 г. № 166-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 51. – Ст. 4831.

26. О рыболовстве и сохранении водных биологических ресурсов : Федеральный закон от 20 декабря 2004 г. № 166-ФЗ (с изменениями и дополнениями) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2004. – № 52 (часть I). – Ст. 5270.

27. Об охоте и о сохранении охотничьих ресурсов, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федеральный закон от 24 июля 2009 г. № 209-ФЗ (с изменениями и дополнениями) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2009. – № 30. – Ст. 3735.

28. О внесении изменений в федеральный закон «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» в части установления порядка учета лиц, относящихся к коренным малочисленным народам : Федеральный закон от 06 февраля 2020 г. № 11-ФЗ. – URL : <https://www.garant.ru/hotlaw/federal/1325792/> (дата обращения: 09.02.2020). – Не вступил в силу.

29. ЦС КМНС – Представитель народа саами обратился в суд, чтобы доказать свою национальность и право вести традиционный образ жизни – URL: <https://kmns.ru/blog/2019/07/21/cs-kmns-predstavitel-naroda-saami-obratilsja-v-sud-chtoby-dokazat-svoju-nacionalnost-i-pravo-vesti-tradicionnyj-obraz-zhizni/> (дата обращения: 09.02.2020).

30. ЦС КМНС – Саамскому активисту суд отказал в праве заниматься традиционной охотой. – URL: <https://kmns.ru/blog/2019/08/07/cs-kmns-saamskomu-aktivistu-sud-otkazal-v-prave-zanimatsja-tradicionnoj-ohotoj/> (дата обращения: 09.02.2020).

31. Anaya, J. The UN Declaration on the rights of Indigenous peoples: towards re-empowerment. – URL: <https://www.jurist.org/commentary/2007/10/un-declaration-on-rights-of-indigenous-2/#> (дата обращения: 01.01.2020).

32. Chircop, A. Is There a Relationship between UNDRIP and UNCLOS? / A. Chircop, T. Koivurova, K. Singh // Ocean Yearbook. – 2019. – № 33 (1). – P. 90–130. – URL: https://doi.org/10.1163/9789004395633_005 (дата обращения: 01.01.2020).

33. Department of Economic and Social Affairs. United Nations Declaration on the Rights of Indigenous Peoples. – URL: <https://www.un.org/development/desa/ind>

igenouspeoples/declaration-on-the-rights-of-indigenous-peoples/historical-overview.html (дата обращения: 11.02.2020).

34. Sidorova, E. Circumpolar Indigeneity in Canada, Russia, and the United States (Alaska): Do Difference Result in Representational Challenges for the Arctic Council? // *Arctic*. – 2019. – № 72 (1). – P. 71–81.

References

1. *Decision of the Court of Appeal № 33-8161/2014 from the 10th of June 2014 the case No. 33-8161/2014*. Available at: https://sudact.ru/regular/doc/bMUFOjuZ3VNx/?regular-txt=%D0%94%D0%B5%D0%BA%D0%BB%D0%B0%D1%80%D0%B0%D1%86%D0%B8%D1%8F+%D0%BE+%D0%BF%D1%80%D0%B0%D0%B2%D0%B0%D1%85+%D0%BA%D0%BE%D1%80%D0%B5%D0%BD%D0%BD%D1%8B%D1%85+%D0%BD%D0%B0%D1%80%D0%BE%D0%B4%D0%BE%D0%B2®ular-case_doc=®ular-lawchunkinfo=®ular-date_from=®ular-date_to=®ular-workflow_stage=®ular-area=®ular-court=%D0%92%D0%B5%D1%80%D1%85%D0%BE%D0%B2%D0%BD%D1%8B%D0%B9+%D0%A1%D1%83%D0%B4+%D0%A0%D0%B5%D1%81%D0%BF%D1%83%D0%B1%D0%BB%D0%B8%D0%BA%D0%B8+%D0%91%D0%B0%D1%88%D0%BA%D0%BE%D1%80%D1%82%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%B0%D0%BD+%28%D0%A0%D0%B5%D1%81%D0%BF%D1%83%D0%B1%D0%BB%D0%B8%D0%BA%D0%B0+%D0%91%D0%B0%D1%88%D0%BA%D0%BE%D1%80%D1%82%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%B0%D0%BD%29®ular-judge=&_=1581148262353&snippet_pos=5230#snippet (accessed 09 February 2020). (In Russian).

2. *Russian Association of Indigenous Peoples of the North (RAIPON)*. Available at: <https://arctic-council.org/index.php/ru/about-us/permanent-participants/raipon> (accessed 09 February 2020). (In Russian).

3. Btitekaya T. Dokazyvaite saami [Prove Saami]. *Novaya gazeta*, 2019, May 24, no. 55, p. 3. Available at: <https://novayagazeta.ru/articles/2019/05/24/80636-dokazy-vayte-saami>. (accessed: 10.02.2020). (In Russian.)

4. Garipov R. Sh. Ponyatie «korennoi narod» i ikh status v mezhdunarodnom i vnutrigosudarstvennom prave [The concept of «indigenous people» and their status in international and domestic law]. *Mezhdunarodnoe pravo i mezhdunarodnye organizatsii*, 2013, no. 3, pp. 408–420. DOI: 10.7256/2226-6305.2013.3.5362.

5. The Constitution of the Russian Federation from the 12th of December 1993. *Rossiskaya gazeta*, 1993, no. 237. (In Russian).

6. *Indigenous and Tribal Peoples Convention, 1989 (No. 169) Adopted on 27 June 1989 by the General Conference of the International Labour Organisation at its seventy-sixth session*. Available at: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/iol169.shtml (accessed 09 February 2020). (In Russian).

7. Kryazhkov V. Delo o traditsionnoi okhote, ili pervyi opyt zashchity prav korennykh malochislennykh narodov v Konstitutsionnom Sude Rossii [The case of traditional hunting, or The first experience of protection of the rights of indigenous peoples in the Russian Constitutional Court]. *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie*, 2019, vol. 28, no. 4, pp. 116–130.

8. The Forest Code of the Russian Federation from the 4th of December 2006 No. 200-FZ (with amendments and additions). *Collection of legislation of the Russian Federation*, 2006, no. 50, art. 5278. (In Russian).

9. *More about history of UNDRIP see: Department of Economic and Social Affairs. United Nations Declaration on the Rights of Indigenous Peoples*. Available at: <https://www.un.org/development/desa/indigenous-peoples-ru/what-we-do/international-day-of-the-worlds-indigenous-peoples.html> (accessed 09 February 2020). (In Russian).

10. The resolution of the Government of the Russian Federation of 24.03.2000 No. 255 (an edition of 25.08.2015) «About the Uniform list of indigenous ethnic groups of the Russian Federation». *Collection of legislation of the Russian Federation*, 2000, no. 14, art. 1493; 2000, no. 41, art. 4081; 2008, no. 42, art. 4831. (In Russian).

11. *Resolution of the Government of the Republic of Saha (Yakutia) of 10 June 2000 No. 319 «On Approval of the Regulation on the Insert to the Passport of a Citizen of the Russian Federation with Information on Nationality»*. Available at: <https://www.lawmix.ru/zakonodatelstvo/2300581> (accessed 09 February 2020). (In Russian).

12. The resolution of the Government of the Russian Federation of October 1, 2015 No. 1049 «About the approval of the list of small-numbered peoples of the North and the list of areas of residence of small peoples of the North for establishment of a social old-age pension» (with changes and additions). *Collection of legislation of the Russian Federation*, 2015, no. 41 (Part III), art. 5660. (In Russian).

13. *Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 5 of 10 October 2003 «On the Application by Courts of General Jurisdiction of Universally Recognized Principles and Norms of International Law and International Treaties of the Russian Federation» (as amended and supplemented)*. Available at: <https://base.garant.ru/12132854/> (accessed 09 February 2020). (In Russian).

14. *Decision No. 21-P of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 28.05.2019 on the Case on the Verification of the Constitutionality of Article 19 of the Federal Law «On Hunting and Conservation of Hunting Resources and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation» in Connection with the Complaint of Citizen G. K. Schukin*. Available at: URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201905300042> accessed 09 February 2020). (In Russian).

15. *The representative of community of Dolgans challenged in the Constitutional Court the ban of transfer of the right for shooting of animals*. TASS. 2019. April 16. Available at: <https://tass.ru/obschestvo/6339895> (accessed 09 February 2020). (In Russian).

16. *Order of the Ministry of Natural Resources of Russia dated 01.20.2011 No. 13 (as amended on 09.27.2016) «On approval of the Procedure for the issuance and cancellation of a hunting ticket of a single federal sample, the form of a hunting ticket» (Registered in the Ministry of Justice of Russia on 03.21.2011 No. 20197).* Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_112040/ (accessed 09 February 2020). (In Russian).

17. Decree of the Government of the Russian Federation of 04.17.2006 No. 536-r «On approval of the list of indigenous peoples of the North, Siberia and the Far East of the Russian Federation». *Collection of legislation of the Russian Federation*, 2006, no. 17 (Part II), art. 1905.

18. *Decree of the Government of the Russian Federation of May 8, 2009 No. 631-r «On approval of the list of places of traditional residence and traditional economic activities of the indigenous peoples of the Russian Federation and the list of types of their traditional economic activities of indigenous peoples of the Russian Federation» (as amended on December 29, 2017).* Available at: <http://docs.cntd.ru/document/902156317> (accessed 09 February 2020). (In Russian).

19. *Resolution adopted by the General Assembly on 13 September 2007 61/295. United Nations Declaration on the Rights of Indigenous Peoples.* Available at: <https://undocs.org/ru/A/RES/61/295> (accessed 09 February 2020). (In Russian).

20. *Decision of the Supreme Court of the Russian Federation of August 2, 2017 No. АКПИ17-463 On declaring partially inoperative the List of areas of residence of the indigenous peoples of the North in order to establish a social old-age pension, approved. Decree of the Government of the Russian Federation of October 1, 2015 No. 1049.* Available at: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71660760/> (accessed 09 February 2020). (In Russian).

21. Todyshev M. A. O problemakh dokumental'nogo podtverzhdeniya prinadlezhnosti grazhdan k korennyim narodam [On the problems of documentary evidence of citizenship of indigenous peoples] In: Shtyrov V. A., ed. *Sovremennoe sostoyanie i puti razvitiya korennykh malochislennykh narodov Severa, Sibiri i Dal'nego Vostoka Rossiiskoi Federatsii*. Moscow: Edition of the Council of the Federation, 2013. P. 1–292. Available at: <http://council.gov.ru/media/files/41d44f244940b60fdf20.pdf> (accessed: 09.02.2020).

22. *Federal Law of April 30, 1999 No. 82-FZ (as amended on July 26, 2019) «On Guarantees of the Rights of Indigenous Minorities of the Russian Federation».* Available at: <https://base.garant.ru/182356/> (accessed 09 February 2020). (In Russian).

23. Federal Law of July 20, 2000 No. 104-FZ «On General Principles of Organization of Communities of Indigenous Minorities of the North, Siberia and the Far East of the Russian Federation». *Collection of legislation of the Russian Federation*, 2000, no. 30, art. 3122. (In Russian).

24. Federal Law of May 7, 2001 No. 49-FZ «On the Territories of Traditional Nature Management of Indigenous Minorities of the North, Siberia and the Far East of the

Russian Federation» (with amendments and additions). *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 2001, no. 20, art. 1972. (In Russian).

25. Federal Law «On State Pension Insurance in the Russian Federation» dated December 15, 2001 No. 166-FZ. *Collection of legislation of the Russian Federation*, 2001, no. 51, art. 48311. (In Russian).

26. Federal Law of December 20, 2004 No. 166-FZ «On Fisheries and the Conservation of Aquatic Biological Resources» (with amendments and additions). *Collection of legislation of the Russian Federation*, 2004, no. 52 (Part I), art. 5270. (In Russian).

27. Federal Law of July 24, 2009 No. 209-FZ «On Hunting and the Preservation of Hunting Resources, and on Amending Certain Legislative Acts of the Russian Federation» (as amended and supplemented). *Collection of legislation of the Russian Federation*, 2009, no. 30, art. 3735. (In Russian).

28. *Federal Law of February 6, 2020 No. 11-FZ «On Amending the Federal Law "On Guarantees of the Rights of Indigenous Minorities of the Russian Federation" regarding the establishment of an accounting procedure for persons belonging to indigenous minorities»*. Available at: <https://www.garant.ru/hotlaw/federal/1325792/> (accessed 09 February 2020). (In Russian). Did not enter into force.

29. *Central Committee of the Indigenous small-numbered peoples – Representative of the Saami people went to court to prove his nationality and the right to lead a traditional lifestyle*. Available at: <https://kmns.ru/blog/2019/07/21/cs-kmns-predstavitel-naroda-saami-obratilsja-v-sud-chtoby-dokazat-svoju-nacionalnost-i-pravo-vesti-tradicionnyj-obraz-zhizni/> (accessed 09 February 2020). (In Russian).

30. *Central Committee of the Indigenous small-numbered peoples. The Saami activist was denied the right to engage in traditional hunting*. Available at: <https://kmns.ru/blog/2019/08/07/cs-kmns-saamskomu-aktivistu-sud-otkazal-v-prave-zanimatsja-tradicionnoj-ohotoj/> (accessed 09 February 2020). (In Russian).

31. Anaya J. *The UN Declaration on the rights of Indigenous peoples: towards re-empowerment*. Available at: <https://www.jurist.org/commentary/2007/10/un-declaration-on-rights-of-indigenous-2/#> (accessed 09 February 2020).

32. Chircop A., Koivurova T., Singh K. Is There a Relationship between UNDRIP and UNCLOS? *Ocean Yearbook*, 2019, no. 33 (1), pp. 90–130. Available at: https://doi.org/10.1163/9789004395633_005 (accessed 09 February 2020).

33. *Department of Economic and Social Affairs. United Nations Declaration on the Rights of Indigenous Peoples*. Available at: <https://www.un.org/development/desa/indigenouspeoples/declaration-on-the-rights-of-indigenous-peoples/historical-overview.html> (accessed 09 February 2020).

34. Sidorova E. Circumpolar Indigeneity in Canada, Russia, and the United States (Alaska): Do Differences Result in Representational Challenges for the Arctic Council? *Arctic*. 2019, no. 72 (1), pp. 71–81.

УДК 340.130.5(470+510)(06)

DOI dx.doi.org/10.24866/1813-3274/2019-4/172-179

Квасникова Т. В.¹, Дальневосточный федеральный университет,
г. Владивосток, Россия
E-mail: kvasnikova.tv@dvfu.ru

Сонин В. В.², Торговое представительство Российской Федерации
в Китайской Народной Республике; Дальневосточный федеральный
университет, г. Владивосток, Россия
E-mail: vsonin@yahoo.com

**НА КРЫЛЬЯХ СРАВНИТЕЛЬНОГО ПРАВОВЕДЕНИЯ:
ОБЗОР МЕЖДУНАРОДНОГО СИМПОЗИУМА «РАЗВИТИЕ
И УСОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
В КИТАЕ И РОССИИ»**

Аннотация. Освещается значимое мероприятие для юристов двух стран – Китая и России. Представлены участники симпозиума – научно-образовательные, экспертные и др. организации, обозначены проблемы совершенствования законодательства, юридической теории и практики, освещена работа секций, названы имена докладчиков из России и Китая.

Ключевые слова: международный симпозиум, Китай, Россия, законодательство, острые проблемы, положительный опыт, плодотворный диалог.

¹ Татьяна Владимировна Квасникова, канд. юрид. наук, доцент кафедры уголовного права и криминологии Юридической школы Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, Россия.

² Вадим Вадимович Сонин, Ph.D. in Law, юрист Торгового представительства Российской Федерации в Китайской Народной Республике; научный сотрудник Юридической школы Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, Россия

Для цитирования: Квасникова Т. В., Сонин В. В. На крыльях сравнительного правоведения: обзор Международного симпозиума «Развитие и усовершенствование законодательства в Китае и России» // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика и право. 2019. № 4. С. 172–179.

Tatyana V. Kvasnikova¹, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia
E-mail: kvasnikova.tv@dvfu.ru

Vadim V. Sonin², Trade Representation of the Russian Federation in the People's Republic of China; Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia
E-mail: vsonin@yahoo.com

ON THE WINGS OF COMPARATIVE LAW: A REVIEW OF THE INTERNATIONAL SYMPOSIUM "DEVELOPMENT AND IMPROVEMENT OF LEGISLATION IN CHINA AND RUSSIA"

Abstract. A significant event for the lawyers of two countries – China and Russia is highlighted. Among the participants of the symposium there are research, educational, expert and other organizations; the problems of improving legislation, legal theory and practice are outlined, the work of the sections is highlighted, the names of speakers from Russia and China are presented.

Key words: international symposium, China, Russia, legislation, acute problems, positive experience, fruitful dialogue.

2 ноября 2019 г. в г. Пекине (КНР) состоялось знаковое событие для юристов двух стран – Российской Федерации и Китайской Народной Республики – Международный Симпозиум «Развитие и усовершенствование законодательства в Китае и России» (далее – Симпозиум). Данный научный форум был организован Научно-исследовательским институтом сравнительного правоведения Китайского политико-юридического университета совместно с Юридическим институтом Хэйлунцзянского университета и посвящён 10-летию со дня образования Научно-исследовательского института сравнительного правоведения. Это не единственный юбилей, к которому было приурочено собрание, ведь 1 октября исполнилось 70 лет со дня образования КНР, а 2 октября – 70 лет со дня установления дипломатических отношений между двумя мировыми державами – Россией и Китаем, с которым мы имеем самую протяжённую границу, тесное сотрудничество и взаимодействие в различных отраслях.

¹ Tatyana V. Kvasnikova, PhD in Law, Associate Professor, Department of Criminal Law and Criminology, Law School, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

² Vadim V. Sonin, Ph.D. in Law, lawyer of the Trade Representation of the Russian Federation in the People's Republic of China; postdoctoral researcher at School of Law of Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

For citing: Kvasnikova T. V., Sonin V. V. On the wings of comparative law: a review of the International Symposium "Development and Improvement of Legislation in China and Russia" // PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law. 2019. No 4. P. 172–179.

Главным вдохновителем встречи выступила профессор Хуан Даосю – кавалер ордена Дружбы и признанный корифей в области перевода российского законодательства (на её «счету» около 16 млн иероглифов, включая тексты гражданского, уголовного, арбитражного процессуального кодексов, а также Кодекса об административных правонарушениях). Ещё одним организатором выступил профессор, доктор юридических наук, генеральный секретарь Всекитайской ассоциации сравнительного правоведения Ван Чжихуа.

Значимость мероприятия выражается и в привлечении широкого круга участников из различных университетов России, среди которых Дальневосточный федеральный университет, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Санкт-Петербургский государственный университет, Бурятский государственный университет, Восточно-Сибирский государственный университет технологии и управления, Владивостокский государственный университет экономики и сервиса, а также из консульского отдела Посольства и Торгового представительства России в Китае. С китайской стороны, помимо университетов-организаторов Симпозиума, присутствовали учёные из таких научных центров, как Китайская академия общественных наук, Центральный университет национальностей, Пекинский технологический университет, Юго-Западный политико-юридический университет (г. Чунцин), Восточно-Китайский политико-юридический университет (г. Шанхай), Университет Внутренней Монголии (г. Хух-Хото), Хэнаньский университет (г. Чжэнчжоу), Шанхайский политико-юридический университет, а также крупных китайских юридических компаний «Дэхэн» и «Синьдали», других научно-образовательных и экспертных организаций.

Помимо представительной географии мероприятия нужно отметить широкий круг вопросов, которые обсуждались в рамках Симпозиума. Так, были освещены острые, злободневные проблемы, касающиеся совершенствования законодательства в области конституционного и административного права, уголовного права, гражданского права, а также актуальные проблемы юридической теории и практики наших стран.

В своих приветственных речах профессор Ван Чжихуа и профессор Хуан Даосю отметили, что подобные встречи способствуют плодотворной работе в области сравнительного правоведения и дальнейшему развитию национального законодательства, позволяют заимствовать положительный опыт друг друга.

Работа Симпозиума была разделена на секции, каждая из которых посвящалась отдельному направлению развития законодательства.

Секция 1. Частное право

Как верно было отмечено директором Центра изучения государства и права стран Восточной Азии Восточно-Сибирского госуниверситета технологий и управления П. Н. Дудиным, Китай является крупнейшим торговым партнером России, в связи с чем существует заинтересованность двух стран в развитии сотрудничества в

ряде отраслей, а именно торгового (коммерческого) и гражданского права. Последнее подвергается в настоящее время в КНР поступательному реформированию, что вызывает интерес российской юридической науки. Вместе с тем, без глубокого изучения исторических основ китайского законодательства невозможно полноценно проводить анализ текущей ситуации и давать прогноз развития правового регулирования отношений с китайскими контрагентами, в которые вступают российские граждане и коммерческие организации.

В. В. Аргунов, доцент кафедры гражданского процесса юридического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова, отметил ряд изменений законодательства, проведённых в России в сфере судопроизводства по гражданским делам. Так, подробно было рассмотрено одно из направлений современной судебной реформы в России – расширение примирительной функции суда в гражданском судопроизводстве, дана предварительная оценка возможностей и эффективности нового закона в урегулировании споров.

А. А. Алексеенко, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Владивостокского государственного университета экономики и сервиса, обратил особое внимание на правовое регулирование ИСО и криптовалют в Китае и России, не только ставших неотъемлемой частью современного общества, но и породивших отдельную сферу общественных отношений – цифровую экономику. При этом он отметил, что в обеих странах на данный момент отсутствует должное нормативное регулирование, в связи с чем в Китае вышеназванные инновационные технологии запрещены, пока не будут приняты соответствующие нормативно-правовые акты. Данный подход представляется докладчику более оптимальным и подлежащим заимствованию.

Профессор Ван Чжихуа заметил, что в настоящее время в Китае до сих пор нет единого кодифицированного акта, регулирующего гражданские правоотношения, Гражданского кодекса, однако он разработан и почти готов, дело осталось только за политическим решением.

Секция 2. Вопросы уголовного права

Секцию, посвящённую уголовному праву, открыл заведующий кафедрой уголовного права и криминологии Дальневосточного федерального университета А. И. Коробеев с докладом о проблеме смертной казни, чрезвычайно острой как в России, так и в Китае. Было особо отмечено, что, несмотря на неприменение в РФ рассматриваемого вида наказания в связи с наложенным мораторием, этот вид наказания в России не отменён, более того, нет законопроекта о его отмене в Государственной Думе РФ, а протокол № 6 к Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод не ратифицирован, в связи с чем Россия фактически не несёт международных обязательств по отмене смертной казни. Китай же, наоборот, является одним из государств, где смертная казнь активно применяется, но и здесь отмечается некоторая гуманизация, выраженная в

изъятии её из санкций 13 составов преступлений экономического и ненасильственного характера (19,1 % от общего числа составов преступлений, предусматривавших смертную казнь), усовершенствовании института смягчения наказания в отношении преступников, приговорённых к смертной казни, с отсрочкой исполнения, корректировке соотношения смертной казни и пожизненного лишения свободы в рамках системы наказаний.

Принципы уголовного законодательства Китая и России в компаративистском исследовании были освещены профессором Пан Дунмэй из Хэнаньского университета. Она отметила, что в Китае закреплено три принципа уголовного права: законность, равенство граждан перед законом, соответствие наказания преступлению и уголовной ответственности, в России – пять принципов: первые два идентичны, кроме них принцип вины, справедливости, гуманизма. Были рассмотрены и иные принципы, предлагаемые доктриной уголовного права обеих стран для включения в законодательство.

Профессор Л. И. Романова в своем выступлении выделила основные проблемы уголовного законодательства России, решение которых является приоритетным для борьбы с преступностью. Во-первых, отсутствие единой государственной правовой политики, которая способствовала бы принятию законов, представляющих собой целостную, взаимосвязанную, эффективную систему. Во-вторых, отсутствие единой системы мониторинга законодательства и правоприменительной практики. В-третьих, противоречия, существующие между смыслом, вложенным законодателем в законы, и практикой их применения.

Доцент кафедры уголовного права и криминологии Дальневосточного федерального университета Т. В. Квасникова подробно остановилась на мошенничестве, состав которого в настоящее время постоянно подвергается изменениям и дополнениям, вносимым в УК РФ, а число зарегистрированных случаев данных преступлений возрастает. Кроме того, за последние 15 лет увеличилась доля хищений, совершённых путём обмана и злоупотребления доверием, в общем количестве зарегистрированных преступлений более, чем в три раза (с 3,2 % до 10,8 %).

Секция 3. Вопросы конституционного и административного права

Интерес китайских коллег к российскому конституционному праву, в первую очередь, обусловлен практическими вопросами развития государственного строя КНР. Это в полной мере продемонстрировал доклад профессора Хэйлуцзянского университета Ю Сяохун, посвящённый опыту функционирования Комитета конституционного надзора СССР. Проблема конституционного контроля актуализировалась в КНР после принятия в 2015 г. концепции «правления государством на основе закона» (китайская версия «правового государства», одним из элементов которой является правление на основе конституции) и последовавшего в 2018 г. внесения поправок в Конституцию КНР, которыми один из комитетов Всекитайского собра-

ния народных представителей (ВСНП), «юридический комитет», был переименован в «конституционный и юридический комитет».

По мнению докладчика, идея создания в Китае специализированного органа конституционного контроля (Комитета конституционного надзора Китая) является достаточно перспективной. Это позволит уйти от действующей советской модели осуществления конституционного контроля ВСНП и его Постоянным комитетом, которыми за всё время существования народной республики не было официально опубликовано ни одного дела о проверке соответствия законодательства конституции. Целесообразно также ввести образовательный ценз для членов органа конституционного контроля, подобно существовавшему в Комитете конституционного надзора СССР, большинство членов которого имели учёные степени в области юридических наук. Также профессор Ю предложила по советскому примеру дифференцировать юридическую силу решений органа конституционного контроля, придав окончательный характер его актам в сфере защиты прав человека и разрешив ВСНП отменять решения, принятые по вопросам государственного устройства.

Другой актуальной проблемой китайского конституционного права является разделение властей. Новый импульс исследованиям в этой сфере придало создание в КНР в 2018 г. новой подсистемы государственных органов – контрольных комитетов во главе с Государственным контрольным комитетом. В русле этих тенденций доцент Ван Хайцзюнь из Восточного политико-юридического университета выделил в современной российской государственной власти пять ветвей (законодательную, исполнительную, судебную, президентскую и прокурорскую), явно проводя параллель с теорией «пяти властей» Сунь Ятсена (тот выделял, помимо трёх классических ветвей власти, также контрольную и экзаменационную). Представляется, что именно в этих «эндемичных» разновидностях ветвей власти проявляются национальная специфика государственно-правовых традиций наших стран, исторические приоритеты развития государственных институтов.

Оживлённый российско-китайский диалог завязался при обсуждении проблем административного процесса, которым посвятили свои доклады доцент Юридического института Хэйлунцзянского университета Вэнь Хэнго и доцент Новосибирского государственного университета экономики и управления О. Н. Шерстобоев. Китайский исследователь сделал обзор истории развития административного процесса в России, отметив постоянное колебание судебного порядка разрешения административных споров между специализированным административным процессом и единым гражданским процессом. По мнению китайского коллеги, несмотря на старания специалистов в сфере гражданского процесса, разработать единый гражданский процессуальный кодекс и вернуть административный процесс в его лоно, более вероятным выглядит дальнейшее обособление административно-процессуального права за счёт формирования собственной судебной практики.

О. Н. Шерстобоев также обратил внимание на наличие в России дискуссии о месте административного судопроизводства: продолжает ли оно оставаться внутри гражданского процесса или вышло из-под его опеки. Перейдя непосредственно к теме своего доклада, российский учёный на основе сравнительно-правового анализа отметил тенденцию отхода от активной роли прокурора в административном судопроизводстве в России и странах СНГ и допустил даже полный отказ от процессуального статуса прокурора в этой сфере. Однако, по его мнению, такой выбор должен сопровождаться формированием компенсационных механизмов защиты субъективных прав невластных субъектов, а также обеспечения публичных интересов.

Очерк истории административного процесса в России представил и самый неожиданный участник конференции – младший научный сотрудник Института Латинской Америки Китайской академии общественных наук Лю Тяньлай. Его научная специализация состоит в довольно свежих для российского юридического сообщества компаративных исследованиях права России и Бразилии, а также институтов правовой помощи между странами БРИКС. Проведя обстоятельный анализ 500-летнего опыта развития административного процесса в России, китайский коллега пришел к выводу, что наличие или отсутствие административной юстиции и уровень её развития является своеобразным «барометром», характеризующим уважение государства к правам и свободам человека и гражданина. Поэтому история развития российского административного судопроизводства одновременно представляет собой и летопись прав и свобод человека в России.

Секция 4. Теория и практика

В этой секции представлены выступления по различным актуальным проблемам общего характера, от методологии компаративных правовых исследований до реформы ВТО.

Э. Л. Раднаева, декан юридического факультета, заведующая кафедрой уголовного права и криминологии Бурятского государственного университета им. Д. Банзарова отметила, что сравнительное правоведение стран Азиатско-Тихоокеанского региона является перспективным научным направлением, а роль Российской Федерации в развитии азиатско-тихоокеанского сотрудничества возрастает. А. Т. Тумурова, доцент юридического факультета Бурятского государственного университета им. Д. Банзарова, обозначила существующие проблемы методологии востоковедных сравнительно-правовых исследований, среди которых фундаментальной является проблема выработки единого правопонимания. С. В. Моисеев, доцент кафедры гражданского процесса юридического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова, отметил изменения российской судебной системы, а также порядок обжалования судебных актов, сложившийся после создания апелляционных и кассационных судов общей юрисдикции, указал её некоторые недостатки.

Партнёр юридической компании «Дэхэн» Чжан Чжэньли в своём выступлении осветил проблемы института оспаривания сделок должника в российском законодательстве о банкротстве. По его словам, с ростом объёма китайских инвестиций в российскую экономику китайские инвесторы всё чаще сталкиваются с проблемой банкротства российских контрагентов или получателей инвестиций, тогда как оспаривание сделок позволяет восстановить имущественное положение компании-должника и удовлетворить требования кредиторов.

Лю Цюинь, преподаватель Юго-Западного политико-юридического университета, остановилась на особенностях современной российской теории государства и права, среди которых отметила значительное (в сравнении с китайской теорией права) внимание к вопросам философии права и методологии правовых исследований, необходимость преодолеть тотальное отрицание советского опыта и слепое копирование зарубежных институтов и норм права, а также проблему противоречивых и взаимоисключающих подходов к познанию государства и права, неизбежную при существующем методологическом плюрализме.

Ли Сюй, научный сотрудник Нанкинского педагогического университета, посвятил своё выступление поиску взаимопонимания между Россией и Китаем в вопросах реформы ВТО. В качестве основы для рассуждений докладчик взял принципы, изложенные в китайских официальных документах по реформе ВТО: «Позиционном документе Китая о реформе ВТО» от 23.11.2018 и «Рекомендациях Китая о реформе ВТО» от 13.05.2019. По каждому пункту автор провёл сопоставление с позицией российской стороны, почерпнутой из выступлений председателя Правительства России Д. А. Медведева. Ограниченное знакомство с российскими официальными источниками привело китайского исследователя к неверным выводам: говоря о солидарности двух государств в вопросе учёта специальных прав и интересов развивающихся стран, докладчик исходил из того что Россия, как и Китай, вступила в ВТО как развивающаяся экономика, в то время как в действительности наша страна официально вошла в организацию в статусе экономически развитой страны.

Таким образом, во время работы Симпозиума были затронуты наиболее острые и значимые вопросы, касающиеся современного законодательства как России, так и Китая. Подобные мероприятия безусловно способствуют международному научному сотрудничеству и помогают изучать и понимать право соседствующих государств, без знания и применения которого невозможно выстраивать взаимоотношения.

В завершение симпозиума профессор Хуан Даосю обратилась к молодым китайским юристам-русистам: «Летите на крыльях русского языка к своей мечте!».

Встречное пожелание можно адресовать и российским юристам: только изучая китайское право на языке оригинала, можно познать его достаточно глубоко, чтобы использовать на практике для защиты интересов российских граждан и организаций, а также развития российско-китайского сотрудничества и взаимодействия.

Научное издание

АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКИЙ РЕГИОН
Экономика, политика, право

Научный журнал

2019

№ 4

Председатель редакционного совета

С. Д. Князев

Главный редактор

А. И. Коробеев

Заместители главного редактора

В. В. Гаврилов, Н. В. Кузнецова, А. Ю. Мамычев

Ответственный секретарь

В. В. Короченцев

Редакционный совет

П. Я. Бакланов, В. Г. Белкин, Д. Вандерхзвааг, А. Я. Капустин,
А. С. Кошель, В. И. Курилов, Ли Сеун, Пак Ноенг, И. И. Рогов,
Д. Снайдер, Фу Куенчен, Хуан Даосю, И. В. Панова

Редакционная коллегия

К. В. Арановский, Л. Ю. Вотинцева, Е. П. Жариков,
Н. Н. Коротких, В. А. Номоконов, С. Д. Песцов

Редактор *Т. Л. Федотова*

Перевод на английский язык *Н. В. Бетанкурт*

Редактор References *Т. В. Поликарпова*

Компьютерная верстка *С. А. Прудкогляд*

Дата подписания в печать 29.12.2019.

Формат 70x100 1/16.

Усл. печ. л. 14,51. Уч.-изд. л. 12,32.

Тираж 500 экз. Заказ 108.

Цена свободная.

Издатель:

Дальневосточный федеральный университет
690091, г. Владивосток, ул. Суханова, 8

Отпечатано в типографии Издательства
Дальневосточного федерального университета
690091, г. Владивосток, ул. Пушкинская, 10